

НОВИНКИ·СОВРЕМЕННОСТИ·

Игорь Козлов

ВРЕМЯ Ч

НОВИНКИ ◊ СОВРЕМЕННОСТИ ◊

Игорь Козлов

ВРЕМЯ Ч”

Рассказы

Москва
«Современник»
1987

P2
K59

Рецензент

Г. Политыко

К $\frac{4702010200 - 173}{M106(03) - 87}$ 51 - 87

Сезон чернотропа

1

Участок границы, который охраняла застава, проходил по гребню высокой горы. Вся равнина видна с нее как на ладони. Наш склон — крутой, словно трамплин, а противоположный — длинный, пологий и к вершине можно подъехать даже на машине. Используя этот парадокс природы, «сопредельная сторона» — так пограничники называют соседнее государство — почти на линии границы соорудила наблюдательную вышку, поставила на ней сильную оптическую трубу — прямо телескоп!

В ясные солнечные дни на этой вышке, кроме солдат пограничной охраны, появлялись разведчики. Они внимательно изучали наш участок. Не знаю, для чего?.. Но, видимо, были свои соображения и планы: разведчики постоянно что-то отмечали на картах, фотографировали, делали записи в блокнотах. Одним словом — работа кипела!

Тогда, чтобы хоть как-то помешать их бурной деятельности, наше командование решило с помощью вертолета установить на горе свою наблюдательную вышку — прямо нос в нос: и обзор «любопытным соседям» будет несколько испорчен, и все-таки под постоянным присмотром, может, немного стесняться будут.

Подниматься на гору тяжело. Особенно зимой, когда склоны покрываются льдом. А самое главное, служба здесь требует особой бдительности

и выдержки: расстояние между вышками — метров двадцать, каждое произнесенное вслух слово сразу улавливают «наостренные уши».

В то весеннее утро все было как обычно. Машина подвезла нас к подножию горы. Мы выпрыгнули из кузова, и я сразу заметил — на вершине блеснули стекла «телескопа»...

Когда впервые по узкой крутой тропе я поднялся к вышке, то где-то на полпути совсем выдохся, повалился на большой камень и пересохшими губами бормочу: «Не могу больше...»

Нас, новичков, вел тогда начальник заставы капитан Васильев. Он подошел ко мне, положил руку на плечо и спокойно так говорит: «Рядовой Сухов, поймите меня правильно... Я знаю, что вам трудно. Можно, конечно, постепенно привыкать. Но оттуда, с вершины, наблюдают за каждым вашим шагом... Что они подумают, если увидят, как вы вниз поползете? Отдохните немного, и пойдём...»

Капитан поднялся чуть выше — вся наша братия пластом лежала вдоль тропы, — стал что-то говорить другому солдату, у которого, наверно, самочувствие было не лучше. А ко мне, ловко прыгая по уступам, подлетел сержант Юра Попов — он шел впереди, а начальник заставы замыкал цепочку. Сержант был моим земляком, мы с ним успели познакомиться. Попов лег рядом, усмехнулся, шутливо ткнул меня кулаком в бок и задорно сказал: «Вставай, пограничник, не позорь державу!»

С тех пор перед каждым восхождением я невольно вспоминал его слова.

Сержант Попов и на этот раз был старшим наряда. Когда машина, развернувшись, уехала, он посмотрел на вершину, нарочито громко вздох-

нул, потом весело подмигнул нам и привычно дал команду:

— Заряжай!..

Голос у Попова — звонкий, озорной. Вроде произносит команды четко, строго, а получается — весело.

У подошвы горы, где дорога упирается в склон, на специальной подставке укреплен обрубок чугунной трубы. Сначала к нему неторопливо подошел рядовой Федя Басаргин — третий из состава нашего наряда. Он деловито вставил в трубу ствол автомата, вытащил из подсумка магазин, лязгнул затвором.

— Оружие заряжено!

Федя — волжанин. Говорит на «о». Парень сильный, коренастый, а ходит немного вразвалочку, как медвежонок.

Попов кивнул мне. Я подошел к трубе и проделал ту же, знакомую каждому пограничнику манипуляцию. Или лучше сказать — совершил ритуал: теперь мы были готовы в любой момент вступить в бой.

Началось восхождение. Тропа медленно плыла перед глазами. Лед кое-где подтаял, под подошвами сапог шуршала прошлогодняя листва, хрустел песок. Солнце здорово припекало, но мы были в ватных куртках и зимних шапках, потому что там, наверху, всегда бушевал ветер. Несколько раз по пути я хватал горсть синего ноздреватого снега и бросал его за шиворот. Приятный, освежающий холодок полз по спине...

Наконец мы добрались до маленькой будочки. Она пряталась за бугром у самой вершины. Здесь, на всякий случай, хранился небольшой запас продовольствия, стояла самодельная печурка. Когда было особенно холодно, мы по одному спуска-

лись с вышки и заходили в будочку погреться.

Передохнув немного, мы не спеша, с достоинством вышли из-за бугра.

На вышке сопредельной стороны уже стояли три солдата. Увидев нас, они загалдели, послышался резкий, гортанный смех: их сюда привезли на машине, а с нас, пока мы поднялись, сошло семь потов.

Каждый раз повторялось одно и то же, и каждый раз такая «встреча» раздражала меня: «Как им не надоест?..»

Мы поднялись на смотровую площадку, заняли обычные посты наблюдения. Солдаты сопредельной стороны, повесив автоматы на гвоздь, о чем-то болтали, показывали на нас руками. Потом они закурили и стали соревноваться, кто дальше плюнет в сторону границы.

Прошло несколько часов. Утренний туман рассеялся, видимость была отличная.

— Надо ждать гостей, — сказал Попов.

И он не ошибся. Вскоре у подножия горы появился легковой автомобиль. Он резво побежал по дороге, которая, извиваясь, как змея, хищно ползла к границе.

Вояки сопредельной стороны похватили свои автоматы и приняли позы, означающие, по их мнению, бдительное несение службы.

Скрипнули тормоза — из кабины вышел разведчик. Мы знали его в лицо и между собой звали «активный». Он хорошо говорил по-русски, всегда приветливо улыбался и давно пытался вступить с нами в контакт. Однажды принес три ондатровые шапки, стал предлагать:

— Берите! Чего боитесь?.. Застава далеко, никто не узнает. Дембель дадут — домой красивый поедешь!

Так хотелось послать гада кой-куда подальше! Но у границы свои законы — приходится молчать, спокойно выслушивать...

Другой раз «активный» появился на вышке с картонной коробкой. В ней оказался портативный магнитофон. Никелированные ручки ярко сверкали на солнце... Провокатор, оскалившись, шумно демонстрировал свою игрушку, затем нажал на клавишу — полилась ритмическая музыка, и на ее фоне мяукающий женский голос, захлебываясь от старания, понес антисоветчину. «Активный» прокрутил пленку, и началось обычное представление.

— На, возьми! — протягивал он магнитофон. — Такую вещь нигде не достанешь! Никто не видит, никто не узнает...

Целый час старался провокатор, охрип на ветру. Наконец, грязно выругался, кубарем скатился вниз, сел в машину, зло хлопнув дверцей... После того случая «активный» куда-то надолго исчез, и вот он снова появился на вершине.

— Ба! Старый знакомый! — усмехнувшись, тихо сказал Попов. — Что-то он затеял на этот раз?..

«Активный» молча поднялся на вышку. Вид у него был хмурый, озабоченный. Не глядя на нас, он приткнулся к окулярам оптической трубы, стал рассматривать фланги нашего участка. Потом достал из планшета карту. И тут случилось непредвиденное: дунул сильный порыв ветра и карта буквально выпорхнула у него из рук. Подхваченная вихрем, она перелетела границу и прилипла к перилам нашей вышки, прямо рядом с Поповым.

Я от неожиданности оцепенел. Глаза «активного» от ужаса стали квадратными. И только сер-

жант — нужно отдать ему должное — действовал решительно и хладнокровно. Он каким-то быстрым, я бы даже сказал — элегантно-быстрым движением снял карту с перил, ловко свернул ее несколько раз и спокойно положил за пазуху. Потом облокотился на перила и стал смотреть на сопредельную сторону так, будто ничего не произошло, и только краешком рта хрипло прошептал:

— Басаргин... доложи... на заставу...

Федя мгновенно слетел вниз и побежал к будочке, где у нас был телефон.

«Активный» пришел в себя.

— Попов, отдай карту! — яростно заорал он.

— Ты смотри, даже фамилию знает, — удивился сержант. — Не зря свой хлеб жрет.

— Карту отдай! Отдай карту! Карту!.. — вылез разведчик. И вдруг умолк, снял с руки часы, протянул их и заискивающе попросил: — Попов, это золотые... Верни карту, очень тебя прошу... С меня за нее живьем шкуру сдерут. А у меня семья, дети. Детей пожалей, сержант! Будь человеком! Зачем тебе эта карта?..

Я посмотрел на Попова. Он закусил нижнюю губу.

«Активный» немного помолчал, выжидая, что будет дальше. Попов стоял в той же позе.

— Ну, пеняй на себя! — зло крикнул «активный». — Не отдашь по-хорошему — силой возьмем! С трупа возьмем!

Он дал солдатам какую-то команду. Те — испуганно переглянулись, потом нехотя передернули затворы, улеглись на доски смотровой площадки, направив на нас оружие.

— Минута тебе на размышление, Попов! — взвизгнул «активный». — Потом — открываю огонь!

Сержант глянул на меня. Мы молча опустили флажки предохранителей автоматов и тут же услышали резкий свист. Это был оговоренный сигнал: «спускайтесь вниз». Я посмотрел в сторону бугра — там у нас оборудован небольшой окоп, — Федя Басаргин, взяв на мушку «активного», был готов прикрыть нас.

— Медленно... спокойно... пошел! — приказал мне Попов.

— Юра, давай ты первым. У тебя карта, — забыв формальности службы, взволнованно прошептал я.

На какую-то секунду сержант задумался, потом кивнул и неторопливо пошел к лестнице.

Я не отрываясь смотрел на сопредельную сторону, готовый в любой момент дать ответную очередь. Сердце бешено стучало. Выл ветер. Гудели металлические перекладки под сапогами Попова.

«Активный» растерянно наблюдал за сержантом. Видимо, никак не мог принять роковое решение. Но вот он что-то приказал солдатам — те отрицательно закачали головами, протестуяще загалдели. «Активный» бросился на них с кулаками, выхватил пистолет... Что было дальше на их вышке, не знаю: еще раз раздался условный свист — и я камнем скатился вниз, рывком добежал до бугра и, как в воду, нырнул в окоп. Я весь был в испарине, тяжело дышал. Попов склонился надо мной. На его лбу тоже висели крупные капли.

— Порядок, Сережа... — невнятно пробормотал он.

Басаргин продолжал добросовестно вести наблюдение. Не обращившись к нам, он сказал:

— Приказано мне с картой спуститься в доли-

ну... Вам оставаться здесь. Скоро придёт тревожная группа...

Я занял место Басаргина. Как они передавали друг другу карту — не видел. Только услышал, Попов сказал Федору: «Оставь свой боекомплект...»

На сопредельной вышке теперь никого не было. Но вскоре ветер донес рев моторов — к линии границы выехали два грузовика с солдатами. По команде они развернулись в цепь.

Мы были готовы держать оборону.

— Стрелять только по моей команде. Прицельно. Одиночными, — приказал сержант.

И тут за нашими спинами раздался ляг и хрип: тревожная группа, на ходу изготовляя пулеметы, ввалилась в траншею. Ребята были в мыле... Потом они рассказывали, что никогда еще так быстро не забирались на гору. «Карабкались, как обезьяны! — смеялся старшина. — Разворотили всю тропу!» Но это было позже... А тогда мы напряженно ждали, что произойдет.

Через несколько минут в небе затарахтели наши вертолеты. Это заметно придало нам бодрости.

На сопредельной стороне прозвучала команда. Солдаты быстро попрыгали в кузова грузовиков. Машины покатали прочь от границы.

Так закончился этот инцидент.

2

Приближался летний период службы, или, как говорят пограничники — сезон чернотропа. Начальника заставы вызвали в штаб отряда. Он вернулся чем-то сильно озабоченный и вскоре собрал нас в классе тактической подготовки, где на спе-

циальном столе лежал рельефный макет участка: горы, лощины, ручьи, даже отдельные группы камней — все было видно на нем.

— Товарищи, я должен сообщить вам важные новости...— строго и необычно сурово начал капитан.— Удалось расшифровать ту злополучную карту, которую наш наряд доставил с границы...— В классе стояла напряженная тишина.— Выяснилось, что сопредельная сторона хочет использовать наш район для заброски разведывательно-диверсионных групп. Наиболее вероятное направление движения нарушителей — вот эти ущелья...— Он показал их на макете.— Это понятно... По ним протекают речушки, которые берут свое начало на гребне хребта, то есть у самой линии границы. Значит, двигаясь вдоль русла, лазутчики могут в темноте, не теряя ориентира, выйти в наш тыл...— Начальник заставы внимательно посмотрел на нас, нервно провел ладонью по широким скулам.— Нам приказано в ночное время выставлять секреты в ущельях — блокировать их. Конечно, нагрузка возрастет... Нам обещали помочь с людьми... Почти каждый из вас станет старшим пограничного наряда — вы лучше знаете участок. Я уверен, что мы справимся с этой задачей.

Через несколько дней на заставу действительно прибыло пополнение. В казарме пришлось потеснить койки, но все равно всем места не хватило. Тогда во дворе установили большую палатку, в нее по предложению старшины перебрались «любители свежего воздуха».

Месяц мы несли службу с повышенным напряжением. Все было тихо, спокойно... Днем, как обычно, наряды поднимались на вышку. «Активный» после того случая бесследно исчез. Но дру-

гие разведчики продолжали постоянно вести наблюдение. Правда, что-либо настораживающее в их поведении не замечалось... Солдаты заставы успокоились, а некоторые даже посмеивались над нами: вот, дескать, навели шороху, «липовую» карту вам подсунули...

Прошел второй месяц... В августе по вечерам горы стали окутываться туманом. Как мягкий ледник он медленно сползал в долину. Момент для нарушения границы был самый подходящий. Начальник заставы решил блокировать не только ущелья, но и лощины, по которым протекали небольшие ручьи. Одна из них досталась мне и молодому солдату Грише Семушкину.

Это случилось 21 августа в 3 часа 19 минут...

3

Ночь в горах похожа на живое существо — огромное, скользкое, неповоротливое. Оно все время тяжело вздыхает, ухает, ворочается — никак не может уснуть. Правда, пограничному наряду, несущему службу, это как раз на руку: невольно находишься в постоянном напряжении, чутко, до звона в ушах, вслушиваешься в шорохи и шумы.

Позицию мы занимали отличную: я лежал у дерева на краю лощины, а Семушкин — метрах в тридцати за мной, но уже внизу — прямо у ручья, среди больших валунов.

План у нас был такой. Если я замечаю нарушителя, идущего по дну лощины — даю условный сигнал. Затем пропускаю его так, чтобы он оказался между мной и Семушкиным. Потом, окрикнув нарушителя, иду на задержание, а Семушкин прикрывает мои действия.

Как же все это произошло?.. Сейчас мне труд-

но восстановить в памяти детали и подробности... Отчетливо я помню только начало боя... До того момента, как вскрикнул раненый Семушкин... Правда, тогда я подумал, что его убили. А крик, который он издал, был скорее похож на всхлип — такой жалобный, детский...

Они возникли внезапно. Выплыли из тумана и шли тихо, как призраки, мерно покачиваясь в одном ритме. Было в этом видении что-то нереальное, фантастическое... Но во рту у меня сразу пересохло, и зубы застучали: инстинкты действуют быстрее, чем сознание.

Их было двое...

«Вот, значит, какой расклад...» Я точно помню, что именно эта нелепая мысль промелькнула у меня в голове, и дрожь сразу исчезла. Я дернул бечевку — другой ее конец был у Семушкина — и через несколько секунд уловил ответный рывок — Гриша меня понял.

Призраки приближались. Они двигались прямо к валунам, за которыми укрывался Семушкин. И вдруг случилось непоправимое. Видимо, Гриша хотел поменять позицию: он приподнялся, камень хрустнул под его сапогом — и тут же раздался странный, чавкающий хлопок: «чих...» И я услышал, как Семушкин всхлипнул, жалобно, как ребенок.

Потом я понял, что они стреляли на звук. Потом... Но тогда от этого всхлипа во мне что-то оборвалось. Я вскочил и хриплым, страшным голосом закричал:

— Стой! Руки вверх!

И сразу же снова раздалось: «чих... чих...» (Как будто в резиновых сапогах по болоту идут.) От дерева, за которым я укрывался, отскочила щепка и больно впилась мне в щеку. Те-

перь-то я смекнул, что означает этот «чих...». Так звучит выстрел карабина бесшумного боя.

Они были внизу, а я — наверху. Укрыться им было трудно. Вот оно — упражнение номер... ночные стрельбы... Одного я уложил сразу: он вскинул руки и плюхнулся прямо в ручей. Второго решил брать живьем.

— Бросай оружие! — приказал я. Мой голос эхом отозвался в лощине.

«Призрак», видимо, понял, что он у меня на мушке. Лазутчик, немного помедлив, кинул свое «устройство» — металл лязгнул о камни; поднял вверх руки.

Но стоило мне выйти из-за дерева, как он каким-то немислимым кульбитом прыгнул в сторону и тут же грянул громкий выстрел.

Я почувствовал удар в плечо. Он опрокинул меня на землю.

«Призрак» метнулся вверх по лощине, в сторону границы. Я судорожно подтянул одной рукой автомат, уперся им в корень и дал очередь: пули хлестнули прямо перед его носом.

Нарушитель рухнул как подкошенный. Затаился... Он ждал, когда я снова встану, чтобы осмотреть свой «трофей». Но я, во-первых, специально бил впереди него и, стало быть, точно знал, что он невредим, а во-вторых, при всем желании не мог бы встать: что-то липкое, теплое текло по плечу; левая рука не слушалась меня; леденящая боль ползла по телу.

Схватив разгоряченным ртом несколько глотков воздуха, я крикнул:

— Лежать! Пошевелишься — убью...

Для верности я прицелился в камень, торчащий рядом с его головой, и нажал на спусковой

крючок. Ударил выстрел. Нарушитель дернулся, съежился...

Потом стало тихо. Кричать уже не было сил. В глазах у меня помутилось. «Неужели потеряю сознание?» — мелькнула отчаянная мысль. И сразу туман рассеялся: нарушитель лежал в той же позе... лощина... ручей...

«Вот... Надо о чем-то думать... Если почувствую, что конец, я его, гада, прищучу... Не уйдет...»

Боль в плече начала дергать, а в голове что-то затикало, будто включили взрывное устройство.

Лазутчик встрепнулся. Он, наверно, догадался, что его противник ранен.

— Лежать... — прохрипел я и, стиснув зубы, нажал на спусковой крючок. Одиночный выстрел щелкнул зловеще, как кнут.

«Пусть знает, что живой... В случае чего, я его уложу... На это сил хватит...»

Неожиданно, совсем рядом, бухнула ракета — зеленый шарик, шипя, разбрасывая горячие искры, впился в небо, осветив все вокруг сизым мерцанием.

«Семушкин!.. Жив, родной... Семушкин...»

Прошло несколько минут. И снова теперь уже красная ракета взлетела вверх.

Я представил себе: раненый Гриша, лежа на спине, слабеющими пальцами выковыривает из ячейки гильзу, чтобы дать сигнал, и уже мчится к нам на помощь тревожная группа, и выдвигаются соседние наряды...

Теперь я точно знал, что дождусь.

Сознание как бы раздвоилось: одна половина, не отрываясь, следила за нарушителем, а вторая — воспринимала все то, что происходило во мне. А там жила и нарастала боль,

полыхал жар и одновременно трепетал озноб.

Гул мотора... Свет прожектора...

«Предупредить надо...» — сквозь забытие подумал я, оперся на здоровую руку и, сделав последнее усилие, чужим, визгливым голосом прокричал в ту сторону, откуда бил ослепительный голубой луч:

— Ребята... Он живой... С оружием...

Потом все закачалось, закружилось: лощина полетела вверх, а звезды оказались внизу...

4

В Москве на улице Большая Бронная есть музей пограничных войск. Когда подросток мой сын, я привел его сюда. Мы переходили от экспоната к экспонату, и я рассказывал ему о первых пограничниках, ходивших в лаптях по размокшим дозорным тропам, о сражениях с бандами басмачей, о тех, кто принял на себя внезапный удар фашистов... Я рассказывал о разных поколениях воинов границы. Все они выполнили свой долг. Каждый на своем посту...

И, может быть, чуть дольше я задержался у одного из последних стендов: за толстым голубоватым стеклом лежит снаряжение ликвидированной разведывательно-диверсионной группы — карабины бесшумного боя, пистолеты, ножи...

— Папа, как звучит выстрел этого карабина? — спросил меня сын.

И я ответил:

— Представь себе, в резиновых сапогах идешь по болоту: «чих... чих...»

Златые горы

1

В ту ночь начальник заставы капитан Михайленко как нормальный человек спал дома... В ту ночь на заставе дежурил его молодой заместитель — лейтенант Климов.

А под утро, когда снился капитану удивительный сон, неожиданно зазвонил телефон. Михайленко вскочил, схватил трубку и тихо, чтобы не разбудить жену, сказал:

— Слушаю...

— Извините, товарищ капитан, — робко начал Климов. — Тут вот какое дело... Приехал геолог. У них рабочего убили.

— Сейчас буду.

Михайленко положил трубку, с сожалением посмотрел на раздумяившуюся во сне жену и на цыпочках вышел в соседнюю комнату. Здесь он надел форму, чертыхаясь натянул непросохшие за ночь сапоги — всю неделю лил прямо-таки тропический дождь.

Облачившись в плащ-накидку, Михайленко открыл входную дверь и нырнул в сплошной поток воды. «Вот и ладушки — умыться не надо...» — злорадно подумал он.

Часовой заставы, нахохлившись, как воробей, стоял посреди океанской лужи. Казалось, этим он выражает свой протест природе: прятаться куда-либо не имело смысла.

Увидев командира, солдат строевым шагом

направился к нему, чтобы доложить по всей форме. Брызги из-под сапог разлетались фонтаном.

— Отставить...— поспешно махнул рукой Михайленко и понуро побрел к заставе.

В углу канцелярии, чинно положив руки на колени, в напряженной позе сидел сухощавый, общипанный мужичишка. Вода медленно капала из каждой складки его одежды, так что под стулом уже образовалось маленькое озерцо. Увидев начальника заставы, мужичишка вскочил, четко, стараясь угодить военному, представился:

— Прораб Иван Кириллович Тихомиров.

Михайленко пожал ему руку, как бы между прочим спросил:

— Что у вас стряслось?

— Вот ведь беда какая...— сбивчивой скороговоркой залепетал Тихомиров.— Убили промывальщика Мохова. За что — не ясно?.. Будь он неладен. Зачем я его только взял...

— Вы не торопитесь, Иван Кириллович...— Михайленко снял с вешалки вафельное полотенце, вытер лицо.— Расскажите все по порядку. Где труп обнаружили? Когда?

— В камеральной палатке обнаружили... ночью...— Тихомиров подался вперед, как-то неестественно вытянув ладонь, хрипло прошептал: — И ведь... самородок в кулаке зажат. Прямо жуть...

— Что такое камеральная палатка?

— Ну, навроде вашей канцелярии. Там у нас все это хранится... Карты, шлиховые пробы...

— Золото нашли?

— Похоже, на россыпь напали...

Михайленко и Климов переглянулись. Лейтенант сразу понял своего командира, тихо встал, вышел из канцелярии. Через несколько секунд

все наряды, охранявшие границу, получили «вводную»: в пограничной зоне убит человек; преступник может попытаться уйти за границу; усилить бдительность.

А тем временем Михайленко продолжал уточнять обстановку.

— Чем его убили?

— Сюда тюкнули...— Тихомиров показал на свой висок.

— Ваши все на месте?

— Так точно. На месте.

— В лагерь кто-нибудь приходил?

— Никак нет. Кто ж туда доберется в такую погоду.

— Значит... кто-то из своих?

Тихомиров неопределенно пожал плечами.

— Вас начальник послал?

— Да... Вадим Петрович... Езжай, говорит, доложи. Пусть на «большую землю» сообщат.

Михайленко задал еще несколько вопросов, затем вызвал старшину, велел выдать Тихомирову сухое обмундирование, накормить, напоить чаем... Потом он некоторое время размышлял над картой, оценивая возможные маршруты от лагеря геологов до границы, дал соответствующие распоряжения. И наконец, приказав связистам соединиться с управлением пограничного отряда, доложил дежурному о происшествии.

Не успел он отойти от аппарата, как отряд сам вызвал его на связь.

— Что у вас случилось, Михайленко? — Это был голос начальника штаба.

Капитан еще раз доложил о всех обстоятельствах.

— Ваши действия? — строго спросил начальник штаба.

— Охранять границу...— спокойно сказал Михайленко и после небольшой паузы добавил: — Усиленно...— Он считал, что в любом случае для пограничника это самый правильный ответ.

В телефоне слышался монотонный шелест. Начальник штаба куда-то пропал. Михайленко даже дунул в микрофон, проверяя — не оборвалась ли связь.

— Прекратите свистеть в трубку! — раздраженно крикнул начальник штаба; он еще немного помолчал и наконец сказал: — Я проконсультируюсь с товарищами из прокуратуры, потом дам указание...

Через час он снова вызвал Михайленко.

— По такой погоде следовательно будет добираться к вам несколько суток... Поэтому приказываю: границу охранять усиленно; лейтенанту Климову вместе с инструктором службы собак направиться к месту происшествия, постараться уточнить все обстоятельства гибели, по возможности выявить преступника... Вопросы?

— Вопросов нет.

2

Дождь нежно шуршал по капюшону. Лейтенант Володя Климов, покачиваясь в седле, мужественно боролся со сном. Впереди мутным пятном маячила спина прораба Тихомирова. Климов обернулся — сержант Исаев, положив собаку поперек лошади, старался укрыть ее полой плаща.

Климов сомкнул тяжелые веки, неторопливо размышлял о превратностях судьбы пограничника. Месяц служит он на заставе, но, честно говоря, так и не привык к калейдоскопу событий.

В первый же день граница подарила ему бо-

ево крещение. Поглядывая на блестящий, еще непривычный офицерский погон, Климов только представился капитану Михайленко, и вдруг: «Застава, в ружье!»

Дерзкий лазутчик — днем, в легком водолазном снаряжении — преодолел пограничную реку. Он тихо вышел в протоке, стал осторожно пробираться в наш тыл. Контрольно-следовую полосу нарушитель перескочил очень лихо: только один плоский отпечаток остался в центре бугристой ленты. Его-то и заметил зоркий наряд. Началось преследование... Климов, прямо в парадной форме, поехал с тревожной группой. Лазутчик, зажатый заслонами, забрался в заросли, вяло отстреливался... Михайленко ломал голову: как «выкурить» гада из кустов, чтобы он не побил личный состав?

И тут Климов вспомнил повесть «Казачья застава». Еще на первом курсе училища кто-то из курсантов с удивлением открыл, что она о пограничниках: «Вся система охраны границы описана!» — радостно восклицал он. Володя тогда внимательно перечитал сочинение отставного поручика Льва Толстого. Климов рассказал начальнику заставы, как казаки «брали» противника, толкая впереди себя арбу с сеном. Михайленко сразу уловил его идею. Плащ-палатки набили землей, связали узлами, уложили в «уазике», сняли дверцы — ни дать ни взять — танк получился!

И вот на полной скорости машина задом влетела в кусты. Она буквально выдавила из них лазутчика. Михайленко с нарядом наступал с фронта; Климов выскочил из «уазика», выбил пистолет из рук ошалевшего нарушителя...

Так, в настоящем деле, познакомился начальник заставы со своим новым заместителем. Потом

Михайленко неделю таскал его по участку, чтобы тот знал каждый бугорок, каждую ложбиночку, «как дорогу к крылечку любимой». Потом солдат, который нес службу на наблюдательной вышке, доложил, что границу перелетел воздушный шар и упал где-то в лесу. Михайленко выделил Климову опытный наряд и послал на поиски. Несколько дней ползали они по чаще и наконец обнаружили этот проклятый шар: он повис на дереве, к нему был подвешен какой-то контейнер. находку передали в отряд... Потом внезапно навалился циклон, пошли нескончаемые дожди. Сухие низины превратились в озера, овраги — в бурные реки. Пришлось эвакуировать склады, восстанавливать линии связи. Дозоры готовились на службу, как водолазы перед погружением. Основная нагрузка ложилась на них — потоки воды практически смыли контрольно-следовую полосу... В общем, забот хватало, и вот теперь геологи эти...

Климов вспомнил, как в начале месяца у заставы остановилась самоходная баржа, из нее, ведя под уздцы лошадей, «десантировались» пять человек. Командовал ими резкий, энергичный дядька; на вид ему было лет тридцать. Михайленко проверил у него документы, разрешающие проведение поисковых работ в пограничной зоне — все в полном порядке; к тому же из отряда был предупреждающий звонок.

Капитан предложил геологам переночевать на заставе, выступить перед пограничниками. Но их «командир» пробурчал: «некогда заниматься ерундой», велел погрузить на лошадей продукты, оборудование, взрывчатку, и тут же геологи отправились по оговоренному маршруту.

Через некоторое время Михайленко решил совершить дозор по тылу. «Проверю, как там наши

изыскатели, — ухмыляясь, говорил он. — Организирую из них добровольную народную дружину. Пусть помогают границу охранять...» Вернулся он хмурый, недовольный. На вопрос Климова ответил: «Вкалывают... Похудели, обросли... Хотел провести беседу о бдительности... Начальник их не позволил... Нечего, говорит, отвлекать людей от дела, пусть каждый выполняет свои обязанности...»

Климов открыл глаза. Все так же шелестел дождь, чавкала вода под копытами лошадей. Лес впитывал влагу, благоухал сыростью.

3

К лагерю геологов добрались только к обеду. Лошади выехали на плоскую поляну, лежащую уступом на склоне холма. Здесь стояли две палатки; одна побольше — над ней торчала жестяная труба, сделанная из консервных банок; вторая поменьше — видимо, это и была здешняя «канцелярия».

Тихомиров сполз со своей кобылки, громко высморкался, вопрошающе глянул на Климова:

— Так что... товарищ лейтенант... куда пойдём?

— А где люди?

— Работают... Там, у реки... — Тихомиров махнул рукой в сторону, откуда доносился гул воды. И тут же раздался глухой взрыв. Прораб усмехнулся: — Во, Вадим Петрович шурфы рвет.

— И дождь не помеха?

— Что поделаешь?.. Сезон-то один — надо принаравливаться. — Тихомиров немного помолчал, потом сказал: — Может, зайдем, погреемся?

Мы тут печурку сложили. Или... труп пойдете смотреть?

Климов сглотнул слюну, торопливо ответил: — Погреемся...

Пошли к большой палатке. Прораб отдернул полог, жестом предложил войти.

Палатка была сделана добротно: каркас сколочен из тонких жердей, на него натянута белая «наволочка», потом байковый «утеплитель», потом уже сам «брезентовый дом». Вдоль одной стены тянулись нары, в центре стояли: самодельный стол, чурбаны-стулья; в углу сверкало гранитом некое сооружение — что-то вроде камина; пол устлан свежей хвоей.

— Хорошо устроились,— похвалил Климов.

— Стараемся...— Тихомиров начал хлопотать по хозяйству.— Вадим Петрович до аккуратности строг. Свинства не любит.

Прораб подбросил в печурку сухие поленья — их заготовили впрок, чиркнул спичкой. Весело затрещал огонь, осветив полумрак палатки. Тихомиров сунул свои лапы прямо в языки пламени.

— О-о-о...— радостно прорычал он.— Сейчас ушицу подогреем, вкусную... Вчера... сам готовил...

Сержант Исаев и его пес Джек скромно расположились у входа.

— Товарищ лейтенант,— обратился сержант,— мне собаку покормить надо.

— Действуйте!

Исаев тоже подошел к печке, достал из вещмешка продукты, металлическую миску; стал стряпать немудреную собачью еду. Джек, повизгивая, нетерпеливо смотрел на хозяина; из его шерсти выползал пахучий дымок.

Климов еще раз окинул взглядом палатку —

простая, рабочая обстановка. Неужели здесь зрела трагедия? И на этих нарах бок о бок спали враги, затаенно лелеяли в душе ненависть... А пришло время — выплеснули ее наружу, и один убил другого. Убил, как дикарь, древним способом — ударил в висок, и все...

За что они поцапались, что не поделили? Кусок металла — золото... Зачем оно им? Куда они его денут?.. Ох, люди, люди, как же вы дошли до такого?..

Климов вырос в городе; в школе учился хорошо и очень любил возиться с пацанами. Уже тогда заметил, как жизнь уродует некоторые характеры. Посмотришь, мальчонка еще — а сколько в нем злобы, жестокости: в драке норовит так ударить, чтобы кровь пошла или зубы вон; недругу своему старается такую шкodu подстроить, чтоб тот увечье получил; а ругаться начнет — аж слюна брызжет... Удивлялся: ну откуда они такие?.. Стал разбираться и понял: все от семьи... У кого отец алкоголик, мать истеричка — только кулаками порядок наводит, — тот и сам ненавистью дышит. Ужаснулся: что же делать? Ведь какие ребяташки пропадают!.. Вот тогда и надумал он стать воспитателем. Не учителем, а именно — воспитателем, наставником... Даже свою теорию разрабатывал.

Когда Климов как допризывник проходил медкомиссию, а потом беседовал с военкомом, тот его спросил: «Что думаете после школы делать?» Володя поведал ему о своей мечте. Смешливый майор хохотал до слез, услышав рассказ о климовской теории, потом отдышался, сказал: «Вам, молодой человек, надо в военное училище поступать. Только будучи офицером, вы сможете осуществить свою затею».

«Как это?» — удивился Климов.

«А вот так... Вам, командиру, будет предоставлен коллектив юношей восемнадцати лет, полностью изолированный от дурного — по-вашему мнению — влияния семьи, улицы и так далее... Вы, как воспитатель, наставник, можете выращивать из них людей светлого будущего... И процесс этот будет особенно благоприятным, потому что сопутствует ему святое дело — защита Родины. Это вам не футбольная команда, не клуб и не интернат... О войсковом товариществе слышали? Вот так!..»

Эти слова потрясли Климова и решили его судьбу.

...Тихомиров звякнул ложками, достал из фанерного ящика сухари.

— Ваши придут обедать? — задумчиво спросил Климов.

— Нет... — прораб начал разливать уху. — Они с собой берут, чтобы время на переходы не терять.

— Ну и ну... — удивился лейтенант. — Эксплуатирует вас начальство. Не ропщете?

— Мы же в разведке, — усмехнулся Тихомиров. — У нас тут строгие законы: приказ командира — закон для подчиненных.

— Как фамилия вашего начальника?

— Шаронов... Вадим Петрович Шаронов... Угощайтесь...

Стали жадно хлебать горячее, жирное варево. В углу над своей миской урчал Джек.

«С чего же начать?» — разомлев от еды, неторопливо размышлял Климов. Он стал вспоминать прочитанные детективные романы: «Как там сыщики работали? Кажется, выясняли мотивы убийства...»

— Иван Кириллович, вас всего пять человек?

— Так точно...— Тихомиров тыльной стороной ладони провел по влажным губам.— Было пять...

— Назовите всех.

— Значит... Я, стало быть — прораб... Вадим Петрович... Шурфовщик Петя Никишин, промывальщики Вася Тужиков и этот... Мохов. Вот и все...

— У Мохова враги были?

Тихомиров, как японский болванчик, покачал головой, тихо ответил:

— Кто ж его знает?.. Работа у нас тяжкая... народ мы нервный...— Прораб похрустел корочкой и снова повторил: — Кто ж его знает?..

— Убитый в руке самородок держал... Так?

— Так,— подтвердил Тихомиров.

— Значит, что?.. Он его похитить хотел?

— Не знаю, товарищ лейтенант... Мохов этот «золоточек» сам нашел... Вадим Петрович радовался самородку, как ребенок: понял, на жилу идем... А Мохов... он из старателей — не наш, управленческий кадр... Может, он пожалел, что не утаил «золоточек» — кто ж его теперь узнает? Мы ему говорили — это уголовное преступление... Он нашел — отдал. А потом-то душа старателя болит... День болит, два болит — своими руками такой «золоточек» отдал! На третий день пошел в камеральную палатку, взломал сундучок — и ку-ку...

— Просто в сундуке хранился?

— А куда же его положить? Сейфа в тайге нет!..

— Охранял кто-нибудь палатку?

— Так в ней Вадим Петрович спит.

— А где же он в ту ночь был?

Тихомиров недоуменно пожал плечами.

Вся сонливость мгновенно слетела с Климова. «Вот как поворачивается!» — возбужденно подумал он. Лейтенант хотел тут же начать осмотр камеральной палатки, но еще какой-то неясный вопрос смутно копошился в нем. Наконец он уловил, что его волнует, строго спросил:

— Как старатель Мохов попал в вашу партию?

— Тут такое дело... — кисло прищурился Тихомиров. — Группа наша трудно формировалась... Руководство управления не одобряло и всячески — того... Ну, вы сами понимаете? Промывальщиков не хватает, а Мохов сам пришел... Узнал, что мы в этот район идем — и пришел... Сказал, что мальчонкой с дедом здесь старательствовал, тянет его сюда... Я и взял...

— А почему руководство было против?

— Это я не знаю... Это вы у Вадима Петровича спросите... — суетливо зататорил Тихомиров.

4

В камеральной палатке тоже было строго, опрятно: стол, топчан, сундучок... На топчане аккуратно лежал высокий мужчина: руки сложены на груди, ноги ровно вытянуты, глаза закрыты... Климов первый раз видел убитого человека. Он с некоторым трепетом готовился к этой «встрече», но с удивлением обнаружил, что никакой дрожи в его душе нет.

Лейтенант всмотрелся в лицо убитого. На вид ему было лет пятьдесят; широкие скулы, маленькая курчавая бородка, подернутая легкой сединой, высокий лоб, на левом виске — лиловое пятно.

— Кто обнаружил? — хрипло спросил Климов.

— Вадим Петрович... Меня позвал, мы вдвоем сюда положили, а вообще-то он вот здесь ле-

жал...— Тихомиров подошел к сундучку, показал широким жестом.

Климов обернулся — сержанта рядом не было, крикнул:

— Исаев, ты где?

— Здесь я, товарищ лейтенант,— донеслось снаружи.— Джек волнуется, я его увел.

— Ладно...

Вышли из палатки. Климов глянул на сержанта.

— Что-то ты загрустил, Исаев?

— Нет, товарищ лейтенант... Все в порядке.

— Молодец!..— Климов уже притерся к обстановке, стал чувствовать себя командиром.— Товарищ Тихомиров, укажите основные маршруты вашего передвижения... Исаев, улавливайте!

— По этой тропинке ходим на делянку,— четко доложил прораб.— По этой, извиняюсь, в тайгу... по нужде... Все.

— Вот так, Исаев, вам задача: проверить следовую обстановку в районе лагеря. Вопросы?

— Вопросов нет.

— Действуйте... А мы с вами, гражданин прораб, пройдем, стало быть, на делянку.

Тихомиров впервые за сегодняшний день улыбнулся.

Дождь несколько поутих, сыпал веером, мелким бисером. Хрустальные капли висели на хвое, словно неведомые сказочные ягоды. Лес вздыхал, шевелился, жил...

Климов зорко глядел по сторонам, впитывал в себя дикую красоту. Когда его направили на участок, где на десятки километров вокруг не бы-

ло никакого жилья, он вначале загрузил: как-то воспримет все это «боевая подруга»?

Жена Климова — красавица Катерина — заканчивала дошкольный факультет пединститута (В училище его называли «фабрикой невест»). Они поженились, когда Володя учился на третьем курсе. Командир дивизиона отговаривал курсанта, но Климову стало невтерпеж. А так — просто встречаться — было негде: и Катерина жила с родителями, и отец Климова насчет нравственности очень строг. Вот они и решили: чего дурака валять? Распишемся — и все... Конечно, настоящую семейную жизнь они еще не вкусили: одно дело — сладкие ночи, предписанные краткосрочным увольнением, совсем другое — свое хозяйство, дети... Как-то перенесет Катерина заставские условия? После города, после института?.. Мучили Климова эти вопросы, и окончательного ответа он на них не знал... А сам лейтенант удивительно быстро полюбил здешний край: вот за эту первозданность, суровость, первобытное обилие... Климов усмехнулся, вспомнив, как начальник заставы однажды сказал: «Ежели здесь что есть, то этого — много...»

Преодолев невысокую каменистую гряду, Тихомиров и Климов вышли в долину реки. Справа и слева она была зажата мохнатыми холмами. Обычно зеленые, во время дождей они обросли ковром голубики и приобрели жутковатый ультрамариновый цвет.

Вся долина была покрыта свежими воронками шурфов. Они располагались правильными линиями, напоминали следы умелого бомбометания. И на всем этом огромном полигоне жалкими козявками копошились три человека: один, согнувшись, стоял на берегу реки; второй долбил лунку,

чтобы заложить очередной заряд; третий — таскал к реке грунт.

Тихомиров орлиным взором окинул долину, обращаясь к лейтенанту, удовлетворенно сказал:

— Все на месте... К кому пойдём?

— К начальнику.

Прораб понимающе кивнул, заковылял вдоль берега.

5

Вадим Петрович Шаронов в резиновых сапогах стоял в воде, нежно, как люльку младенца, качал лоток, выбрасывая пустую породу. Наконец он довел пробу до кондиции и дрожащими от возбуждения пальцами достал из кармана непромокаемой японской куртки большую лупу. Он с надеждой глянул в нее, как в волшебное зеркало — и тут же среди желтых пылинок кварца сверкнули золотые чешуйки. «Вот так-то...» — ехидно сказал Шаронов и кому-то там, в небе, погрозил кулаком.

— Вадим Петрович... — услышал он за спиной.

Шаронов оглянулся: на берегу, смущенно переминаясь с ноги на ногу, стоял прораб Тихомиров и рядом с ним — румяный коренастый пограничник; накинутый плащ скрывал его погоны. «Кто это? Офицер или солдат?» — тревожно подумал Шаронов.

— Вот... товарищ лейтенант... с заставы.

— Сейчас...

Шаронов вышел на берег, осторожно слил пробу в полотняный мешочек, завязал его. Затем вытер тряпкой воспаленные красные кисти, протянул офицеру руку, представился:

— Шаронов, начальник поисковой партии.

— Лейтенант Климов. Прибыл по сигналу...
Следователь будет через несколько дней.

Вадим Петрович пристально глянул на пограничника, кадык его нервно дернулся.

— Заменяю меня,— приказал Шаронов прорабу и кивнул на лоток; затем предложил лейтенанту: — Отойдем в сторонку, потолкуем...

Пошли к небольшому переносному навесу, сели на пустые ящики из-под амонитных патронов.

— Курите?..— с надеждой спросил Шаронов.

— Нет.

— Жалко... А то мои промокли...— Вадим Петрович приподнялся, посмотрел, как Тихомиров начал промывать очередную пробу, снова недоверчиво зыркнул на лейтенанта: — С какой миссией прибыли?

— Выяснить обстоятельства преступления...— Климов кашлянул и для солидности добавил: — В целях охраны границы...

— Вот как? — Шаронов удивленно вскинул брови.— А я думал, сейчас заломите нам руки и поведете под конвоем.

— Такого указания не было.

— И на том спасибо...— Вадим Петрович облегченно вздохнул.— Ну, что ж... выясняйте...

— Скажите, вы... кого-нибудь из своих подозреваете?

— Любой мог угробить! — спокойно заявил Шаронов.— Дрянь народ...

— Не понял.

— Тужиков — бывший уголовник. Ему это дело оформить — пара пустяков... А Петя Никишин — ординарец начальника нашего управления — товарища Власенко. Он ко мне специально приставлен, так сказать — для досмотра...

Из стратегических соображений тоже мог...

— Как это?

— Поясню...— губы Шаронова вытянулись в узкую нитку, подбородок обострился.— Вы знаете, что такое для геолога найти золото? Это значит в один миг из лейтенанта превратиться в генерала!.. Золото требует интуиции, удачи... Я несколько лет доказывал, что здесь оно есть... В управлении надо мной смеялись, товарищ Власенко лично говорил: заболел «золотой лихорадкой». С большим трудом я пробил эту разведку... И что же?..— Вадим Петрович распахнул куртку, достал из-под нее планшет с картой.— Вот, смотрите... Это линии шлиховых проб, распределения золотых «знаков»... Контуры россыпи почти определены... Но мало того, как раз в ту роковую ночь я понял: здесь не просто россыпь... Здесь золотиносный узел! Там...— Он указал рукой в сопки, откуда текла река.— А это уже открытие. И Петя Никишин все рас-пре-крас-но понимает... Он быстро смекнул, что будет с его шефом, когда в министерстве всплывут стенограммы наших заседаний, на которых я бился лбом, отстаивая свою идею... Но сейчас мы имеем один явный результат — труп промывальщика Мохова... Пролитая кровь проявит свою магическую силу... Читайте, эта карта залита ею... Хотите, я вам расскажу, что будет в ближайшие дни?.. Нашу разведку ликвидируют, меня на несколько лет отстранят от поисковых работ. А на следующий год сюда нагрянет товарищ Власенко! И блестяще подтвердит свои «гениальные догадки»!.. Так-то!..

Климов с изумлением выслушал этот монолог. Он недоверчиво всматривался в лицо Шаронова, не понимая, разыгрывает тот его или говорит

серьезно? Вадим Петрович смотрел на него, как сфинкс.

— Думаете, Никишин мог из-за этого пойти на преступление? — тихо спросил Климов. — Что-то не верится...

— Вы военный, значит — карьерист... Должны понимать!

Климов обиделся:

— Почему вы решили, что офицер — обязательно карьерист?

— А что еще могло привести вас в армию? По виду вы парень городской, культурный... Или у вас папа — маршал?

— Нет. Мой отец — врач... А службу свою я люблю. Такое явление вам известно?

Шаронов криво усмехнулся.

— За что, если не секрет? Что она вам дает?

— А за что любили свою работу Ушинский, Макаренко, Сухомлинский?.. Любой офицер кроме всего прочего — педагог... Или организатор воспитательного процесса... Каждый год ко мне приходят молодые ребята — из деревень, из аулов, из поселков... А через два года я верну Родине настоящих мужчин — разве это не святое дело?

Шаронов облизал обветренные губы, прищурился, спросил:

— Вы сколько служите на заставе?

— Месяц.

— Ой, не могу!.. — Он от души рассмеялся, потом сказал: — Как ваше имя, отчество?

— Владимир Николаевич.

— Давайте, Владимир Николаевич, заниматься своим делом. Я вам еще нужен?

— Нужны, — властно произнес лейтенант. — Расскажите, при каких обстоятельствах вы обнаружили тело Мохова?

— Я вам уже говорил: этой ночью у меня мелькнула догадка о золотоносном узле. Своего рода озарение... Понимаете?.. Характерные геологические особенности района, карта шлиховых проб — все это жило во мне, терзало, мучило... И вдруг я понял — почему!.. Я был очень возбужден... Хотелось как-то успокоиться, проверить свои доводы... Надел куртку, вышел, долго ходил вдоль берега. Вернулся — в палатке лежит человек. Он был еще теплый... Я посмотрел на часы — без десяти минут два... Что еще?.. Замочек на сундуке был сорван. В руке Мохов держал самородок... Ну, это вы, наверное, знаете? Вот, пожалуй, и все...

— Когда выходили, ничего подозрительного не заметили?

— Нет. Все спали, день был тяжелый... Я сам падал от усталости.

— Потом вы пошли в большую палатку, подняли Тихомирова?..

— Да.

— Все были на месте?

— Я уже говорил: дрыхнули без задних ног...

— Как отнеслись люди к такому необычному происшествию?

— Спокойно. Народ суровый, без эмоций.

— Вы обращали внимание, у Мохова с кем-нибудь были сложные отношения?

— Повторяю, народ своеобразный... Джека Лондона читали?

Климов утвердительно кивнул.

— Вот... Значит, представление имеете... Любой из них мог его угробить. Даже Тихомиров... Он мужик себе на уме...

Спотыкаясь о крупную гальку, Климов брел по долине к тому месту, где кончалась линия воронок. Там здоровенный детина долбил ломом землю и кричал так, будто хотел пробить ее насквозь.

Лейтенант был недоволен предыдущим разговором. Во-первых, сам Шаронов ему не понравился — злой какой-то, дерганый. Но не это главное... Климову показалось, что Вадим Петрович не до конца был искренним, что-то не рассказал — утаил...

У Климова была своя тактика общения с людьми. Он считал, что в любой личности — даже на первый взгляд самой мерзостной — есть «рациональное зерно», или, проще говоря: в каждом человеке есть что-то хорошее и интересное... Обязательно есть такая область, в которой вы «сочувствуете». Пусть даже самая маленькая: дети, любовь к природе, уважение к родителям, чувство юмора... Так вот, вступая в контакт с человеком, Климов прежде всего искал это «рациональное зерно». Но сейчас, разговаривая с Шароновым, он его не нашел. И от этого ему было плохо...

Между тем детина вставил в лунку красный амонитный патрон, вкрутил взрыватель; выполняя правила техники безопасности, огляделся по сторонам и увидел Климова. Он смахнул пот со лба, стал терпеливо ждать, когда тот подойдет.

— Здравствуйте... Я — лейтенант Климов.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант! — сверкнув крупными зубами, ответил богатырь. — Моя фамилия Никишин... Петя... Руку протягивать не буду: зело грязная... — Никишин снова улыбнулся и добродушно сказал: — Вас, товарищ лейтенант, еще там... на заставе приметил. Я ведь

тоже в пограничниках служил, в Краснознаменном Среднеазиатском округе. Так что закален глугчими песками и вьюгами...

— Вот это замечательно, Петя, что вы бывший пограничник! — искренне обрадовался Климов. — Это подарок судьбы! Давайте мы с вами, как воины границы, обсудим оперативную обстановку?

— Давайте... — покладисто согласился Никишин. — Только сначала я «ахну» этот шурф, потом у меня по плану — перекур. Тогда, стало быть, и поговорим. Ладно?

— Ладно... — Климов тоже улыбнулся и про себя подумал: «Все-таки Шаронов молодец! Личный состав свято блюдет дисциплину».

Никишин завел лейтенанта за корявый валун, крутнул ручку машинки. Хлопнул взрыв, брызнули по сторонам комья грунта, запахло кислой гарью.

— Ну, вот и все, — трагическим тоном сказал Никишин. — Слушаю вас, товарищ лейтенант, очень внимательно.

— Как вы думаете, Петя, кто убил Мохова? — Климов старался уловить, какие чувства пробудит в собеседнике этот вопрос.

Никишин сунул руку под капюшон, почесал затылок. Шерстяная шапочка сдвинулась, из-под нее выползла потная прядь морковно-рыжих волос.

— Черт его знает, товарищ лейтенант! Ума не приложу! Может, кто со стороны? Хотя кто же? Разве медведь... — Петя достал из кармана кубик сахара, предложил: — Хотите?.. — Климов отказался; Никишин бросил сахар в рот, заложил за щеку, посасывая, сказал: — Мохов этот... скрытный мужик был, жадный. Я его не любил!

— С кем он дружил?

— Да ни с кем... Все больше молчком. Правда, иногда с Вадимом Петровичем шушукался.

— О чем?

— Не знаю.

Климов помолчал, обдумывая очередной вопрос, потом спросил:

— А Вадим Петрович... Он как... ничего парень?

Никишин лукаво ухмыльнулся:

— Начальство неудобно обсуждать.

Лейтенант смутился, попытался оправдаться:

— Вы меня не так поняли... Я уже говорил с Шароновым, он рассказал, что у него непростые отношения с Власенко — начальником управления.

— «Непростые» — не то слово, товарищ лейтенант. Власенко по-своему любит Шаронова. Вадим Петрович — его ученик, самый толковый... Только ведь он какой, Вадим Петрович? Самолюб — одного себя понимает... Власенко, пока начальником стал, и комариков своей кровушкой покормил, и болота помесил. За ним — медь, цинк, уголек в Якутии... А Шаронов сразу на золото нацелился.

— Так ведь нашел?

— Нашел... — уныло подтвердил Никишин.

— А Власенко не верил в успех?

— Честно говоря — сомневался.

— И что?

— В каком смысле?

— Что теперь будет?

— Золото будем добывать, товарищ лейтенант! — весело гаркнул Петя, вскочил, широко развел руки, словно собирался пуститься в пляс. — Поставим тут др-р-раги! И пойдет р-работа!

— А с Власенко что будет?

Никишин недоуменно глянул на Климова.

— Власенко?.. Орден, наверно, получит. Его же управление отличилось...— Петя хихикнул и добавил: — И мне, может, медаль дадут.

— Так он же не верил?

— Мало ли что не верил! Это ж, товарищ лейтенант, наука, а не религия... Да — сомневался! Но все-таки ума хватило разведку послать... И на том, как говорится, спасибо! Другой бы вообще рогом уперся... Бывает такое?

— Бывает...— усмехнулся Климов.

— Во... — Никишин задумчиво глянул вдаль и нежно произнес: — Вася Тужиков топает... Вы с ним говорили?

— Нет.

— Значит, сейчас вас представляю. По всем правилам старательского этикета.

К воронке, волоча за собой брезентовое ведро, действительно подошел невысокий крепыш. Он покрутил головой, недовольно крикнул:

— Петя, ты где?

— Ку-ку...— игриво отозвался Никишин.

— Хватит дурака валять! Глаз выбью! — ласково предупредил Тужиков.

— О! — Никишин весело подмигнул Климову.— Видали? Серьезный парень.— И снова проворковал: — Ку-ку, Васюта...

Тужиков наконец уловил направление звука. Гроыхая сапогами, ринулся к валуну, за которым укрывались Никишин и Климов.

— Я тебе...— начал было Тужиков, выходя из-за угла, и вдруг осекся — увидел Климова.

— Ну-ну... Продолжай! — балагурил Никишин.— Вот, Васюта, товарищ лейтенант прибыл. Брать тебя будут!

— Хватит болтать! — огрызнулся Тужиков.—

Здравствуйте, товарищ Климов. Я про вас знаю — прораб рассказал... Иди, Петя, лунку долби, мне с начальником потолковать надо.

Никишин сделал «квадратные глаза», играя в обиду, оттопырил нижнюю губу, сказал:

— Вот такой человек Васюта! Строг — но справедлив.

Он нарочито тяжело вздохнул и направился к своему верному орудию труда, и вскоре по окрестности снова разнеслось зычное кряканье.

Тужиков кинул на Климова пристальный, оценивающий взгляд, резко — как ножом пырнул — бросил вопрос:

— Думаете, я Мохова пришил?

Лейтенант оторопел, поежился, ответил:

— Нет. У меня нет никаких данных, чтобы так думать.

— Разве Шаронов не подарил вам версию?

— Он сообщил, что вы бывший заключенный, но из этого еще ничего не следует.

— Все-таки сообщил...— сквозь зубы прошептал Тужиков.— Вот слушайте, товарищ лейтенант, гадам буду — Шаронов его и уложил! Я давно усек — между ними какие-то делишки! Он ему и поблажки делал, и даже побаивался маленько... Почему — не знаю! Но уж это точно, на лафу у меня чутье... Теперь слушайте: самородок этот для Шаронова дороже всего. Он один показывал, что дело серьезное. Пропади «золоточек» — чем докладывать? Песочком? В наших краях такие «знаки» на любом огороде намыть можно... Шаронов вернулся в палатку, а Мохов — с «золоточком». Поцапались они — точно! Шаронов в драке и тюкнул его!..— Криво усмехнулся.— Может, этим «золоточком» и тюкнул! — Тужиков пригнулся, зашипел хриплым шепотом.— И еще

утром... я его засек: он у Мохова в мешке рылся, бумажку какую-то нашел, забрал... Точно говорю — он, змей, убил! А на меня — валит...

7

Каждый пограничник знает: проверять после дождя следовую обстановку — одно удовольствие. Влажная земля ярко держит отпечаток, а мокрая трава — это своего рода копирка, опытный следопыт все на ней прочитает.

Сержант Исаев склонился над четким следом. «Здесь ты, голубчик, и прошел... — ласково думал он. — Вот пятка, вот ступня...»

Резкий запах тревожил Джека, но вышколенный пес строго сидел рядом, ждал команду. Исаев глянул на него, усмехнувшись, сказал:

— Что, брат, хочется побаловать? А нельзя — служба...

Исаев уважал своего четвероногого друга и вообще всех пограничных собак. Судьба их удивительна и мало кому известна. По многу лет служат они на одной и той же заставе. Каждые два года приходит новый инструктор: один веселый, другой нервный, третий — совсем злой, а пограничной собаке приходится к каждому принаравливаться, с каждым нести свою нелегкую службу. А как трудно проходит иной раз расставание!.. Исаев помнит, как прощался с Джеком его предшественник — у обоих на глазах блестели слезы... Потом Джек долго грустил, плохо ел... Но делать нечего — нужно жить, нужно выполнять свой долг.

Умный пес Джек — что и говорить! Многому научил он Исаева, стал ему настоящим другом... На заставе пес — старожил. Сержант изучал его

личное дело — девять задержаний на счету Джека. И стреляли в него, и травили, и ножом пыряли... Через все прошел Джек, все преодолел и, наверно, без границы не представляет свою жизнь. Исаев много раз наблюдал, как готовится пес-ветеран к службе: без часов точно чувствует он время выхода в дозор — весь как-то подтягивается, возбуждает себя, даже шерсть — кое-где уже седая — дыбом встает... А когда наряд в машине едет — Джек все норовит в окно морду высунуть, чтобы контрольно-следовую полосу видно было... «Проверяет! — смеются молодые солдаты. — Ну, Джек! Ну, службист! Что твой старшина!..»

Хрустнула ветка — сержант резко обернулся: за толстым стволом кедра стоял человек. Исаев не видел его, но каким-то неведомым чутьем точно осознал это.

— Кто прячется? Выходи! — строго приказал он.

Из-за дерева появилась рука с зеленой фуражкой, раздался знакомый голос: «Свои, Исаев, свои...» И наконец вышел... лейтенант Климов.

— Молодец, сержант, — улыбаясь, похвалил он. — Чуткость для пограничника — большое дело.

— Как же вы меня нашли, товарищ лейтенант, — удивился Исаев.

— По следам... — усмехнулся Климов. — Все по тем же следам.

— Близо вы подошли... — до конца осознав ситуацию, сказал сержант и, с укоризной глянув на Джека, добавил: — Что ж ты, брат? Прозевал?

Пес понуро опустил свою крупную, породистую голову, как будто хотел сказать: «Вот, дес-

кать, ни за что досталось...» (Он давно заметил лейтенанта, но тот дал ему знак — не суетись! А Джек начальство уважал.)

Лейтенант рассмеялся, потрепал собаку по холке, честно признался:

— Нет, он не виноват! У нас с ним уговор был...— И, быстро сменив тон, спросил: — Ну, как дела? Докладывайте!

— Никаких признаков появления в районе лагеря чужого человека не обнаружено. Я уже вторым кругом иду... Вот — медведь какой-то шатается...— Сержант указал на отпечаток.— Я его след несколько раз встречал.

— Один и тот же?

— Так точно.

— Почему так думаете?

— Видите, у него на левой передней лапе крайний коготок обломлен... Особая примета.

Лейтенант внимательно осмотрел отпечаток, одобрительно кивнул, задумался о чем-то, потом сказал:

— Хорошо. Давайте связь с заставой.

Сержант достал из подсумка скрученную в моток гибкую антенну, подкрутил винт — антенна превратилась в упругий, извивающийся прут; вставил ее в рацию.

— Заря. Я — Сокол... Заря. Я — Сокол. Прием...

Щелкнул тумблер. В наушнике несколько мгновений слышался шорох эфира, а затем раздался радостный голос дежурного связиста:

— Сокол. Я — Заря. Слышу вас хорошо. Что имеете для меня? Прием!

Сержант протянул Климову микрофон. Лейтенант вызвал на связь начальника заставы.

— Климов, почему так долго молчали? До-

кладывайте, — взволнованно и немного даже раздраженно сказал Михайленко.

— Товарищ капитан, выяснял обстановку. Дело темное...

— Что значит «темное»? Ушел кто-то?

— Нет. Все на месте. Спокойно работают. Никакой паники.

— Так в чем же сложность?

— Непонятно, кто его убил. Чужих следов нет. Исаев два раза проверял.

— Прокуратура поручила нам провести первичное дознание. Расспросите каждого. Проанализируйте факты. Есть у вас подозрения, версии?

Климов замаялся: ну что ответить? Неожиданно всплыла в памяти едкая фраза Шаронова: «Заломаете руки и поведете под конвоем...»

— Нет, товарищ капитан... Никаких идей. Может, их на заставу доставить? Пусть под приглядом будут.

— Если у вас нет явных улик, мы не имеем права никого задерживать... — Начальник заставы замолчал. Видимо, теперь он размышлял над обстановкой, потом сказал: — Значит, так: оставайтесь пока в лагере. Обеспечьте неприкосновенность места происшествия. Метеослужба обнадеживает — может, завтра прилетит из отряда вертолет с оперативной группой... И вникайте, лейтенант, вникайте в ситуацию. Ведь кто-то из них — преступник. Не сам же себя этот Мохов в висок ударил?..

Странно устроен человек... Вот, казалось, четко представлял Климов всю картину, знал, что едет не к теще на блины, а сказал начальник заставы эти слова — «ведь кто-то из них — преступник», —

и проснулась в душе нервная дрожь, и леденящая тоска заползла в сердце... Может, в глубине сознания жила надежда, что будут «чужие следы», что какой-то пришелец совершил это ужасное деяние... И тогда начнется привычное для пограничника дело — преследование нарушителя, пусть преступившего границу закона, но все-таки нарушителя; и будет ясно — где он, куда ушел, и будет понятна цель... А теперь что? Четыре человека — все такие разные и вместе с тем — обычные наши люди. И кто-то из них — убийца, кого-то нужно подозревать...

Не было у Климова опыта общения такого рода, не было, и, честно говоря, не хотел он его приобретать.

Как же теперь с ними разговаривать? О чем?..

Все эти мысли переполняли Климова, когда они вместе с Исаевым возвращались к палаткам. Сержант тоже был задумчив, наверно, и его одолевали смутные чувства. Один Джек топал весело, легко — он честно выполнил свою работу.

«Кто же из них? — задал себе вопрос лейтенант. — Шаронов — злой, нервный... У них с Моховым были какие-то неслужебные контакты... Но зачем ему эта смерть? Он сам говорит: успех стоит на грани провала — это для него самое главное... Нет, что-то здесь не так — все сложнее... Никишин — тоже странный парень... Труп лежит, товарища твоего убили, а ты веселый, балагуришь, шутишь... Ну, не любил ты его... Но все-таки — это же человек, рядом преступник ходит — должно же это повлиять... Вася Тужиков боится, что его заподозрят. Если ты не виновен — чего волноваться? Правда, он — бывший заключенный,

у них своя психология... Интересно, за что он был осужден?.. Тихомиров недоволен, что влип в это дело: «Зачем я его только взял... Будь он неладен...» Значит: моя хата с краю... Известная позиция. Э-хе-хе...»

— Товарищ лейтенант...— прервал его размышления Исаев.— Разрешите обратиться.

Климов молча кивнул.

Сержант шевелил губами, мучительно подыскивал слова, наконец неуверенно спросил:

— Что же теперь получается?.. Кто-то из геологов... этого человека убил?

Лейтенант глянул на Исаева и словно споткнулся о его взгляд: голубые глаза парнишки смотрели изумленно, чуть наивно и в то же время — напряженно, строго.

«Эх, дорогой ты мой, если бы я знал точный ответ...» — грустно подумал Климов.

— Пока нет никаких доказательств, чтобы делать такой вывод,— спокойно ответил он.— Но мы с тобой — пограничники, должны быть бдительными и готовыми ко всему. Согласен?

— Так точно.

Неожиданно Джек остановился, грозно зарычал. Из чащи величаво вышел огромный бурый медведь. Длинная мокрая шерсть лохматой бахромой висела на его лапах.

Исаев торопливо сбросил с плеча автомат, лязгнув затвором.

Климов успел перехватить его руку.

Медведь наклонил большую лобастую голову, маленькими красными глазками сурово посмотрел на людей. Он мотнул туловищем из стороны в сторону и не спеша, с достоинством пошел своей дорогой. Только один раз оглянулся и недовольно, хрипло проворчал...

Придя в лагерь, Климов принял окончательное решение: они с Исаевым будут по очереди охранять камеральную палатку — обеспечивать неприкосновенность места преступления. По крайней мере, это поручение они смогут выполнить и тем самым оправдать свое присутствие здесь.

Лейтенант отправил Исаева спать, а сам стал медленно расхаживать по поляне. Сгущались сумерки. Рваные корявые тучи низко ползли над землей, но дождь почти прекратился. Климов с волнением ждал возвращения геологов. «Почему они не идут? — тревожно думал он. — Темно уже... Может, случилось что-нибудь?»

Климов прислушался: нет — ни криков, ни взрывов, только шумит лес угрюмым протяжным гулом и горько всхлипывает река на перекатах.

«Наверно, зря я их оставил, — подумал лейтенант. — Нужно было там оставаться, присматривать...» Но тут же он вспомнил багровые, простуженные руки Шаронова, капли пота на лбу Пети Никишина, сгорбленную фигуру Тужикова, вечно хлюпающий нос прораба... Нет, не смог бы он быть надзирателем... Люди работают, честно, трудно, а он что бы среди них делал? Стыдно дурака валять... И почему он должен кого-то из них подозревать, по какому праву? И может ли преступник вот так спокойно работать?.. Преступнику бежать надо, скрываться...

Лейтенанту почему-то стало обидно, что не видел — и даже не знает — Шаронов, как они брали в кустах того нарушителя. Ему захотелось, чтобы Вадим Петрович разглядел в нем профессионала, мастера своего дела — тоже сложного, непростого, требующего вдохновения, порыва...

«Ишь ты — «озарение» к нему пришло, — завистливо думал Климов, вспоминая рассказ Шаронова. — А ты смекнул бы, как того гада из чащи выкурить? Дай тебе волю — сунул бы ребяташек под пули... Для тебя ведь народ — дрянь. Главное, доложить о победе...»

И, поймав себя на дурной мысли, лейтенант до конца осознал, что все-таки уважает Шаронова — сильный он мужик, волевой.

Послышался приглушенный говор, из мрака выплыл одинокий огонек папиросы. «Идут!» — обрадовался Климов. Он включил фонарик. Впереди с непокрытой головой шествовал Шаронов, за ним вразнобой топали его «богатыри»; Петя Никишин как всегда хохмил — задирали Тужикова.

В нескольких шагах от лейтенанта вся компания остановилась. Вадим Петрович смачно выплюнул окурок, засунув руки в карманы, задиристо спросил:

— Ну что?.. Какие новости?

— Завтра, наверно, прилетит вертолет, — ответил Климов. — Нам поручено охранять место происшествия. Поэтому входить в камеральную палатку — запрещают.

— Позвольте, у меня там личные вещи, — возмутился Вадим Петрович, но не очень яростно. (Климов понял, что у него отличное настроение — видимо, день принес новые результаты.)

— Одну ночь обойдетесь как-нибудь.

— Вот... чисто армейская логика! — иронично хмыкнул Шаронов. — Между прочим, до вашего прихода я в этой палатке делал все, что мне угодно... И, если бы хотел, мог уничтожить любые следы.

И тут лейтенант не выдержал:

— Вы, между прочим, до моего прихода были

под строгим наблюдением, от которого — опять-таки, между прочим — не ушел тот факт, что вы рылись в мешке Мохова и забрали оттуда какой-то документ.

В воздухе повисла напряженная пауза.

— Та-а-ак... — на выдохе, тяжело вымолвил Шаронов. Затем бросил выразительный взгляд на своих подопечных (Тихомиров даже поежился), каким-то чужим, хриплым голосом сказал: — Идите, братцы, ужин готовьте... — И добавил для Климова: — Потом поговорим, Владимир Николаевич, за столом...

9

Если законы диалектики применимы к человеческой психике, к человеческому сознанию, — а это, видимо, так, то можно сказать, что в душе Шаронова произошел качественный скачок. Неожиданно он увидел себя как бы со стороны, глазами этого румяного лейтенанта. Увидел и содрогнулся...

Вадим Петрович попросил у Тихомирова полотенце, мыло, пошел к ручью. Он долго тер руки, пытаясь смыть въевшуюся под кожу грязь — ничего не получалось.

«Запустил, забылся... — мрачно думал Шаронов. — Теперь всю жизнь буду с такими лапами ходить...»

Он вернулся в палатку. На столе уже дымился ужин. В углу, на нарах спокойно посапывал сержант. Его не тревожили ни тусклый свет керосиновой лампы, ни говор людей, ни шум, который сопровождал каждое их действие.

— Позвать лейтенанта? — неуверенно спросил прораб. Шаронов утвердительно кивнул.

Климов вошел, снял фуражку.

— Садитесь, Владимир Николаевич,— сказал Шаронов, потом обратился к Тихомирову: — Доставай, Кириллыч, наше «НЗ». День сегодня хорошо прошел, а завтра, глядишь, всю нашу компанию разгонят, так что беречь не будем.

Прораб хмыкнул, полез под нары, покопался там и вытащил на свет зеленую бутылку. «Спирт»,— догадался Климов.

— Вот это дело! — радостно крикнул Никишин.— Да здравствует мудрое руководство!

Тужиков тоже оживился, глаза у него заблестели.

Бесцветная, на внешний вид безобидная жидкость весело полилась в кружки.

— Мне не наливайте...— тихо произнес Климов.

— Вы при исполнении? — хмыкнул Шаронов.— Пей, лейтенант, мы никому не скажем, честно...

— Не в этом дело. Я вообще не пью.

— Не может быть! — удивился Никишин.— Даже вино? Почему?..

— Это долгий разговор...

Тужиков, оттопырив губу, недоверчиво покачал головой.

— Ладно...— спокойно сказал Шаронов.— Отставить. Компания порушилась. И все же я доволен — работали вы, братцы, славно. Спасибо...

Захрустели луком, взяли ложки, стали дружно уплетать все ту же традиционную уху. Климов тоже ел — жадно, с удовольствием.

Шаронов облизнул губы и начал свой рассказ:

— Так вот, значит, товарищ лейтенант, и вы, други верные... Поведаю вам историю о моем зна-

комстве с покойным Моховым... Делаю это осмысленно. Потому как, по всему виду, прибудет завтра следователь. Начнутся другие разговоры — серьезные. И чтоб каждый из вас не нес ему свою ахинею, говорю все, как есть. И попрошу...— Вадим Петрович строго постучал ладонью по столу,— попрошу после этого, изобретение легенд и мифов прекратить...

— Давай, Вадим Петрович, открывайся,— хихикнул Никишин.— Чистосердечное признание зачтется.

Шаронов сверкнул очами, но сдержался.

Тихомиров подобострастно вытянулся, как гончая. Тужиков зло косился из-под редкой челки. Климов нервничал, мял пальцами корку сухаря.

Шаронов тусклым, монотонным голосом исповедовался:

— С Моховым я познакомился в первый год работы в управлении. Я тогда был холостым, каждый день ужинал в чайной. Мохов там регулярно употреблял...— Вадим Петрович выразительно постучал по бутылке.— Однажды он был в «недопитии». Я налил ему стакан — на том и сошлись... Мохов разомлел, стал рассказывать мне, что знает «золотые горы», где самородки, как картофель в земле, лежат. Дед его еще до революции там промышлял и ему эту тайну перед смертью передал... «А я никому не открою! — шипел на ухо.— Все казна заберет — шалишь! Сам как-нибудь доберусь. Хочешь, вместе пойдем?..» Я, честно говоря, к этому рассказу отнесся иронично, потому как у каждого старателя такая байка за душой лежит. Как выпьет, так она из него и вылезает... Мохов, видимо, почувствовал это недоверие, обиделся, завелся — достал из на-

грудного кармана старинный серебряный портсигар, а из него вытащил потрепанный лист бумаги: «Не веришь! На, смотри...» Это был план местности, на нем крестиками отмечались какие-то «особые точки». Я в то время изучал карты области... Мельком глянул — сразу определил, где это место... — Шаронов перехватил острый взгляд Никишина. — Да-да, Петя... Ты правильно догадался — это здесь... Но тогда я все равно не придал этому факту никакого значения... Правда, позже, определяя границы оловоносной провинции, я случайно наткнулся на отчет поисковой партии, которая работала как раз в этом районе. В нем, между прочим, указывалось, что в одном из шурфов была проба с весовым золотом. Это меня уже насторожило. Я стал изучать этот район направленно — на золото, и через некоторое время окончательно убедился, что оно может здесь быть... Дальнейшее вам известно... Мохов каким-то образом узнал о нашей разведке. Он приходил ко мне домой, просил, чтобы я взял его с собой. Я подумал, что отказать ему несправедливо. Он очень переживал, плакал, проклинал себя за болтливость... Я успокаивал, говорил, что рано или поздно это месторождение все равно обнаружат, и вообще — хватит ему прошлым веком жить! Вроде уgomонился, работал, как все... Но когда нашел самородок, с ним что-то произошло, прямо черт какой-то в него вселился... Помню: идет, несет «золоточек» — лицо зеленое, руки дрожат, глаза кровью налились... Опять начались упреки. Потом он стал угрожать, что расскажет всем, как я вышел на золото. Я на него прикрикнул, сказал, что меня это не пугает: я на государство работаю, а не себе в карман. Тогда он затребовал каких-то гарантий, спра-

шивал, какая ему будет «премия», одним словом — извел и себя, и меня...

— Ты не выдержал — и трахнул его по башке,— мрачно произнес Никишин.

— Нет, Петя, ошибаешься... Мне его жалко было. Понял?

— А ты умеешь жалеть-то? Ты же презираешь всех.

— Зря ты так, Петя... Все я умею: и любить, и жалеть... Только пойми, чудак, если человек живет целью, она его в плен берет и... сушит, конечно. Чем-то за страсть платить надо... От меня и жена ушла. Я до сих пор ее люблю... Мне без нее так плохо, хоть вой. А что толку? Женщине нужно внимание оказывать, а я не могу... Разучился...

Шаронов встал, подошел к нарам — там под курткой лежал его планшет. Он вытащил из него желтый листок, вернулся к столу.

— Это тот план, о котором я говорил...— Вадим Петрович протянул его Климову.— Возьми, лейтенант, отдашь следователю... Тут есть мой грех... Знаешь, как в боксе: бывает «чистая» победа, а бывает так... по очкам... Вот я и хотел...— Он не договорил, обреченно махнул рукой.— Ну, да теперь все равно...

10

Климов вышел из палатки. Лицо его горело. А на душе было так тоскливо — просто ужас. Казалось, заглянул он в какой-то вонючий колодец и увидел на дне всю свою будущую жизнь. И не было в ней ничего хорошего — одни утраты, потери и разочарования...

Как это сказал Шаронов: «За страсть платить надо...» Неужели правда? И, словно подтверждая

его вопрос, в лесу кто-то заухал, захохотал — так жалобно, одиноко.

— Не бойсь, лейтенант, то филин дурачится, — раздался из темноты голос Тужикова.

— Я и не боюсь... — поспешно ответил Климов и на всякий случай расстегнул кобуру пистолета.

— Что ж ты за пушку хватаешься? — усмехнулся невидимый собеседник.

«Сам ты, как филин...» — раздражённо подумал лейтенант.

Чавкнула вода под подошвами; Тужиков подошел ближе — выплыла из тумана его коренастая фигура.

— Ложись-ка ты спать, лейтенант, — добродушно сказал Тужиков. — Кому он нужен — упокойник этот...

— А вы почему не спите? — Климов попытался придать своему голосу достойную суровость.

Тужиков шумно вздохнул, промолчал, потом сам спросил:

— Вы следы чужака искали?

— Нет никаких следов, — честно ответил Климов.

— Выходит, мы его пришили... Так? — И тут же, как бы перебив самого себя, страстной скороговоркой залепетал: — Не верю я этому, лейтенант, понимаешь — не верю! Я давеча на Вадима Петровича тебе наговорил — это так, от страха за свою шкуру. Не мог он его убить, не такой это человек... Он же страдалец, нутро-то у него ранимое — я это давно разглядел... Оттого он и кочевряжится, строгость на себя напускает... Ты бы видел, как мы тут начинали... Рвем шурфы — и ничего... Одна грязь в лотках... Он каждый день собирал нас на совет — ведь у нас, работяг, свой опыт есть. Он нам свое мнение докладывает и просит:

«Соображайте, братцы... Туда ли идем? То ли делаем?» Веришь, лейтенант, я себя человеком почувствовал... Соратником великого дела, единомышленником... Смерть эта проклятая нас порушила!..

— Но ведь кто-то его ударил? Допустим — не ты, не Шаронов... Тогда кто?.. Никишин?.. Тихомиров?..

— Сам думаю — голова пухнет...

— Вот Никишин... Он что, всегда такой духарной?

— Всегда... Уж его таким мать родила. Он и в своей-то могиле одной ногой стоять будет — все равно что-нибудь отчудит... Нет, Петя даже в драке не бьет; я сколько раз видел — он схватит обидчика за руки и держит его, пока тот пощады не попросит.

— Тогда остается Тихомиров.

— Знаешь, Кириллыч по пьяному делу мог бы. Так-то он трусливый мужичок, но как выпьет — в нем обиды эта, за робость свою, наружу выходит. И тогда держись!.. Только ведь он в тот вечер тверезый был...— Тужиков помолчал, а потом вдруг спросил: — А ты что, правда не пьешь?

— Зачем мне обманывать?

— Больной?.. Или за идею страдаешь?

— За нее...— Климов усмехнулся и пояснил: — Не хочу я, чтобы мое настроение от стакана отравы зависело.

— Занятный ты парень, лейтенант. Трудно тебе будет.

— Почему?

— Армия дело суровое, нудное, а ты без водки служить собираешься.

— Как же нудное? Ты что?.. Все время люди

разные... вокруг тебя... Каждый с собой целый мир приносит.

— Люди-то разные...— Тужиков смачно зевнул.— А дурь у всех — одна. Ладно, пойду я... Завтра Вадим Петрович рано поднимает.

— Погоди...— Остановил его Климов.— Давно хотел спросить... Ты за что срок отбывал? Тужиков криво оскалился.

— Вот... С этого и надо было начинать... А то уж я совсем успокоился... Неужто, думаю, лейтенант забыл, что Вася Тужиков бывший «зек»?..— Снова хрипло вздохнул, зубами хрустнул.— За душегубство я сидел, гражданин Климов, за душегубство...

— Как это? — не понял лейтенант.

— Мальчонку сшиб на самосвале... до смерти...

— Пьяный был?

— Не то чтобы пьяный, а так... выпимши...— Помолчал, с надеждой спросил: — Может, и мне не пить больше заразу эту? — Подумал, тряхнул головой: — Нет, наверно, не получится... Ну, бывай...

И Тужиков пошлепал к палатке.

11

В два часа ночи Климов, шатаясь от недосыпа, пошел будить сержанта. Он положил руку на его плечо и вкрадчиво произнес:

— Вам пора на службу...

Привычная для каждого пограничника фраза сразу «включила» Исаева. Он вскочил, огляделся. Вспомнил, где находится.

— Фу-ты, забылся я, товарищ лейтенант...— растерянно сказал сержант.— Думал, что на заставе.

— Заступайте на пост... бдительно...— ватными губами сказал Климов и, не снимая сапог, упал на теплые нары — сразу провалился в темноту.

Он спал воистину словно убитый и не слышал, как пришел в тайгу рассвет, как запели ранние птицы, радостно заржали лошадки; не слышал, как поднял Шаронов геологов, как гремел котелком Никишин, чертыхался Тихомиров... Ничего не слышал лейтенант, лежал как чурка — все в нем смазалось, стерлось, заглушилось.

Но вот из-за туч выполз долгожданный луч — и сразу что-то дернуло Климова изнутри. Он открыл глаза, встал, вышел из палатки.

Мир радостно встречал солнце. Лес искрился, сверкал, тянул к небу каждую былинку, каждую иголку, каждый лепесток.

Сержант и его верный Джек понуро стояли посреди поляны. Было видно, что оба чертовски устали.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант,— пытаюсь говорить бодрым голосом, сказал Исаев.— Никаких происшествий не произошло.

— Ночью выходил кто-нибудь?

— Никак нет... Утром встали, позавтракали и пошли на работу.

— Хорошо. Идите, отдыхайте... Оставьте рацию.

Климов связался с заставой. Доложил, что у него все в порядке. Михайленко сообщил — вертолет из отряда уже вылетел:

— Скоро кончатся твои муки... Замаялся?

— Что вам сказать, товарищ капитан?.. Муторно как-то... У нас, на границе, все проще: здесь — свои, там — чужие. А тут... не разберешь.

— Ну, ничего... Теперь уже недолго осталось, потерпи.

Щелкнул тумблер — оборвалась ниточка, связывающая лейтенанта с родной заставой.

Климов стал готовиться к появлению следователя. «Наверно, нужно какой-то документ подготовить», — после некоторых колебаний решил он. Лейтенант вошел в палатку — сержант и Джек безмятежно спали, — он достал из планшета несколько листочков бумаги, шариковую ручку. Сел за стол, задумался: «Как же его назвать?..» Подумал-подумал, написал печатными буквами «РАПОРТ». И стал канцелярским стилем излагать, как приехал в лагерь, как беседовал с геологами, как узнал о карте Мохова... Вначале слова вяло становились друг к другу, толкались, не хотели прояснять смысл. Но постепенно Климов увлекся, вспомнил подробности и даже сам не заметил, как исписал всю бумагу. Перечитал текст, хмыкнул — прямо рассказ получился... А вывод какой сделать?.. Подпер лейтенант ладонью голову, устался в угол, долго так сидел...

Приглушенный стрекот прервал его раздумья. Климов облегченно вздохнул, надел фуражку, поправил портупею и пошел к выходу.

Зеленый кузнечик — вертолет — словно оглядываясь по сторонам, повис над поляной, потом плавно опустился. Из палатки, торопливо застегивая тужурку, выскочил взволнованный сержант. Винт вертолета потоками воздуха причесал влажным зализом траву. Какое-то время он еще вращался — все медленнее, медленнее... Наконец остановился. Отъехала в сторону дверца, из полумрака блеснула физиономия солдата-бортмеханика, он подвесил лесенку. По ней на землю осторожно спустился бравый молодец в ярких рези-

новых сапожках, в джинсах, в модной поролоновой курточке и кокетливой лыжной шапочке (в руках — черный «дипломат»), за ним вышел пожилой сухощавый мужчина (в руках — потертый чемодан) и еще один — кондовый, крепкий, в котором даже в гражданской одежде сразу признаешь милиционера (в руках — рюкзак).

Молодец упругим шагом направился к пограничникам.

— Лейтенант Климов.

— Следователь Хрустов.

Подошли остальные «пассажиры». Хрустов светским тоном сказал:

— Врач-эксперт Гаврилов Юрий Петрович, инспектор Мандрыка.

— Здравия желаю.

Из машины выпрыгнули летчики, приветственно помахали Климову руками, стали возиться со своим агрегатом, который, остывая, тихо пощелкивал.

— Позвать свидетелей? — спросил Климов. — Они работают в долине.

— Не надо, — ответил Хрустов. — Уже идут... — И, заметив удивление в глазах лейтенанта, улыбнувшись, пропел: — Нам сверху видно все, ты так и знай...

— Товарищ следователь, — протокольным голосом начал Климов. — Пока они подойдут, я считаю, вам нужно ознакомиться с этим документом.

Он отстегнул клапан планшета, достал свой рапорт.

Хрустов с легким поклоном взял климовское «эссе», прищурился — близорукий, стал внимательно читать. Лейтенант с волнением вглядывался в его лицо. Следователь был не намного старше Климова, но две-три горькие складки у рта вы-

давали в нем человека, повидавшего жизнь. «Тоже ведь работенка, — подумал Климов. — Со всякой швалью общаться приходится...»

— Ну что ж, — деликатно кашлянув, сказал наконец Хрустов. — Серьезное психологическое исследование. Спасибо... Я думаю, оно поможет нам.

— Я, правда, выводы никакие не сделал.

— Это как раз хорошо.

Вскоре на тропинке появились геологи. Шаронов был несколько бледнее обычного. («Волнуется», — определил Климов.) Подошли, представились.

— Теперь все в сборе, — констатировал Хрустов. — Начнем осмотр места происшествия. Вы готовы, Юрий Петрович? — Пояснил для Климова: — Его немного укачало...

— Да-да, я в норме! — торопливо ответил врач.

— Товарищ следователь, мы можем возвращаться на заставу? — с надеждой спросил Климов.

— Я бы попросил вас задержаться, — мягко, но настойчиво сказал Хрустов. — Мне нужны понятия, больше ведь некому...

— Есть, — грустно согласился Климов.

Хрустов направился к камеральной палатке. Все гуськом потянулись за ним. Следователь достал из «дипломата» очки в позолоченной оправе, заглянул в дверь, оценил обстановку.

— Предлагаю такую тактику... Сначала мы исследуем и опишем тент. Потом его снимем, чтобы лучше было видно, и продолжим работу... Есть возражения?

Все, насупившись, молчали.

— Возражений нет, — подвел итог Хрустов. —

Тогда прошу в палатку войти понятых. Мандрыка, садись за стол, будешь записывать.

Покачиваясь с пятки на носок, следовательно начал медленно диктовать:

— Протокол осмотра места происшествия... Какое сегодня число, Мандрыка? — Инспектор ответил.— Вот... Значит, пиши... Такого-то числа, года... следовательно прокуратуры... Хрустов К. Л.— Глянул на Климова.— Константин Леонидович... В соответствии со статьями... уголовно-процессуального кодекса... составил настоящий протокол...— Хрустов перевел дыхание, поправил очки, продолжил: — Прибыв сего числа на место обнаружения трупа гражданина Мохова...— Посмотрел на Шаронова.— Как его имя, отчество?

— Макар Васильевич.

— Значит, гражданина Мохова М. В. с ушибленной раной головы... Доктор, не возражаете против такой формулировки?

Эксперт в это время внимательно изучал покойника.

— Нет,— отозвался он.

— Хорошо... В присутствии понятых... Климова?..

— Владимира Николаевича.

— Отлично... Проживающего?

Лейтенант назвал адрес войсковой части.

— И?..

— Сержант Исаев Евгений Васильевич.

— Замечательно... Проживающего там же... И с участием судебно-медицинского эксперта... Сам допиши...

Хрустов прошел в центр палатки, стал зыркать по сторонам, потом изрек:

— Осмотром установлено... Место, где обна-

ружен труп, находится в брезентовой палатке на окраине лесной поляны...

И далее он самым подробным образом стал описывать, из каких деталей состоит тент палатки, как он натягивается, на что крепится, какого цвета...

Климов и Исаев выразительно переглянулись.

Закончив «первую главу», Хрустов спросил:

— У понятых есть замечания по протоколированию состояния тента?

— Нет,— в один голос ответили пограничники.

— Тогда будем снимать...

Никишин, Тужиков и Тихомиров за несколько секунд скрутили брезент. Солнце ярко осветило маленький квадратик земли, на котором разыгралась трагедия.

— Другое дело! — оживленно воскликнул Хрустов.— Свидетель Шаронов...— Вадим Петрович вздрогнул, вытянулся.— Сейчас многое зависит от вас... Мне нужно как можно точнее знать первоначальное положение трупа. Сможете вы хотя бы приблизительно начертить его контур?.. Как он лежал? Где были руки, ноги?

— Я могу это сделать совершенно точно,— сухо ответил Шаронов.— У меня профессиональная память на контуры.

— Великолепно! Мандрыка, дайте ему мешочек с порошком гипса.

Инспектор порылся в своем рюкзаке, вытащил полиэтиленовый пакет, протянул Вадиму Петровичу.

— Вот, обозначьте...— предложил Хрустов.— Не торопитесь, вспомните, как лежало тело по отношению к другим предметам.

Теперь Шаронов встал в центре палатки. Лицо его было напряженным, он закусил губу, нахму-

рил лоб, вглядывался в очертания земляного пола, как в горный ландшафт.

Наконец, видимо приняв окончательное решение, Вадим Петрович надорвал уголок пакета и тоненькой струйкой белой пыли стал медленно рисовать на земле какой-то чертеж. Постепенно плавные линии замкнулись, и все увидели изображение человека: голова, вытянутая рука, слегка согнутые ноги...

— Очень интересно! — возбужденно сказал Хрустов. — Значит, голова лежала именно так — рядом с сундучком?

— Да, — уверенно подтвердил Шаронов и указал: — В этой руке был зажат самородок.

— А где он, кстати?

Вадим Петрович благоговейно вытащил из нагрудного кармана носовой платок. Развернул его — тускло блеснул красновато-желтый корявый камушек величиной со спичечный коробок.

«Так вот ты какой?» — меланхолично подумал Климов и немного удивился, что ему раньше не пришла в голову мысль посмотреть на виновника преступления. — Неужели это из-за тебя?..»

Следователь спокойно взял самородок, как будто это был обыкновенный булыжник, положил его на траву, в то место, где была обозначена рука. Некоторое время он в мрачной задумчивости взирал на эту картину.

— Константин Леонидович... — неожиданно громко в наступившей тишине прозвучал голос врача. — А ушиб-то слабенький. С размаху так не бьют.

Эта фраза сразу преобразила Хрустова. Его как будто током тряхнуло. Он вытащил из «дипломата» лупу, подошел к сундучку, уставился на его угол.

— Юрий Петрович, полюбопытствуйте! — позвал он врача.

Гаврилов оторвался от своего «объекта», заглянул в увеличительное стекло.

— Угу,— подтвердил он.— Похоже... Вот эпителий... брызги крови...

— Так!..— Хрустов оживленно потер ладони.— А скажите-ка мне, граждане свидетели, ваш Мохов на здоровье не жаловался? Голова? Сердце?

Тихомиров встрепенулся:

— Жаловаться не жаловался... А за грудь в последнее время хватался... Я замечал... Вздохнет — так тяжко, жалобно... И руку к сердцу тянет.

— Во-о-от...— протяжно, выразительно сказал Хрустов.— А вы, товарищ лейтенант, говорите — «выводы»...

Честно говоря, Климов не понял, на что намекает следователь. И только по тому, как весело сверкнули его глаза, окруженные золотой дужкой очков, ощутил: произошло нечто важное, проливающее свет на всю эту мрачную историю.

И вдруг послышался какой-то странный, булькающий звук. Шаронов, схватившись рукой за горло, извиваясь всем телом, не то рыдал, не то смеялся. Лицо его обмякло, как будто с него сползла тонкая резиновая маска. Лейтенант с удивлением увидел — перед ним совершенно другой человек: напряжение, державшее Шаронова в тисках, бесследно ушло. Да, он смеялся, хохотал, рычал... И, глядя на него, Хрустов почему-то тоже улыбался...

И снова была лесная тропа, и снова сочно чавкала грязь под копытами лошадей, и снова сонно качался Климов на своем жеребце, а сзади — с Джеком поперек седла — ехал побуревший от усталости Исаев. Они возвращались на заставу — спокойные, умиротворенные. Картины прошедшего дня — несколько утомительных часов осмотра, отправка трупа с вертолетом на «большую землю», заключительная беседа с Хрустовым, прощание с Шароновым — все это толпилось в сознании, воспринималось как тяжкий, давний сон.

Перед отлетом Хрустов сказал Климову:

— Кстати, ваш «рапорт» многое прояснил. Мохов был крупной, внешне здоровой особью, поэтому никто из вас не заподозрил естественную смерть, а тут еще этот шрам на виске... Но, во-первых, Мохов сильно пил, а во-вторых, то нервное состояние, в котором он находился, неумолимо вело к срыву. Видимо, сердце не выдержало...

Климов прикрыл веки. И ему вдруг представилось видение.

Ночь, шуршит дождь по палатке... А Мохов не спит: белыми от ненависти глазами смотрит он в темноту, и в который раз — накатывает на него тоска, тяжелая, как половая тряпка. И пульсирует в его голове одна и та же едкая мысль: «Что наделал? Что наделал?.. Сколько лет лелеял в душе мечту-тайну... Все думал, надеялся — придет пора, найду эти «золотые горы». И тогда начнется совсем другая жизнь — веселая, праздная: вино забулькает — сладкое, душистое; сударки-любовницы будут заглядывать в глаза, ловить каждый блеск его желания... Эх, все пропало! В один миг... Мозгляк этот проклятый за стакан

водки купил дедовскую тайну. Теперь все прахом пойдет, все казна заберет, перемелет...» И снова зануло нутро, что-то там жгло, томило... Он встал — страшный, озверевший — тихо пополз вдоль нар. Спят-сопят кореши, намаялись... Нет им до него дела, никто не знает, что с ним творится, как корежит его судьба...

(Зачем он шел в камеральную палатку? Может, хотел убить Шаронова? При осмотре в кармане Мохова был обнаружен охотничий нож.)

Он стоял перед этим паршивым сундучком, в котором лежал «его» самородок... Нет начальника... Куда же он делся? И здесь ему повезло — уберег друг-случай... Потянул заскорузлыми пальцами замочек — только петелька звякнула... Вот он «золоточек» — лежит на ладошке... «Мой это! Никому не отдам... Зубами глотки перегрызу — за свое, за дедовское...» И вдруг накатил страх, отчаяние... «Что сделаешь? Придут, отнимут, заберут...» Вспыхнула в груди ярость, схватила люта-тая боль — будто взорвалось что-то внутри... Подкосились ноги, захрипел, дернулся... Падая, ударился головой, но сжимал, сжимал в кулаке желанный кусок золота... И холод от него стал медленно разливаться по всему телу...

Климов покачнулся — конь оступился в бочажок. Лейтенант открыл глаза, провел рукавом по лицу, смахнул прилипшую к губам паутинку.

Впереди за деревьями блестела река. Значит, застава совсем рядом...

Месяца через полтора Хрустов прислал Климову подробное письмо, в котором писал, что версия о естественной смерти Мохова подтвердилась, что сейчас он занимается новым сложным делом и на

пути к истине следует ответить на множество вопросов. Но надежды на благоприятный исход не теряет. Желает Климову не забывать юридических уроков, полученных в связи с расследованием обстоятельств гибели Мохова.

Климов усмехнулся. Все же он испытывал явную симпатию к жизнерадостному и уверенному в себе Хрустову.

Чакрым

1

Когда поднимался ветер, узкое ущелье завывало, как шакал. Этот леденящий звук вселял в сердца страх и тоску. Недаром суеверные дехкане даже днем боялись появляться здесь. Да и то сказать: что им тут делать? Голые камни, зеленые языки ледников, чахлые кусты можжевельника — кому все это нужно? Правда, здешний мулла говорит, что в верховьях ущелья есть священная пещера, в которой ангелы оберегают тело имама Керезаспа, убитого якобы во время сна. Протрубят трубы, возвещающие о конце света — имам проснется. А зачем, интересно знать?..

Пещера такая действительно была. Кадыр-хан хорошо помнит, с каким трепетом входили в нее беки. И красноречие, и силу кулака пришлось применить ему, чтобы убедить правоверных мусульман: сунна гласит, что дух имама живет в долине Кабула. А это — обыкновенная дыра в скале.

Сам Кадыр-хан не верил ни в шайтана, ни в аллаха. Он верил в банковский счет, открытый на его имя в Швейцарии. Все мужчины его рода кормились оружием. Какая уж тут вера?..

Дед Кадыр-хана — выходец из Туркестана. Перед смертью он исповедовался внуку: рассказал, как убил родного брата, присвоил его имущество. Но местные баи пронюхали — донесли властям. Боялись, видимо, что «дикий» — такая была его кличка — не успокоится на этом. Чудом

улизнул тогда дед, убежал в горы — стал налетчиком, басмачом¹. С отрядом собратьев-уголовников грабил караваны купцов, богатые кишлаки, не брезговал и мечетями. Сотня казаков гонялась за ним. Но деда всегда спасали горы: уходил заветными тропами к ледникам, отсиживался там и снова спускался в долину.

А потом нагрянули Советы. Их — толстосумы боялись больше басмачей. Бараний жир залил глаза баев, толстые задницы не вмещались в седла, а с большевиками нужно воевать. Вот и пошли на поклон к деду Кадыр-хана. И превратился он из бандита в «доблестного вождя воинов аллаха»: поднял зеленое знамя ислама, силой и посулами собирал под него джигитов на великий «джихад» — войну с неверными.

А что из этого вышло? Гоняли «воинов аллаха», как собак, по горам и пустыням. Святое дело — грабить торгаша, но нельзя сражаться с народом. Это дед твердо понял и Кадыр-хану внушал.

Деду еще повезло — унес свою голову за границу. Здесь, правда, неласково встретили беглого курбаши. Кому нужен битый шакал? Плодородной земли в Афганистане мало — никто потесниться не захотел. Хорошо, старые друзья с Запада подсказали, чем заняться: стал дед в высокогорных районах опиумный мак выращивать. Дело пошло на лад... А чтобы никто из властей не мешал, вооружил отряд отъявленных головорезов: они и поля охраняли, и «товар» иностранным скупщикам доставляли, и рабочую силу, когда нужно, с кишлаков сгоняли. Так и повелось — стал

¹ Слово «басмач» происходит от тюркского «басмак», что означает «нападать», «налетать». В Средней Азии издавна называли вооруженных бандитов басмачами.

дед горным князем, держал в трепете весь район. Сын подросток — ему власть передал, а тот в свою очередь Кадыр-хану «трон» уступил.

Там, внизу, один властелин сменял другого, один военный переворот следовал за другим. А здесь, в высокогорье, правил свой клан, по своим неписаным законам.

Но вот весной, шел месяц саур 1357 года солнечной хиджры¹, прилетело сюда из Кабула тревожное слово — «революция». Кадыр-хан сразу смекнул: грядут тяжелые времена. С помощью своих американских «маклеров» он быстро перевел валюту в швейцарский банк. И точно — новые власти стали давить контрабандистов, несколько караванов с наркотиками были разгромлены правительственными войсками. Нет, Кадыр-хан не собирался добровольно уступать свои позиции. Он знал: там, на Западе, есть люди, заинтересованные в его промысле. Сегодня у него состоится встреча с одним из них. Единственное, что тревожило Кадыр-хана: почему для «переговоров» было выбрано именно это страшное ущелье вблизи советской границы?..

2

У молодого начальника заставы старшего лейтенанта Сергея Ларина с горами были сложные отношения. В детстве он не любил их, потому что в горах погиб его дед.

В 1942 году немцы начали наступление на

¹ Апрель 1978 г. Календарь солнечной хиджры введен в Афганистане с 1911 г. Месяцы в этом календаре носят названия созвездий зодиака на языке дари. За исходную дату мусульманской эры принят 622 г. — год переселения (хиджры) пророка Мухаммеда из Мекки в Медину.

Кавказ. И перли не как-нибудь, а понахалке — через перевалы: кратчайшим путем рвались к бакинской нефти, которая в те времена составляла 95 процентов общесоюзной добычи.

Турки зашевелились, подтянули свои дивизии к границе. В общем, положение было тяжелое... Недаром именно в эти дни Нарком обороны издал свой знаменитый приказ № 227: ни шагу назад!

И вот срочным порядком на гребни перевалов были брошены подразделения наших войск, в их числе — сводный полк НКВД, в который попал и дед Сергея, служивший пограничником на черноморском побережье.

У наших бойцов не было опыта ведения боевых действий в горах. Они шли в хлопчатобумажных гимнастерках и своих традиционных зеленых фуражках. Пулеметы и легкие орудия пришлось тащить на руках. Наши части несли большие потери от неумения передвигаться в горах: сколько народу в трещины срывалось, под камнепады попадало!..

А навстречу по заветным туристским тропам с автоматами за плечами бодро карабкались любимцы фюрера — егеря дивизии «Эдельвейс».

Целый год бушевала война на Восточном фронте, а дивизию все берегли, держали в Альпах — для акклиматизации. Егеря были оснащены всем необходимым: каждый получал офицерский паек, витамины в таблетках, шерстяное белье, личную походную кухню на сухом спирту; ко всему прочему в составе дивизии была разборная канатная дорога и «батальон» белых итальянских мулов, которые хорошо маскировались на фоне ледников.

Офицеры дивизии в 1939 году под видом ту-

ристов побывали на Кавказе. Нет, не по карте изучали они места будущих атак — знали каждый перевал, каждое ущелье, каждый карниз...

Наши войска искусству горной войны учились в ходе ожесточенных боев. По приказу Ставки собирали тогда альпинистов со всех фронтов; в тбилисском арсенале наладили производство ледорубов, крючьев; в Бакуриани началось формирование и обучение специальных горнострелковых отрядов. Кроме спортсменов-альпинистов, туда направляли самых крепких и закаленных солдат из других частей. Дед Сергея был отозван с южного склона перевала Санчаро, который, истекая кровью, удерживал их сводный полк.

Очень скоро гитлеровские егеря ощутили на себе удары наших горных стрелков. За зеленые куртки-штурмовки, за дерзкие вылазки они прозвали их «грюне тойфель» — зеленые черти.

Дед Сергея стал настоящим «снежным барсом». Его группе поручали самые сложные задания. В январе 1943 года, проводя высокогорную разведку в тылу врага, она пропала без вести.

Вот такая история... У Сергея были все основания не любить горы. Продолжалась эта неприязнь до седьмого класса. Тогда в их школу на спортивный вечер пригласили известного ветерана-альпиниста Василия Петровича Алябьева. В перерыве Сережа подошел к нему и спросил про деда. Оказалось, что Василий Петрович был его инструктором, готовил группу к выходу и приблизительно знает район, в котором она пропала.

— До сих пор альпинисты находят на ледниках останки погибших стрелков, — сказал Василий Петрович.

У Сергея екнуло сердце. Несколько дней он

ходил сам не свой. И наконец позвонил Алябьеву:

— Я хочу найти место их последнего боя.

— Это непростое дело. Нужна специальная подготовка.

— Значит, буду готовиться.

Так Сергей очутился в летнем альпинистском лагере. И... произошло чудо: горы покорили его. Да и как могло быть иначе?

Кто хоть раз видел, как искрится луч света на изломе ледника, дышал студеным ветром перевалов, слышал, как по утрам с тихим зловещим шелестом катятся вниз розовые лавины, кто однажды ощутил пьянящее «чувство вершины», качаясь от усталости, падал на хрустящее фирновое поле — тот поймет, что такое настоящая «горная болезнь».

Но даже не это главное... Главное — то небывалое чувство товарищества, которое охватывает тебя, когда идешь на штурм вершины — цепочкой, след в след, когда врезается в плечо веревка, а ты страхуешь, напряженно, собранно, до глубины души сознавая: тебе доверена жизнь...

Алябьев был доволен своим учеником. Очень быстро Сергей получил значок «Альпинист СССР».

И они нашли погибшую в неравном бою группу стрелков. И Сергей словно сквозь толстое стекло увидел деда, даже сумел разглядеть черты его лица. Это было жуткое и в то же время величественное зрелище: глетчерный лед поглотил тела наших бойцов; сами горы соорудили своим защитникам невиданный мавзолей.

Потом было пограничное училище, которое Сергей закончил с отличием. На комиссии по распределению его спросили:

— Где бы вы хотели служить?

И лейтенант Ларин, не колеблясь, ответил:

— На Памире...

Друзьям он объяснил свой выбор словами популярной песни: «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал».

3

— Ой, шо ж це таке?! — голос солдата был испуганный, взволнованный.— Автомат прямо гудеть! А зараз искра с ёго соскочила!..

Старший лейтенант Ларин улыбнулся. Он уже несколько минут ощущал легкое покалывание в кончике носа и на ушах.

— Не волнуйтесь, рядовой Петренко,— спокойно сказал он.— Это горы, привыкайте... Повысилась электризация воздуха.

— А не убье? — Петренко тревожно глянул на темнеющее небо.

— Умелого пограничника ничто и никто «не убье»,— усмехнулся начальник заставы.

Ларин предвидел, что сегодня к ночи в каньон вползет гроза, и специально пошел с группой молодых солдат «на обкатку».

Теперь, пожалуй, стоит рассказать об участке границы, который охраняла застава.

Представьте себе высокий пышный пирог, который хозяйка разрезала большим кухонным ножом. Этот первый глубокий разрез вначале даже не замечаешь. И только по тому, как поднимается над ним ароматный парок, можно определить линию, неотвратимо отделившую одну половину от другой.

Наверно, из космоса горный массив, о котором идет речь, выглядит приблизительно так же: круглое высокогорное плато пересекает узкий каньон, по нему, как по трубе, стремительно летит вод-

ный поток, впитавший в себя ручьи многочисленных ледников. Вот по этой-то бурной речушке и проходит граница. Берега — узенькие тропки, а над ними — взметнулись вверх гладкие, отполированные дождями и ветрами гранитные стены. Если стоять на дне каньона и задрать голову, то кажется, что там, наверху, эти стены сближаются. Но на самом деле это не так: расстояние между ними — метров триста.

...Первый разряд ударил неожиданно. Молния на миг осветила напряженные лица солдат. Пахнуло жженой серой, словно кто-то чиркнул огромным кресалом о камень. Гулкий громовой раскат потряс горы, звонкое эхо заметалось между стенами каньона.

— Ну и ну!.. — восторженно прошептал Петренко. — Как в аду!

— Разговорчики! — одернул его начальник заставы. — Во время вспышки наблюдайте за поверхностью реки.

Гроза набирала силу. Била ритмично, как автоматическая пушка. Острые скалы сияли «огнями святого Эльма»¹. Пограничный наряд залег на мелкой осыпи — она хорошо укрывает от ветра.

Чем же отличалась эта вспышка от остальных? Трудно сказать... Потом старший лейтенант Ларин все объяснит просто: интуиция. Но что такое интуиция? Механизм догадок, предположений, открытий, иногда неожиданных даже для самого человека. Психологи говорят, что интуиция «работает» на главную в данный момент

¹ Огни св. Эльма — физическое явление, свечение электрических разрядов на острых концах различных предметов, возвышающихся над земной поверхностью. Свое название получило в средние века в Италии от церкви св. Эльма, на башнях которой оно часто наблюдалось.

потребность. Значит, в тот момент «главной потребностью» старшего лейтенанта Ларина была охрана границы? Да, наверное, так!..

Грянул очередной раскат, и начальник заставы впился глазами в узкую горловину теснины, где блеснула странная вспышка — сначала на сопридельной стороне, а потом — на мгновение позже! — на нашей.

Он знал, что такое бывает: от облака вниз, почти невидимый, медленно летит слабый разряд — «лидер». Он прокладывает ионизированный путь для последующих, возвратных молний. Иногда «лидер» по дороге вниз ветвится, и тогда возвратные разряды, исходя из нескольких точек поверхности земли, сливаются вверху в один поток. Но эти удары не слились... Они только вспыхнули в двух разных точках — и все.

Старший лейтенант вспомнил, как третьего дня наблюдатель докладывал, что на край плато выходили незнакомые люди. И в его сознании неожиданно, как сигнал тревоги, возникло чудное, ясное только пограничнику слово: «переброс». И он уже знал, что нужно делать. И где-то там, в глубинах мозга, заработали невидимые часы, начавшие отсчет времени, а перед его внутренним взором, словно на экране, появилась линия маршрута. И он понял, зачем лазутчик идет. И был уверен в правоте своего понимания...

Нет, это была не интуиция. Это был высочайший профессионализм.

4

Гафар съежился от страха, не понимая, где сейчас находится — жив ли он, или душа его уже где-то там, на пути в рай.

Но сверху ударила молния, озарив все вокруг жутким голубым светом. Он почувствовал за спиной тепло адской машины, перенесшей его через ущелье.

— Саиб, саиб¹... — жалобно, как козленок, позвал он.

Из темноты выплыла огромная фигура Кадыр-хана.

— Здесь я, Гафар. У тебя все в порядке, ноги целы?

— Кажется... О, аллах, дай мне силы! Командон-саиб, разреши я совершу священный намаз.

— Нет. Ты же знаешь, аллах освобождает путников от молитвы. Нам нужно спешить.

Кадыр-хан помог юноше отстегнуть ранцевый реактивный двигатель.

— Неси его за этот камень. Там мой лежит. Спрячем — они еще пригодятся.

Гафар дрожащими руками схватил тяжелые баллоны, потащил их за корявый валун. Кадыр-хан включил фонарик, пятном света указал место, куда следует их положить. Затем достал из рюкзака свернутую в тонкую трубочку серую материю — скользкую, непромокаемую. Они укрыли ею аппараты, забросали мелкой щебенкой.

— Пойдем, — сказал Кадыр-хан. — К рассвету мы должны выйти на гребень.

Они встали друг за другом и одновременно сделали первый шаг правой ногой — это хорошая примета, она должна принести удачу.

Гроза бушевала, яркими вспышками освещала дорогу. Перед ними лежало громадное мертвое пространство, покрытое вечным льдом. Но

¹ Саиб — хозяин. Командон-саиб — командир.

они не чувствовали холода, им было тепло в этих костюмах... Как их назвал янки?.. Скафандры... Кадыр-хан криво ухмыльнулся.

...Он ждал тогда у входа в пещеру всю ночь. Только под утро на тропинке зашкрипели камни — из мрака появился маленький караван: впереди шел рыжий Фред — давний партнер Кадыр-хана, за ним еле волочил от усталости ноги неизвестный чужеземец, два сухощавых горца-пуштуна несли на носилках объемистый тюк; замыкали колонну мулла и худой юноша, одетый как дервиш.

— Салам алейкум,— переводя дыхание, сказал Фред.— Трудный путь. С хребта на хребет. В долинах сарбазы¹ гарнизоны разбили. Неуютно у вас стало...

Промолчал Кадыр-хан, поздоровался с гостями. Повел их в пещеру, где на углях чай горячий стоял. Обычай такой: сначала путника накорми, напои, обогрей, а потом уже о делах расспрашивай.

Пришельцы с жадностью набросились на лепешки, обжигаясь, хлебали кипяток. Только мулла и его младший «брат» вели себя сдержанно, с достоинством: отламывали щепотки хлеба и неторопливо клали в рот

Насытившись, Фред и голубоглазый «инглиз» подозвали Кадыр-хана.

— Большое дело надо совершить,— торжественно сказал Фред, когда они уселись на принесенный тюк.— Этот человек...— Фред кивнул на «инглиза»,— специально приехал из Америки. Он там в конторе работает, которая разведкой занимается. Они о тебе знают...

¹ Сарбаз — солдат национальных вооруженных сил ДРА.

Кадыр-хан качнул головой, цыкнул сквозь зубы.

— Слышал?.. Неверные через реку мост строят?.. Повезут по нему трактора, машины, зерно... Совсем плохо будет! Дехканин, что собака — кто приласкал, тому и служит, тому верно служит! Что думаешь?..

— Пожалуй, так,— сдержанно ответил Кадыр-хан, понимая, куда клонит Фред.

— Мост нужно взорвать... Но с нашей стороны не подойдешь — всюду равнина... Тот «бача»¹, который с муллою пришел, год учился в специальном лагере. Он умеет... Мы хотим, чтобы ты пошел с ним через горы, подошел с тыла...

Налетел порыв ветра. Загудело ущелье, завыло.

— Фред, я похож на безумца? — усмехнулся Кадыр-хан. — Ты меня сколько лет знаешь... Скажи, зачем мне голову в капкан совать?

— Ты неправильно понял. Парень этот фанатик. Ему внушили, что он — «острие аллаха». Он приносит себя в жертву... ради веры. Но такой человек хорош на последнем этапе. А к месту «подвига» его должен привести умный поводырь... Ты доставишь «героя» и уйдешь тем же путем. Пятьдесят тысяч получишь... Но самое главное: принято решение — после успешной операции забрать тебя отсюда... в контору. Будешь консультантом по особым акциям. Хватит тебе по горам скакать. Пора перебираться в цивилизованное общество.

— Все продумано,— вступил в разговор «инг-

¹ Б а ч а — парень.

лиз». — Смотри... — Он нагнулся, отстегнул на тюке клапан, достал из него карту.

...Ударил очередной выстрел грозы. Кадырхан обернулся, увидел побледневшее лицо Гафара. «Бойтся, — понял он. — Тоже мне — острие аллаха...»

5

— Товарищ старший лейтенант, вы не провоцируете на альпинистские авантюры? — Голос начальника пограничного отряда полковника Жукова звучал строго, но напряженно.

Именно по этому, чуть заметному напряжению Ларин понял, что его сообщение принято всерьез.

— Никак нет, — спокойно ответил он. — Его нужно взять именно сейчас, на плато. Иначе утром он встанет на маршрут, и тогда придется блокировать весь район. Посмотрите сами, оттуда веером расходятся хребты. По какому он пойдет?..

Ларин знал, что прямо перед начальником отряда висит на стене большая карта. И когда в телефонной трубке возникла пауза, он правильно оценил ее.

— Хорошо... — после некоторого молчания снова заговорил полковник. — Но разве один вы сможете совершить такое восхождение?

— В отрядном госпитале служит лейтенант Белов. Я его знаю, ходили когда-то в одной связке. Нужно срочно доставить его на заставу...

В 00 часов 17 минут Николая Белова разбудил посыльный офицер.

— Приказано срочно доставить вас на заставу старшего лейтенанта Ларина. Машина ждет внизу...

За рулем сидел сам начальник автотранспортной службы капитан Пахомов.

— Иван Петрович,— недовольно спросил Белов, когда «уазик», подпрыгнув на ухабе, вылетел на рокадную дорогу.— Вы что, угробить меня хотите? Кто придумал эти «большие гонки»? Что там у Ларина... внезапные роды?

— Не знаю, Коля,— не оборачиваясь, бешено вращая баранку, сказал капитан.— Велено за час домчать...

Машина, вписываясь в крутой поворот, скрипнула тормозами. Свет фар скользнул по мокрой гранитной стенке.

Коля Белов закончил медицинский институт, и в армию его призвали на два года. Он был единственным поздним ребенком в семье известного хирурга, и конечно же при желании отец смог бы оставить любимое чадо в аспирантуре. Но папенька, бывший фронтовик, проявил принципиальность, вспомнил не к месту древних греков, которые не считали за человека того, кто не умел плавать, читать и владеть оружием, а затем — благословил сына на ратный труд.

Правда, Белов не очень огорчился столь неожиданным поворотом своей судьбы. Он был молод, красив, азартен... Два года пролетят быстро; зато какой штрих в биографии — служил пограничником, на Памире, на афганской границе.

С Лариным они познакомились на Кавказе. В то время лазать по горам было модно — вот

Коля и подался в альпинисты. Все ему давалось легко... Техника у Белова была прекрасная, но какая-то показная, пижонская. Наверное, за это въедливый Ларин и не любил его... Сам Сергей на склоне работал старательно, с сопением, словно пахал целину. Для него главное было не забраться на вершину и сфотографироваться, а что-то другое... Что именно — Белов не понимал. И поэтому после двух-трех совместных восхождений Николай старался не попадать в общую связку с Лариным. Своим сопением он его раздражал...

Прибыв в отряд, Белов скоро узнал, что бывший курсант пограничного училища, серьезный товарищ Ларин служит на одной из застав. Несколько раз они говорили по телефону, но желания встретиться не было.

Капитан Пахомов выжал все — из себя и из машины. По дороге он два раза менял скаты, но тем не менее уложился в отведенный приказом срок.

Автомобиль влетел во двор заставы, фыркнул, заглох — от двигателя валил пар.

— Приехали... — опустошенно сказал Пахомов, лег на сиденье и тут же заснул.

Белов вышел из кабины. Часовой подбежал к нему, отдал честь, торопливо сказал:

— Товарищ лейтенант, вас ждут в канцелярии.

Николай направился к темному крыльцу, споткнулся о ступеньку, чертыхнулся.

Дежурный, худощавый высокий сержант со строгим, напряженным лицом, быстро провел его по коридору, открыл перед ним дверь.

Ларин, освещенный яркой лампой, стоял в

центре комнаты. Он был в штормовом костюме, на ногах — мягкие ботинки из прочной прожиренной юфти, подбитые стальной оковкой — триконями. Николай мельком глянул в сторону — в углу лежали ледорубы, рюкзаки, бухта основной веревки, репшнур с карабином, связки крючьев.

— Здравствуй, Сережа, — наконец сказал он.

— Здравствуй, Коля... Давай сразу договоримся. Мы в армии: с этой секунды я для вас старший лейтенант Ларин, вы для меня — лейтенант Белов.

— В горах все равны. Ты что, забыл?

— Мы с вами идем не просто в горы, мы идем на боевое задание...

6

Как стремительно меняется погода в горах! Кончилась гроза, и сразу навалился туман — тяжелый, плотный. Даже хваленые заморские «скафандры» мгновенно покрылись ледяной коркой, звонко хрустели при каждом движении.

«Этого еще не хватало», — зло подумал Кадыр-хан.

Они очутились в море мутного шевелящегося дыма. Все утонуло в нем — и горы, и небо, и камни под ногами.

— Как теперь быть, саиб? — взволнованно спросил Гафар.

— Надо переждать.

Они нащупали руками скальный выступ, уселись, прижавшись друг к другу. Кадыр-хан сразу захрапел, провалившись в сон. А Гафар пялил глаза в темноту и все думал, думал о

своей жизни, и взывал к богу, и мечтал о скорой встрече с ним:

«Во имя аллаха милостивого, милосердного! Хвала аллаху, господу миров милостивому, милосердному, царю в день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых ты облагодетельствовал,— не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших».

...Он учился в школе богословов, когда что-то произошло в благословенном Кабуле. Толпы ликующих людей ходили по улицам, они кричали о свободе, о власти народа. Имам приказал закрыть ворота, собрать всех в мечети. Они молились аллаху, они просили его успокоить толпу, изгнать злого духа, вселившегося в нее.

А ночью их вывели из медресе и повели в горы — «путем аллаха». Они шли несколько дней, сбивая в кровь ноги, страдая от холода и голода. Имам все время повторял: «Не ропщи на судьбу, терпи, покорно переноси страдания, страдая утешься».

Он провел их через границу в Пакистан. Здесь, в Пешаваре, обосновалась секта «Джамиате исламие». Ее верховный улем Бурхануддин Раббани в первой же проповеди заявил:

— Я призываю вас к священной войне за веру! Ведь сказано в Коране: «О, пророк! Побуждай верующих к сражению. Если будет среди вас двадцать терпеливых, то они победят две сотни...»

И вскоре в лагере богословов появились военные инструкторы. Началась муштра, по сравнению с которой учеба в медресе показалась раем. «Борцов за веру» гоняли по горам, заставляли вплавь перебираться через бурные реки; их учили стрелять из всех видов оружия, обучали минно-

му делу... А если в душах появлялось сомнение, тут же рядом возникал имам.

— Мухаммед был пророком и воином, — величественно говорил он. — Записано в Коране: «Сражайтесь с теми, кто не верует в аллаха, пока не дадут откупа своей рукой, будучи униженными».

Из Афганистана доходили слухи: народная власть дала дехканам землю и воду, она лояльно относится к служителям культа.

Но Гафар с детства привык слепо повиноваться имаму. К тому же он твердо знал: земная жизнь — только игра и забава, именно в будущей, загробной жизни человек приобретает постоянный «дом пребывания». А раз так — нужно быстрее стремиться к нему. Ведь сказано: души воинов, павших на поле брани во время священной войны, сразу войдут в рай.

«О вы, которые уверовали! Веруйте в аллаха, и его посланника, и его писание, которое он низвел своему посланнику, и писание, которое он низвел раньше. Кто не верует в аллаха, и его ангелов, и его посланников, и в последний день, тот заблудился далеким заблуждением».

...Кадыр-хан храпел так, что казалось — изо рта выскочит печень. Проблемы загробной жизни его не тревожили.

7

Такого восхождения Ларину никогда не приходилось делать. Он выложился без остатка. В этом восхождении было все: и спортивный азарт, и гордость из-за того, что, может, ни один альпинист в мире не совершал ничего подобного, но самое главное — было понимание цели: нужно к

рассвету перекрыть плато, иначе враг уйдет, растворится в лабиринте хребтов и отрогов, и тогда на его поиски потребуются совсем другие силы и средства, и будет упущено время, которое на границе имеет свой особый вес.

Сергей вбил очередной крюк, прочно встал на него ногами и попытался расслабить измученное тело.

Сквозь протяжный вой ветра слышался металлический скрежет. Это Белов карабкался по его крючьям, пережигая в сердце честолюбие, неутомимо лез вверх. Надолго ли хватит этого горючего?

Всего двадцать метров до полки, до надежной опоры... Эти последние метры потребуют полной самоотдачи и спокойствия. Нельзя торопиться... Он видел однажды, как на последних метрах стенки сорвался в пропасть опытный альпинист, совершавший разведку маршрута. Он знает, почему такое случилось, и сейчас должен учитывать все. Он не имеет права проиграть. На карту ставилось гораздо больше, чем детская радость от вбитого на вершине флагштока.

Из темноты выплыла голова Белова.

— Хоп!.. — прохрипел он.

Это была команда: нужно снова подниматься, нужно преодолеть эти проклятые двадцать метров.

Ларин нащупал руками углубление, двумя расчетливыми ударами молотка вогнал костыль. Затем ухватился за него, подтянулся, болтая в пустоте ногами, уцепился за следующий выступ... Через полчаса его пальцы легли на край карниза. Он подтянулся и рывком выбросил тело на узкую полку. Это последнее резкое движение доконало его — он в изнеможении уронил голову на мокрый камень.

Прошло несколько мгновений, но они показались Ларину вечностью — видимо, сознание вырубилось. Но вот откуда-то изнутри, из спинного мозга, возник испуг — Сергей дернулся, открыл глаза. Темнота сама собой рассеялась, и он увидел дикую тропу, пробитую копытами архаров, на которую, наверное, никогда не ступала нога человека. Беспорядочно разбросанные валуны преграждали выход на плато. За ними просматривались неясные очертания крутых склонов.

Радость, необузданная радость захватила Ларина. Он забрался, он все-таки забрался сюда!

Неожиданно один из валунов двинулся на него...

Памир — это испорченное санскритское слово «Паймур», что означает «Подножие смерти». В точности этого названия Белов убедился на собственном опыте. Когда Ларин привел его к стенке и определил траверз или, как говорят военные, — «поставил задачу на движение», то первое, что хотелось сказать: «Сережа, ты что... с ума сошел?» Но перед ним был не Сережа, а старший лейтенант Ларин, поэтому Белов ответил коротко: «Есть!» — и стал затягивать страховочный пояс.

Начало восхождения было решительным: Ларин встал на его плечи и вбил первый крюк. Сначала Белов нормально выдерживал темп, контролировал пульс. Но вскоре дыхание стало сбиваться, а потом все слилось в один дурной сон: вой ветра, скрежет шипов по скале, гулкие удары молотка, загоняющего крюк или обивающего острую грань. И все время ведущим шел Ларин. Сначала Белов удивлялся, откуда берутся

у того силы, потом с нетерпением ждал, когда Ларин выдохнется. Временами ему казалось, что Сергей не выдержит, сорвется вниз. Но веревка, связывающая их, призывно звала вверх. И он, скрипя зубами, лез, карабкался, полз... Как вдруг что-то там, наверху, произошло. «Страховка» обвисла, заюлила в разные стороны... «Что он делает?» — нервно подумал Белов. Николай как врач хорошо знал признаки горной болезни: неестественное возбуждение, суетная жестикуляция, беспричинное веселье... Этого еще не хватало!

8

Гафар прикоснулся к плечу Кадыр-хана:

— Саиб, саиб... Туман ушел.

Кадыр-хан открыл глаза, широко, протяжно зевнул, спокойно сказал:

— Надо перекусить.

Он развязал мешок, достал из него упакованные в целлофан брикеты прессованной баранины, сыр, хлеб. На этикетках стояла маркировка — полумесяц. «Специально для мусульман готовят», — усмехнулся старый вояка.

Они ели с удовольствием, неторопливо, тщательно пережевывая каждый кусок. Нежное тепло разливалось от желудка по всему телу. Кадыр-хану захотелось выпить — в мешке лежала фляжка виски. Но он постеснялся богомольного спутника, не захотел ронять в его глазах авторитет «борца за веру».

Насытившись, они обогнули каменистую гряду и вышли на широкое ледяное поле, припорошенное свежим снежком.

— Нужно связаться... Могут быть трещи-

ны... — неуверенно промолвил Гафар. — Так учили...

— Трещину увидим. Снег тонкий, — недовольно проворчал Кадыр-хан; ему не хотелось, как собаке на поводке, идти впереди этого сунка.

Кадыр-хан сделал несколько уверенных шагов по голубоватой гладкой поверхности и тут же, вскрикнув, провалился в пустоту. Он съежился, ожидая неминуемого удара, но тело с плеском погрузилось в ледяную воду. Вот тогда по достоинству оценил Кадыр-хан заморский «скафандр»: капюшон, ботинки, перчатки составляли единое целое, практически непроницаемое снаружи. Только лицо обожгли холодные брызги. Почувствовав под ногами опору, Кадыр-хан поспешно повернул до отказа рычажок электрического обогрева.

Он судорожно стал ощупывать скользкие стены. Выбоины есть, но попробуй уцепиться за них. Поднял голову: в пробитую его телом прореху заглядывали любопытные звезды. Потом их закрыла чья-то тень.

— Саи-и-иб!.. Где вы?.. — гулко, как в трубе, прозвучал испуганный голос.

— Бросай веревку! Живо! — приказал Кадыр-хан. Пока Гафар возился наверху, зло подумал: «У него дурной глаз. Сглазил, шакал».

Наконец из щели медленно пополз тонкий канат. Кадыр-хан осторожно снял с плеч ляжки, подцепил рюкзак к карабину, сердито крикнул:

— Тяни!

Мешок, раскачиваясь в разные стороны, скачками пошел вверх.

Затем канат опустился снова. Кадыр-хан пристегнул его к специальному кольцу на груди.

— Закрепил? — спросил он Гафара.

— Не за что...

— Тогда сам держи. Сможешь?

— Отдам все силы. Аллах поможет мне.

Вонзая в ледяные натеки острые шипы ботинок, упираясь спиной, локтями, Кадыр-хан начал медленно карабкаться. Гафар постепенно выбирал веревку. Несколько раз Кадыр-хан срывался, и тогда Гафар натягивался, как струна, вдавливался ногами в небольшой булыжник, лежащий на краю трещины, стена от невероятного усилия, держал на весу грузное тело «господина», «хозяина», «владыки»...

До горловины оставалось несколько метров, когда Кадыр-хан очередной раз оступился. Гафар уже слышал его надсадное дыхание, понимал, что тяжелое испытание близится к концу. Может быть, поэтому он, уставший, немного расслабился — канат резко дернулся, пятки Гафара скользнули по камню — он стремительно покатился к черной дыре. На самой кромке каким-то чудом Гафар извернулся, заклинился, как мостик, поперек провала. Кадыр-хан первым понял, что это секундная задержка: через мгновение Гафар рухнет вниз, и тогда они навсегда останутся в проклятой ледяной ловушке.

— Бросай веревку, — прорычал он. — Я приказываю! Бросай!

И снова короткий полет в темноте; вода булькнула и поглотила его...

Человека страшит неизвестное... Когда темное пятно отделилось от склона и медленно поползло к Ларину, спазм схватил мышцы, все внутри

похолодело. Но вот в темноте вспыхнули два немигающих янтарных глаза, послышалось приглушенное рычание. Ларин понял: снежный барс; видимо, на тропе он поджидал добычу.

Сергей приготовился к схватке. Он хорошо знал повадки ирбиса — так еще называют снежного барса, помнил рассказы пастухов о его дерзости и злобе.

Ирбис перед броском сжимается в комок. Он рассчитывает на первый удачный прыжок: обхватит передними лапами, зубы вопьются в горло, задние лапы резким одновременным ударом постараются распороть живот.

У Ларина в руках был только скальный молоток...

Сначала Сергей уловил порыв теплого воздуха. Он, как боксер, нырнул в сторону и тут же нанес встречный удар. Барс жалобно мяукнул, промахнулся — вцепился клыками в левый локоть. Сергей почувствовал острую боль; хотелось рвануться — потянуть локоть на себя. Но инстинкт мгновенно подсказал другое решение: он упал всем телом на противника, придавил барса и стал запихивать локоть все глубже и глубже в его пасть.

Ирбис яростно хрипел. Глаза зверя, потемневшие от ненависти и удушья, были совсем рядом; толстый хвост метался из стороны в сторону.

Барс извивался, пытался вырваться. Случайно перехлестнувшись, страховочная веревка запутала его задние лапы — и тут она выручила альпиниста!

Ларин ощущал на своем лице горячее прерывистое дыхание; давил, беспощадно давил локтем горло. Улучив момент, он с силой нажал коленом на грудь барса и тут же услышал лег-

кий хруст, как будто поломалась сухая ветка. Ирбис дернулся и затих...

Еще не понимая, что победил, Сергей продолжал бороться с мертвым телом зверя. И только когда почувствовал: тиски челюстей стали вялыми, осторожно вынул из пасти раненый локоть.

Не было сил встать — он так и остался лежать на мягком, пушистом бугорке, который только что был живым. И вдруг ему стало нестерпимо жалко ирбиса, и слезы мелкими каплями покатились по щекам...

Белов поднялся на полку и включил фонарь. Он увидел Сергея в изодранной штормовке с окровавленной рукой, лежавшего в обнимку с большой серовато-зеленой кошкой. Пасть зверя была безвольно открыта, на губах висела густая розовая пена.

Белов осторожно перевернул Ларина на спину. Сергей тихо застонал, открыл глаза.

— Коля, посмотри, что там с локтем? — чуть слышно прошептал он.

— Да, я сейчас. Я быстро... — суетливо затараторил Белов. — Подожди, Сережа...

Он снял со спины капроновую бухту. Тонкая веревка с тяжелым грузилом на конце стремительно полетела вниз. Там, под стенкой, стоял наряд пограничников. Они должны были привязать к веревке рюкзаки. Впоыхах Николай забыл закрепить конец, держал его в руках и теперь с ужасом думал, что будет, если от внезапного рывка он выпустит его. Обмотав ладонь, Белов до боли сжал кулак.

Наконец веревка натянулась. Потом он почувствовал, как кто-то два раза дернул за нее — значит, грузило достигло цели. Николай хотел

сразу же закрепить конец на поясе, но передумал: сейчас солдаты привяжут первый рюкзак, еще раз дернут веревку два раза. Что, если они делают это быстро? Он начнет закреплять, а они дернут... Нет, надо выждать. И Белов, смахнув плечом пот с виска, терпеливо ждал... Но вот веревка ожила — врезалась в пальцы, дважды отчетливо вздрогнула. Белов осторожно освободил ладонь, закрепил конец на поясе. Облегченно вздохнул и, перебирая руками, начал медленно поднимать рюкзак. Вскоре ценный груз был у его ног. И опять веревка, извиваясь, заскользила вниз, и снова ожидание обусловленного сигнала — второй рюкзак также благополучно прибыл к месту назначения. Теперь они могли продолжать свой опасный путь. Теперь у них было оружие, теплая одежда, еда...

10

Кадыр-хан только после третьей попытки выбрался из трещины. Измученный, с изодранным сосульками лицом, он выполз на край и тут же потерял сознание. Это было что-то среднее между обмороком и глубоким сном.

У Гафара еще хватило сил оттащить Кадыр-хана от провала. Затем он лег рядом и тоже впал в забытье. Обогрев работал безукоризненно. Им было тепло, они спокойно отдыхали, зная, что не замерзнут даже на льду.

Гафару казалось, что он летит куда-то к звездам, пронизывая белые пуховые облака, голубое небо. И вот перед ним открылся чудесный сад. Диковинные деревья испускали пряные ароматы, яркие цветы купались в струях прохладных ручьев.

«Это рай!» — с удивлением подумал Гафар. Он поднял глаза и увидел трон аллаха, окруженный мягким сиянием.

«А где же гурии? — замирая от блаженного предчувствия, думал Гафар. — Где черноокие девы с шелковистыми косами, готовые дарить праведнику свои ласки? Неужели это наконец произойдет?.. Только жаль, что они «не портят рождением детей свои тела». Но если как следует попросить, может, аллах разрешит мне хоть в раю иметь сына?»

...Гафар родился в семье бедняка, в убогой хижине, сплетенной из камыша и обмазанной глиной. Свет проникал сюда только через дверь и дымовое отверстие, сделанное на крыше. Зимой топили кизяком железную жаровню. Вся семья укладывалась спать вокруг этой жаровни.

Гафар еще мальчишкой понял, что не познает радости в этом мире. Поэтому он с такой готовностью принял религиозные догмы, обещавшие там, после смерти, наслаждение и покой. И все же природа брала свое: так хотелось иметь жену, продолжить свой род. Даже молодые послушники недоумевали: почему аллах разрешил многоженство и назначил такой большой калым за невесту?

Нет бедняку счастья на этой земле! Нет утешения после тяжкого дня рядом с любимой, среди детей — ангелов, имеющих твое подобие.

Гафар хорошо помнит, как вернулся в Пешавар после задания его земляк Заргун. Он собрал товарищей в кружок и шепотом рассказал: новое правительство специальным указом запретило калым, многоженство и ранние браки. Тысячи юношей горячо приветствовали это решение, давшее им надежду обрести семью.

Кто-то донес на Заргуна. Кара была страшной. Отступника закопали в яму так, что из земли торчала только голова. Потом грузовик привез полный кузов камней. Каждый «борец за веру» должен был бросить в «еретика» булыжник. Голова Заргуна превратилась в кровавое месиво...

Гафар вздрогнул, открыл глаза. Райский сад бесследно исчез.

11

Белов торопливо развязал рюкзак. Сверху лежала фляга с чаем. Она была теплая. Видимо, сержант, командовавший нарядом пограничников, все время держал ее за пазухой.

— Сережа, глотни, сразу полегчает...

Ларин припал посиневшими губами к металлическому кругляшку. Сделав некоторое усилие, стал хлебать горячую сладкую жидкость.

Белов тем временем достал походную аптечку. Ножом отрезал рукав штормовки, тщательно, как на экзамене, обработал края раны йодом. Разорвав зубами «индивидуальный пакет», Николай осторожно наложил стерильные подушечки, начал делать перевязку. Пальцы дрожали — туры бинта ложились неровно, образуя «карманы», приходилось все время переворачивать его.

Белов постоянно поглядывал на лицо Сергея, пытаясь понять: не причиняет ли ему боль. Ларин, спокойно наблюдая за его работой, ободряюще улыбнулся, сказал:

— Красиво бинтуешь. Прямо спираль получается.

— Не давит?

— Нет.

Закончив перевязку, Николай приготовил шприц.

— Тебе анатоксин вводили?

— Что это?

— Ну, противостолбнячная сыворотка.

— Да.

Белов быстрым движением проколол кожу, сделал инъекцию и тут же похолодел от внезапной мысли.

— Нужно спускаться,— мрачно сказал он.

— Почему? Я хорошо себя чувствую.

— Не в этом дело. У тебя может начаться бешенство.

Ларин хмыкнул, с нарочитой ехидностью спросил:

— С какой стати? Я всегда отличался хладнокровием.

— Не дури, Сережа! — Белов был не на шутку встревожен.— От укуса... Слюна этой кошки попала в рану. Они ведь, как правило, не нападают на человека. Соображаешь?..

Ларин немного помолчал, облизал пересохшие губы, потом неуверенно сказал:

— Ладно. Побесимся немного.

— Ты что? — возмутился Николай.— В клинической стадии болезнь неизлечима!

— Значит, я обречен? — Ларин прищурил глаза.

— Нужно начать прививку антирабической вакцины. А у меня ее нет.

— Что ты мне голову морочишь? Мы возьмем его сегодня... А потом делай, что хочешь!

— Пойми, Сережа, это дикое животное. Неизвестно, в каком состоянии оно находилось. Иногда инкубационный период длится несколько часов — и все! Конец...

— Хорошо. Какие первые симптомы?

— Трудно заметить, особенно здесь — в горах:

расстройство дыхания — «мало воздуха», спазм горла при попытке сделать глоток, раздражительность...

— Считай, что раздражительность уже налицо, — хмуро сказал Ларин. — Нужно рискнуть, Коля. Пойми, другого выхода нет. Доставай радиостанцию...

Белов глянул в темноту провала, на какую-то секунду задумался, а затем решительно произнес:

— Товарищ старший лейтенант, прошу разрешить мне доложить начальнику отряда о происшествии. — И, чуть смягчив голос, добавил: — Я все-таки офицер медицинской службы и у меня свои обязанности.

Начальник пограничного отряда полковник Иван Семенович Жуков, сняв ботинки, лежал на диване в своем кабинете. За окном в свете фонаря пролетали трассирующие снежные линии.

Жуков ждал сообщение от Ларина. Час тому назад с участка доложили, что поисковая группа «ушла на стенку» и вроде движется хорошо. На вопрос: «По каким признакам вы это определили?» — сержант, обеспечивающий подъем, простодушно ответил: «Пока сверху ничего не упало».

Иван Семенович нервничал, зябко ежился, подергивал плечами. Он уже знал: на горы навалился циклон, а это означало, что даже утром вертолеты не смогут помочь поисковой группе.

Жуков пытался просчитать возможные варианты дальнейших действий. Первой неизвестной величиной в этой задаче, самым большим «икс» — была догадка Ларина о перебросе. Он поверил интуиции начальника заставы, потому что

отлично знал этого вдумчивого, старательного офицера.

Как только Ларин доберется до развилки — «икс» должен приобрести реальное значение. Даже если поисковая группа опоздает и лазутчик проскочит, то все равно Ларин установит факт его прохождения; каждый пограничник знает: человек не может пройти, не оставив следа. И тогда будет осуществлен целый комплекс мероприятий — сложных, трудоемких...

Но если поисковая группа не дойдет? Что тогда?

...Раздался тихий гудок селектора. Жуков вскочил, подбежал к столу, нажал кнопку.

— Слушаю.

— Товарищ полковник, старший лейтенант Ларин вышел на связь.

12

В горы вползал мерцающий рассвет. Корявые тучи неслись над вершинами, посыпая их колючей ледяной крупой. В ущельях клубился фиолетовый туман — там еще дремала ночь.

Чтобы выйти на гребень, лазутчикам нужно было пересечь небольшую поляну, над которой нависал лавиноопасный склон. Кадыр-хан, наученный горьким опытом, решил внимательно изучить в бинокль предполагаемый маршрут. И первое, что он увидел — фигурки двух людей, направлявшихся к хребту со стороны западного провала.

— Ложись! — крикнул Кадыр-хан Гафару и сам поспешно прыгнул за камни.

Он продолжал наблюдать за неизвестными и по тому, как сноровисто те заняли позицию, понял: это военные, они его заметили.

«Вот и все... — тупо подумал Кадыр-хан. — Сколько мук, сколько страданий... И ради чего?»

Как ни странно, страха не было.

— Лежи. Не высовывайся, — прошептал он Гафару, который еще не подозревал, как близко подошел он к желанным вратам загробной жизни.

«Может, случайный патруль?» — ухватился Кадыр-хан за спасительную мысль. И тут же сам прогнал ее: «Глупости! Со стороны западного провала смогут подняться только специально подготовленные аскеры. Значит, они знали, что мы идем, спешили наперехват».

Кадыр-хан зло вспомнил самодовольную фразу американца: «Мы проводили испытания — в такую грозу никто не способен отличить вспышку нашего аппарата от молнии».

(Ларин действительно не заметил «переброс» Гафара. Именно поэтому он все время думал, что лазутчик идет один.)

— Приготовь оружие, — приказал Кадыр-хан. — Там, впереди, солдаты...

Ларин сразу засек Кадыр-хана, который, не ожидая такой встречи, беспечно стоял с биноклем на валуне.

— К бою! — привычно прозвучала команда. И в сердце колыхнулась жгучая радость: не ошибся! Но тут же поток тревожных мыслей смахнул веселое возбуждение: «Как брать?.. Наверно, он тоже заметил нас...»

Кадыр-хан действительно думал почти о том же: «Что делать? Кажется, Гафара они не видели...»

Ларин мельком глянул на склон: набухший

от влаги снег был готов в любой момент обрушиться.

— Видал, пласт какой? — услышал он взволнованный шепот Белова.— Только чихни — сразу загремит.

«Допустим, начну отходить...— Кадыр-хан хладнокровно искал решение.— Огонь открывать не будут. Люди опытные, поймут: при первом же выстреле сойдет лавина...»

Человек, недавно стоявший на валуне, поднялся из-за камней и, не пригибаясь, быстро побежал в сторону границы.

«Почему так открыто демонстрирует отступление? — Ларин весь внутренне напрягся: нужно было мгновенно разгадать новый ход противника.— Он знает, что стрелять не будем. Начнем преследовать...— И вдруг его осенило: — Их двое!.. Второй остался прикрывать! Мы встанем — грянет очередь. Если не погибнем от пуль — попадем под лавину. Но и тот, второй, тоже попадет. Значит, он... смертник!»

Солдаты, о которых говорил Кадыр-хан, встали и стремительно бросились... назад, к хребту. Гафар растерялся. Саиб сказал: «Они пойдут следом. Ты убьешь их, потом догонишь меня». Убьешь... Главное — убить! Вон — мелькают их спины. Гафар тщательно прицелился и нажал на спусковой крючок. Но что это? Грохот автомата перерос в какой-то странный гул. Он оглянулся: огромная снежная стена приближалась к нему. Она шевелилась, пенилась, гнала впереди себя облако белой пыли. Гафар вскочил, вскрикнул. Холодная волна навалилась на него. Гафар задышался, отчаянно молотил руками и ногами, стараясь удержаться на поверхности. Он почувствовал, что его засасывает вглубь. И тог-

да Гафар поджал колени к животу, выставил вперед локти, чтобы там, под снегом, было хоть небольшое пространство, которое позволит дышать. Ему, мечтавшему о небесном рае, в этот страшный миг хотелось жить! Страстно хотелось жить!

Как только раздались первые выстрелы, Ларин и Белов рухнули за уступ скалы. Пули хлестнули чуть в стороне. Пограничники видели, как пошла лавина, как испуганно вскочил тот — «второй», как отчаянно боролся он, пока его не поглотила снежная масса... Все это длилось считанные секунды.

— Ты заметил, где его завалило? — хрипло спросил Ларин.

— Вроде бы... — неуверенно ответил Белов.

— Приказываю: откопать и оказать первую помощь. Я буду преследовать «главаря». Доложите в отряд...

— Сережа, ты же ранен... — попытался возразить Белов.

Ларин прищурился и строго сказал:

— Товарищ лейтенант, повторите приказ.

13

Кадыр-хан, как волк, уходил по старому следу. Он слышал рев лавины, но чутье подсказывало: это не означает, что опасность миновала; горы коварны, они могут подарить любую неожиданность, любую ловушку.

Кадыр-хан сбросил рюкзак, оставил только автомат и боеприпасы. Он надеялся, что днем быстро доберется до каньона, найдет «ракету»,

перелетит на ту сторону, где ему знакома каждая тропа, каждое ущелье. Он уйдет с Фредом в Пакистан и больше никогда не вернется в эту проклятую страну. Ему хватит тех денег, которые лежат в банке, чтобы жить сытно, в тепле и покое. А больше ничего не нужно! Только бы выбраться отсюда, унести ноги, уцелеть...

Ларин бежал как во сне, неуклюже переставляя тяжелые ботинки. Кровь стучала в висках, в горле пересохло. Воздуха... Дайте воздуха!

В первые дни службы он вместе с проводником-таджиком совершал «дозор по тылу». Тропа круто уходила вверх. У Сергея кружилась голова, все плыло перед глазами.

— Сколько до перевала?— повалившись на камень, спросил он проводника.

И в ответ услышал таинственное слово:

— Чакрым.

Не было сил расспрашивать, что оно означает: энергию экономишь даже на разговорах.

Через час он задал тот же вопрос, и снова старый горец спокойно произнес:

— Чакрым.

Прошло немало времени, прежде чем Ларин понял эту идиому: жители Памира словом «чакрым» определяют усилия, необходимые, чтобы дойти до нужного пункта. Это своеобразная высокогорная единица измерения, причем весьма точная, потому что в основе ее лежат возможности конкретного человека.

Чакрым... чакрым... чакрым...

Ларину казалось, будто с каждым толчком

сердца это слово отдается в сознании маленьким взрывом.

Хватит ли его на этот «чакрым»?

Белов мелкими шагами, как гейша, двигался по бугристому ковру лавины. Он шел напрямик к тому месту, где исчез под снегом нарушитель. Тренированный глаз держал в памяти координаты отмеченной точки. Приблизившись к ней, Николай увидел на белой поверхности ярко-черное пятно. Это был автомат — маленький, чужой, еще теплый после недавних выстрелов. Из этого автомата могли его убить. И вот теперь он, Белов, должен спасти человека, посылавшего в него смерть.

Николай знал: искать нужно выше по склону от найденного предмета — таков закон гор, проверенный десятками случаев, проверенный практикой.

Не делая резких ударов, он вытоптал несколько ступенек, поднялся по ним и вонзил древко ледоруба в упругий наст лавины. Он сразу почувствовал, что штырь уперся во что-то мягкое. «Вот это да!» — удивился Белов. Обычно, чтобы обнаружить тело засыпанного, приходится зондировать довольно большой участок. А тут — он мгновенно попал «в цель».

Достав из рюкзака котелок, Николай начал с его помощью разгребать снег — крупный, зернистый, склеенный белесоватым ледяным «цементом». Колючие грани царапали руки, из ладоней сочилась кровь, но Белов не обращал на нее внимания. Если сказать честно, вначале он сомневался в успехе поиска. Ларин отдал приказ, и Николай — в душе протестуя: что может сде-

лать один человек! — формально начал его исполнять. Но этот внезапный успех пробудил в нем азарт, и теперь Николай был уверен, что спасет этого... Он уже не думал о нем как о лазутчике, враге. Теперь для него это был — «пострадавший».

Человек, которого он откопал, был одет в странный голубоватый комбинезон. Прикоснувшись к нему, Николай почувствовал тепло. Белов очистил от снега голову и увидел худощавое, осунувшееся лицо юноши, почти мальчика. Николай прижал пальцы к артерии за его ухом — пульса не было. «Скорее всего шок, нужно искусственное дыхание». Мгновенная брезгливость остановила Белова, но он сделал над собой усилие и приложил свои губы к посиневшим губам «пострадавшего».

...Когда Гафар открыл глаза, сквозь мутную пленку влаги он разглядел над собой суровый, обветренный лик русского аскера.

«Ну все... Теперь конец», — тоскливо подумал Гафар.

Он даже не предполагал, что именно с этой минуты для него наступает совсем иная жизнь, в которой будет новый смысл и настоящие человеческие радости.

Внезапно в серой дымке неба послышался металлический клекот. Это был вертолет...

Лучший летчик эскадрильи капитан Долидзе доказал начальнику отряда возможность высадки десанта. Машина, обогнув облачный фронт, прошла по ущельям и теперь медленно поднималась вверх — на плато. Солдаты в пассажирском салоне взволнованно переговаривались, то и дело поглядывали в иллюминаторы, мимо которых зловеще проплывали гладкие стены каньона. И

только один из них сидел неподвижно, бережно держа на коленях коробочку с антирабической вакциной — прививкой от бешенства.

Ларин повалился на скальный выступ, лизнул языком шершавую, как терка, поверхность фирна. Сергей знал, что дальше не сможет идти, хотя до края каньона оставалось каких-нибудь двести метров.

Силы Кадыр-хана тоже были на исходе. Он давно обнаружил погоню, но не останавливался, упорно шел вперед, понимая, что противник измотан и открывать огонь на большом расстоянии не будет.

Каждый из них берег остатки энергии для последней схватки.

И вот Кадыр-хан добрался до валуна, за которым лежал реактивный ранец. Рухнув на колени, он нашупал уголок пленки, потянул на себя, очистил аппарат от щебенки. Путь к спасению был открыт. Теперь оставалось спокойно подпустить поближе врага, уложить его метким выстрелом. И улететь туда, к родным ледникам.

Кадыр-хан торопливо пристегнул лямки, опустил предохранитель и, скосив глаза, выглянул из-за камня. Противника не было видно. «Вот как? — удивился Кадыр-хан. — Ты умный парень... Ты не хочешь лезть на рожон... А если я «вспорхну»? Ты будешь бить влет... Ну что ж, попробуй — попади в след молнии!»

Ларин перевел прицельную планку, пальцы затекли, стали твердые, как дерево, но самое противное — он понимал, что бессилён, что враг сейчас уйдет. Сергей пытался взять себя в руки,

сосредоточиться. Саднил раненый локоть, подкатила тошнота...

Кадыр-хан все тянул, все не мог принять окончательное решение: «А если он где-то рядом? Дополз, притаился... Ударит в упор...»

Сколько раз видел Кадыр-хан, как умирали другие, сам убивал. И каждая такая смерть по капле вселяла в него страх. Ах, как боялся он собственной гибели, этой жгучей боли, этих горячих кусочков металла, разрывающих тело... Нет, надо сначала убить его, выманить — и убить!

Привстал на колени и увидел: вдоль плато короткими перебежками движется цепь солдат. Одни лягут, чтобы прикрыть огнем товарищей, другие резким рывком бросятся вперед, упадут. Потом те, задние, подтянутся. Так и катятся на него волной.

Кадыр-хан вскочил, вцепился пальцами в рычаг, дернул его. Могучая струя ударила в скалы, подхватила. Треск выстрелов он не слышал. Уже в воздухе почувствовал, как обожгла бок пуля. Видимо, хорошим стрелком был тот аскер. Не зря он его боялся...

Секунду длился полет, секунду ревели двигатели. Где-то внизу промелькнул провал. Таинственная сила, как рука демона, плавно опустила на той стороне, за грядой — так было заранее рассчитано, теперь не достанут его пули, теперь он в безопасности.

Но что это?.. Полукругом встали из-за каменной фигуры в одинаковой, ненавистой серо-бурой форме сарбазов. Встали и медленно пошли навстречу, направив на него автоматы. Откуда они взялись?

Не знал Кадыр-хан, что, получив точные дан-

ные, рота афганской народной армии поднялась на хребет. В скоротечном бою укрывшаяся в пещере банда была полностью уничтожена. Афганские солдаты, заняв позиции на ледниках, блокировали возможные пути отхода диверсионной группы.

Кадыр-хан пятился к краю пропасти. Что теперь делать? Обложили со всех сторон...

— Стой! — крикнул ближайший к нему сарбаз. — Стой...

Но он уже не владел собой, животный страх помутил его рассудок. Еще один шаг... Нога скользнула в пустоту. Кадыр-хан ударился грудью, ухватился за излом глыбы. Тяжелые баллоны потащили вниз...

Он падал в бездну и кричал — жутко, страшно. Горное эхо многократно усиливало этот тоскливый, одинокий вопль. И люди, стоявшие по обе стороны каньона, оцепенели.

Крик неожиданно оборвался, и снова в горах стало тихо.

Вызови меня...

1

Электричка набирала скорость. Все быстрее и быстрее стучали ее колеса: тук-так, тук-так, тук-так... И сердце Пашки Кондрашова, подхватывая этот ритм, колотилось радостно и взволнованно. Он стоял в тамбуре, наслаждаясь, впитывал в себя знакомые запахи березовой рощи, травы и какого-то горьковатого промышленного дымка.

Почти все пассажиры вышли в Глебовске. Следующая остановка называлась просто и оригинально — «42 километр». От нее через поле ведет тропинка к окраине города, на которой замысловато перемешались новые блочные жилища с уютными деревянными теремками.

Павел снял фуражку, китель, отстегнул военный галстук и с удовольствием представил, как сейчас не спеша пойдет по своей любимой дорожке, задирая голову, будет смотреть в безмятежное звездное небо... А потом из темноты выплывет знакомая, побуревшая от дождей и ветров калитка, а потом крылечко, а потом...

Заскрипел металл — электричка начала сбавлять ход. И вот она лязгнула, фыркнула, с шипением открыла свои облупленные двери. Павел подхватил чемодан, сделал, как из строя, решительный шаг вперед и очутился на пустынном перроне. Несколько мгновений в воздухе висела тишина, а затем электричка вскрикнула, вздох-

нула и снова загромычала по стальному тракту. Кондрашов дождался, когда она скроется за поворотом, и, размахивая руками, разболтанной походкой направился к своей тропинке.

— Товарищ старший лейтенант, что за балаган? — неожиданно раздался резкий, властный окрик.

Павел оглянулся: рядом стоял высокий сухощавый майор с красными общевойсковыми петлицами.

— Да, вот... — неуверенно начал Кондрашов и глупо улыбнулся.

— Немедленно приведите себя в порядок, — строго сказал майор и сердито добавил: — Ишь, обрадовался, вырвался на волю!

Павел поставил на асфальт чемодан. Медленно, нехотя надел свою зеленую фуражку, китель... В свете фонаря тускло блеснул орден.

Майор слегка приподнял левую бровь, смущенно кашлянул.

— В отпуск? — глухо спросил он.

— Так точно. Бабушка моя в Глебовске живет.

Майор как-то неестественно дернул рукой, будто хотел прикрыть ладонью свои наградные планки, на которых были представлены медали — «юбилейные» и «за выслугу лет».

— Ты извини, что я так... — тихо сказал он.

— Все правильно, товарищ майор. Сам виноват — расслабился. Разрешите идти?

Майор торопливо козырнул и быстро пошел к железнодорожному переезду.

«Откуда он взялся?» — удивился Кондрашов и тут же вспомнил, что за дорогой, в километре отсюда, расположена воинская часть. Как же он забыл про нее?

Утром Павла разбудил нахальный воробей. Он сидел на подоконнике. «Вот гад!» — зло подумал Кондрашов. Он подошел к окну, турнул горластого гостя и снова завалился на мягкую перину.

За годы службы на границе Кондрашов привык отключаться в любое время суток — была бы возможность! — и спать крепко, воистину по-солдатски. Но сейчас, в спокойной обстановке, сон почему-то не шел. Павел открыл глаза, еще раз окинул взглядом родимую комнатуху, в которой провел столько лет. Все в ней осталось по-старому: ободранный письменный стол, самодельный шкаф, книжная полка. На стене фотография — отец и мать, молодые, в день свадьбы... Отец в кителе со стоячим воротничком. Мать — в пестрой кофточке, перешитой из японского кимоно... Они улыбаются и еще не знают: через год у них родится мальчик, а еще через год их самолет, перелетев пролив, в тумане врежется в сопку. А Павел был тогда в Глебовске, бабушка уговорила родителей оставить внука на все лето. Где-то там, на Сахалине, их могила... Бабуля говорит, что нужно когда-нибудь съездить туда, но Павел не очень понимает — зачем?

Кондрашов вообще не любил могилы. В свои двадцать четыре года ему уже приходилось терять товарищей. Хоронили рядом с заставой, рвали мерзлую землю взрывчаткой... На похоронах были родители погибших солдат. А потом еще несколько недель от них на заставу приходили письма к сыновьям — почта работает медленно. И каждое такое письмо болью отдава-

лось в сердце. В одном из конвертов лежал рубль — мать писала: «купи конфеток...» Павел долго не знал, что с ним делать, может, переслать обратно? И наконец принял решение: когда приехала автолавка, купил килограмм дешевой карамели, а вечером, после ужина, сказал солдатам, откуда эти конфеты, и раздал — каждому по одной штуке.

Павел, пытаясь отогнать эти воспоминания, дернулся на другой бок. Надо жить... Теперь он — начальник заставы. И он сделает все, чтобы его солдаты не попали под внезапный удар, чтобы над их телами не рыдали матери... Конечно, на границе всякое бывает — ведь это, считай, линия фронта. Но на то ты и командир, для того тебя и учили, чтобы мог предвидеть, понимать, оценивать обстановку... Нет, никогда не простит он себе те могилы. Пусть не его это вина, но... и его тоже.

Скрипнула дверь — в комнату вошла бабуля, присела на краешек кровати, положила на плечо теплую ладошку, спросила:

— Не спишь, Павлик?

Он повернулся, улыбнувшись, сказал:

— Доброе утро.

— Ты ночью стонал, так горько... Болит что-нибудь?

— Нет, это... наверно, с дороги.

Бабуля прижала пальчики к подбородку, качала сухонькой головкой, ее васильковые глазки смотрели жалостливо, печально.

— Жениться тебе нужно, Павлуша.

— Да я не против,— усмехнулся Кондрашов.— Найди мне невесту, бабуля. За тридцать суток успеешь?

— Ох, баламут! — хохотнула бабка.— Вставай, я блинков напекла...

3

Павел стоял перед зеркалом в новом джинсовом костюме. В Москве он зашел в спортивный магазин, спросил у смазливой продавщицы: скоро ли ожидается этот дефицитный товар? Девушка стрельнула глазами на молоденького офицера-пограничника, на его новенький орден. Она профессиональным взглядом окинула бравую Пашкину фигуру, тихо сказала: «Подождите»,— и скрылась в недрах магазина. Через несколько минут продавщица вернулась с прозрачным пакетом, в котором лежала престижная одежда.

Кондрашов повертелся перед зеркалом. Костюм ему нравился — легкий, удобный, прочный...

— С приездом, Павел Иванович!.. Что, никак не налюбуйешься?

Кондрашов быстро глянул в сторону — на пороге стоял участковый Говоров.

— Сергей Петрович! — радостно воскликнул Пашка, бросился к милиционеру, порывисто обнял его, чуть не сбил с головы фуражку.

Говоров был растроган и даже немного смущен.

— Ну-ну...— дрогнувшим от волнения голосом сказал он.— Что ты меня тискаешь, как девицу? Побереги пыль...

Павел провел его в комнату, усадил на свой любимый диван, весело спросил:

— Откуда узнал, что я здесь?

— Бабуля твоя утром на рынок топала и мне доложила... Ну, как там граница? На замке?

— На замке,— с готовностью подтвердил Павел.

— Читал про ваше геройство, читал...— сурово сказал Говоров.— Молодцы, не посрамили земли русской.

Кондрашов улыбнулся, как когда-то в детстве, ткнул лбом в твердое плечо участкового, прошептал:

— Эх, дядя Сережа, дядя Сережа...

Они были знакомы давно. Павел рос без отца и невольно тянулся к соседу-милиционеру, который был грозой здешней шпаны. А Сергея Петровича бог наградил тремя дочерьми, поэтому копившаяся годами тоска по сыну быстро превратилась в стойкую привязанность к белобрысому бойкому парнишке. Говоров учил его приемам самбо, летом они каждое утро бегали купаться на озеро, а когда Пашка подрос, он с помощью участкового организовал в районе этаковую «тимуровскую команду» по борьбе с хулиганством. Ребята называли ее «дружиной» и вкладывали в это слово не тот привычный, современный смысл, а исконно русский — богатырский, романтический. «Дружина» жила по своим законам, каждый «ратник» был обязан свято соблюдать «Изборник чести», написанный старинной вязью на листе пергамента. (Чтобы добыть этот пергамент, Сергей Петрович специально ездил в Москву, на кожевенно-обувной комбинат.)

Да, веселые были времена! Мальчишки играли и вместе с тем делали нужное дело, росли и мужали... Но когда Пашка после школы решил поступать в пограничное училище и пришел к Говорову за советом, Сергей Петрович, прямо скажем, растерялся. Он сам в первые послевоенные

годы служил на западной границе. Недобитые националистические банды рыскали тогда в лесах. Отступая, гитлеровцы соорудили для них подземные укрытия, так называемые «схроны». Порой можно было стоять на зеленом бугорке и не подозревать, что под тобой прячется враг. Укрытия имели несколько выходов, множество лабиринтов, в них были запасы продовольствия, оружия, боеприпасов. Однажды, когда группа пограничников штурмовала очередное бандитское гнездо, осколок взорвавшейся гранаты разворотил Говорову плечо, оставив на всю жизнь памятную метку. Той же гранатой двоих его товарищей убило наповал. Случилось это в мае 1948 года, когда вся страна отмечала годовщину Победы. А у них на заставе был траур...

Да, Говоров отлично знал пограничную службу. И первое желание, которое колыхнулось в душе — отговорить! Оставить рядом с собой!.. Пусть будет инженером, учителем — кем угодно... Но потом какая-то сила властно подавила в нем этот порыв: он почувствовал, что Павел уже принял решение... И поэтому все уговоры только оттолкнули его.

— Трудное ремесло выбираешь, — сказал тогда Сергей Петрович.

— Семейное... — ответил Павел.

— Твой отец не собирался военным становиться. Его война офицером сделала.

— Кому-то и в мирное время нужно... К тому же сколько можно у бабки на шее сидеть? На том и порешили.

И вот теперь перед ним уже боевой, обстрелянный офицер, но заметил Говоров в его лице какую-то смуту и невольно вспомнил, как блеснули из-под мальчишеской челки Пашкины

глаза, и как будто услышал издалека звонкий голос: «Дядя Сережа, дай совет...»

Павел словно уловил его мысли. Улыбнулся, тихо спросил:

— Не забыл нашу дружину, дядя Сережа?

— Ясное дело,— ответил Говоров.

— Встречаешься с «ратниками»?

— Где там... Разлетелись — кто куда. Одного Генку часто вижу. Помнишь, он текст «Изборника чести» сочинял? Теперь Домом культуры заведует.

— Здорово! — обрадовался Павел.— У него, чай, весь Глебовск толчется. Пусть мне невесту подберет. Бабуля меня женить надумала.

Говоров усмехнулся, сказал:

— Сватайся за мою Лизавету. С радостью отдам.

— А она на границу поедет?

— На край света поедет. Сохнет девка... Вырезала твой портрет из газеты.

— Брось, Сергей Петрович. Мы же с ней как брат и сестра.

— Ну, дело хозяйское...— Говоров встал, надел фуражку.— Пойду, я ведь на службе. Заходи в гости, будем рады.

4

«Ах, каким городом стал Глебовск! Большим и замечательным...» — так думал Кондрашов, когда бодрым шагом топал по знакомым улицам и не узнавал их. Старые халупы снесли, и на их месте красовались огромные, как океанские лайнеры, дома. Они сверкали витринами магазинов, кафе, бытовых учреждений...

На конечной остановке толпилось стадо длин-

ных автобусов, каждый из которых состоял из двух вагонов, соединенных резиновой гармошкой. Павел никогда таких не видел. Он внимательно разглядывал странную конструкцию, с удивлением читал на табличках названия новых микрорайонов.

Желтый автобус-гигант, пуская клубы сизого дыма, помчал Кондрашова по широким проспектам и через несколько минут доставил к Дому культуры.

Павел открыл отливающую синевой прозрачную дверь, робко пошел по мягкому ворсу паласа.

В приемной директора, поджав худенькие колени, сидела юная секретарша. Увидев Кондрашова, она напряглась, натянулась, как струнка, провела пальчиком по тонюсеньким бровям-ниточкам, томно спросила:

— Вам что нужно, молодой человек?

— Молодому человеку нужен пан директор,— улыбаясь, ответил Павел.

— Геннадий Михайлович занят. У вас какое к нему дело: личное или общественное?

— Я являюсь другом его счастливого детства и бурного отрочества,— продолжал балагурить Кондрашов.— Мы не виделись целую вечность, так как я...— он сделал выразительную паузу,— прибыл издалека...

— Все поняла,— подвела итог секретарша.— Сейчас доложу.

Она вспорхнула со своего вращающегося креслица, открыла массивную дверь, исчезла в темном проеме, будто сквозняком ее втянуло.

«Сказочно чудесная девушка,— печально подумал Павел.— Легкая, как пушок...»

Через несколько секунд полированные врата распахнулись.

— Прошу вас,— вкрадчиво сказала секретарша.— Геннадий Михайлович ждет.

Генка, важно надув румяные щеки, вышел из-за стола, жестом делового человека протянул руку.

— Здравствуйте, товарищ...

И вдруг он осознал, кто стоит перед ним.

— Пашка! — радостно завопил он.— Пашка, черт! Как я рад!.. Танька, дура...— Он погрозил кулаком в сторону приемной.— Сказала, что ко мне прибыли из-за рубежа.

— Не намного ошиблась,— усмехнулся Павел.

— Да-да...— Генка закивал головой.— Вот ведь как... Кто бы мог подумать? Страшно было, Павлуша?

Кондрашов не знал, что ответить.

— Ладно, извини,— затараторил Генка,— наверно, глупый вопрос... Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Он обнял Пашку за плечи, увлек за собой.

— Что же ты, Татьяна, героя нашего не узнала? — с укоризной бросил он секретарше.

Девушка испуганно вскочила, растерянно захлопала ресницами.

— Кончай, Генка,— одернул его Кондрашов.

— Ну-ну, не буду,— согласился директор и приказал секретарше: — Ступай за нами!

Он повел Павла к лестнице. Татьяна как связанная шла следом.

На втором этаже было просторное темное фойе. Генка пошарил рукой по стене, повернул выключатель. Лампы дневного света помигали, помигали и наконец залили все пространство ровным голубоватым сиянием.

Вдоль стены висела экспозиция «Наши земля-

ки — герои». Генка подвел Кондрашова к последнему стенду, на котором он увидел свою свирепую физиономию, покрытую сеточкой черных точек.

— А я думала, вы погибли,— услышал Пашка за спиной наивный голос Татьяны.

— Ну, что ты мелешь? — возмутился Генка.

— Нет, правда, Геннадий Михайлович, обычно такую фотографию делают, когда героя уже нет...

— Иди на свое место! — огрызнулся Генка и уже для Павла объяснил: — С этой фотографией прямо анекдот... Я к твоей бабке несколько раз ходил — просил, умолял. Не дает — и все! Она считает, это дурная примета. Вот и пришлось из газеты переснимать.

Кондрашов улыбнулся: да, на бабулю это похоже.

А Генка тем временем хлопнул себя по лбу и восторженно воскликнул:

— Слушай, нужно встречу с молодежью организовать! Отличное будет мероприятие!

— Знаешь, Гена, оставь... Ты бы и это мероприятие... — Павел указал на стену, — ликвидировал. Я тоже суеверный... А мне еще служить.

Генка снова надул щеки, обиженно засопел.

— Извини меня, Павел, но ты, кажется, что-то недопонимаешь... Мы должны проводить военно-патриотическую работу? Должны... Мы же тебе солдат готовим! Каждый мальчишка в городе мечтает служить на твоей заставе. Мы договорились с военкоматом — самых подготовленных парней будем по комсомольским путевкам к тебе направлять... Ты считаешь все это ерундой?

— Нет, Гена, я так не считаю, — Кондрашов примирительно дотронулся до его плеча. — Но

и ты пойми... Не могу я об этом сейчас рассказывать. Не могу...

Генка внимательно посмотрел на Павла, тряхнул головой.

— Ну, хорошо. Пойдем ко мне, кофейку попьем.— И снова улыбнулся. Генка всегда переключался с одного настроения на другое, как телевизор: допустим, по одному каналу трагедию показывают, а на другом — кинокомедия шпарит; вот Генка и щелкает своим переключателем туда-сюда.

Они болтали целый час... «Пан директор» поведал Кондрашову о всех глебовских новостях, но особое внимание уделил своим культурно-просветительским планам, среди которых основное место занимала идея создания в городе профессионального драматического театра.

— Понимаешь,— говорил он,— сейчас у меня третий год работает студия — пер-во-классная! Она объединила вокруг себя интеллигенцию города. При студии сформировался своеобразный дискуссионный клуб... Нас любят, к нам тянутся! — Генка с гордостью ударил себя в грудь, будто именно в ней была сосредоточена эта все-ленская любовь.— Представляешь?.. Люди приезжают из Москвы на машинах, на электричках, снимают номера в гостиницах — только для того, чтобы вечером посмотреть наш спектакль! Всегда столица выкачивала из нас лучшие творческие силы. И вдруг начался обратный процесс! К нам с удовольствием едут по распределению, потому что знают: это тот самый Глебовск, в котором знаменитый «Монолит»...

— Что за «монолит»?

— Так называется наша студия — «Монолит».

— Странное название.

— Почему?.. Монолит — это твердость идейных позиций, единство коллектива, в конце концов — фундамент, на котором все строится... По моему, замечательный символ.

— Сам придумал? — иронически спросил Кондрашов.

— Нет,— скромно потупился Генка.— Это наш режиссер — Юрий Григорьевич Равич. Личность, я тебе скажу — уникальная! Гений! Просто гений... Я его из Москвы вытащил, квартиру здесь пробил. Да ты приходи вечером, я тебя со всеми познакомлю...

5

И был спектакль, который потряс Кондрашова — «Оптимистическая трагедия».

Конечно, Павел знал эту пьесу Всеволода Вишневского, кинофильм смотрел... Но то, что увидел он, скорее было похоже на песню, на старинную русскую песню, в которой все — и удадь, и тоска по загубленной молодости, и предчувствие близкой смерти...

Из темного пространства сцены, как из мрака прошлого, волшебный луч «машины времени» выхватывал, казалось, подлинных людей той эпохи. Их корежили страдания, разрывали страсти, мучили воспоминания... Озверевшие рожи моряков-анархистов были точным слепком с тех, что видел он на границе — в толпе, неумолимо идущей по льду с сопредельного берега.

И величаво, надменно шествовал по гудящей «палубе» толстый, краснощекий Вожак, и от слов его: «Все лживые скоты. Все отравлены. Под

корень всех рубить надо...» — веяло холодом и злобой.

И среди этого сброда, как былинка, как аленький цветочек в море чертополоха, металась хрупкая девушка — комиссар. Она думала, сомневалась, искала, уговаривала себя и других и наконец... принимала решения — иногда страшные, посылавшие людей на смерть; и снова терзалась одним и тем же немym вопросом: «Имею ли право?..»

И была она, как Пашкина душа, в ту минуту — после боя...

Люди выходили из зала притихшие, изумленные. Из какой-то потаенной двери выскочил сияющий Генка, он с гордостью сказал: «Вот так...» Потом обнял Кондрашова за плечи и потащил за кулисы.

На пыльной, потускневшей сцене ползали парни-монтажники, яростно раздирая декорации. Сникшие актеры сидели в маленьких комнатках — Генка называл их «уборными», смывали с лиц остатки грима.

В узком коридоре Павел столкнулся с высоким сухощавым мужчиной.

— Юрий Григорьевич! — оживленно воскликнул Генка. — Разрешите вам представить. Это Кондрашов. Помните, я о нем рассказывал?..

— Да-да, конечно... — рассеянно сказал режиссер и протянул Павлу вялую худую руку.

На вид ему было лет тридцать с небольшим. В лице — что-то иконописное: впалые щеки, аскетичные, узкие губы, высокий лоб, который так и хотелось назвать «челом», но самое главное — глаза, огромные голубые глаза. Они смотрят

рели на Кондрашова спокойно и равнодушно.

— Вам понравилось? — спросил Равич.

Пашка попытался в двух словах рассказать о том, сугубо личном впечатлении, которое возникло в нем. И вдруг он увидел, как порозовело лицо режиссера, маленькие морщинки собрались вокруг рта.

— Ах, как точно...— тихо сказал Равич.— Вы говорите почти моими словами... Слушайте, Павел, завтра суббота. Мы будем прогонять новый спектакль. Мне очень важно услышать мнение умного военного человека. Именно военного...— повторил он и с надеждой спросил:— Придете?

Кондрашов согласился.

Когда сутулая фигура режиссера скрылась в дальнем конце коридора, Генка уважительно сказал:

— Слушай, ты ему понравился — редкий случай.

— Почему? — удивился Павел.

— Знаешь, это такой человек. Он близко к себе никого не подпускает. Все видит, все понимает, все чувствует, но все — как бы со стороны. Великий созерцатель!..— Генка многозначительно поднял вверх палец, потом щелкнул свой «переключатель», хихикнул, игриво ткнул Кондрашова в бок.— А сейчас я тебя познакомлю с нашей примой! Не теряйся!..

Генка подошел к одной из «уборных», властно постучал в дверь кулаком.

— Ирка, можно к тебе! — самодовольно гаркнул он.

— Входите, Геннадий Михайлович,— услышался чуть хрипловатый голос.

В комнате перед зеркалом в старом байковом

халатике сидела невысокая девушка. В этой будничной обстановке в первые мгновения Павел даже не сообразил, что это она играла роль комиссара. И только когда девушка каким-то своим, присущим только ей мимолетным движением руки откинула за плечи длинные прямые волосы, он сразу понял — ОНА.

Девушка встала, приветливо глянула на Павла, уверенно спросила:

— Вы... Кондрашов? Я вас узнала. Ваш портрет висит в фойе...

— Да, правильно. Только зовите меня просто Павел.

— А я, стало быть, Ирина.

Девушка улыбнулась, и вдруг Кондрашову показалось, что он где-то видел ее раньше.

— Мальчики, вы подождите меня внизу. Я сейчас переоденусь и выйду,— предложила Ирина.

— Ты с ней держи себя попроще. Она девка свойская,— подмигнув, сообщил Генка, когда они спускались по лестнице.— Значит, так, я тебя оставлю одного. Проводи ее домой. А у меня тут еще дела. Понял?

— Что понял? — ошалело спросил Кондрашов.

— Плацдарм я тебе создал, теперь развивай наступление. У Ирины однокомнатная квартира. Усек?

— Балда ты, Генка,— зло сказал Пашка.

— Ну, старик, не понимаю,— обиделся «пан директор». — Я для тебя стараюсь. Ты все-таки в отпуске, должен расслабиться...

— Мне жена нужна.

— Жену — ищи... Одно другому не мешает. А впрочем, делай как знаешь! — и Генка, не прощаясь, резво рванул к своему кабинету.

Пашка остался в вестибюле один. Он чувствовал себя круглым дураком.

Игра Ирины потрясла его: та девушка-комиссар, которая жила на сцене, была для него существом мифическим, почти святым. И вот теперь Генка своими идиотскими словами и ужимками низвергнул ее с небес на грешную землю.

А может, врет все Генка? Он всегда был известным трепачом...

Кондрашов услышал торопливый стук каблучков. Ирина слетела по ступеням, оживленная, взволнованная подбежала к нему, улыбнулась:

— Вы один? А где Геннадий Михайлович?

— Он ушел по делам. Приказал вас проводить.

— Раз приказал — нужно выполнять.

Она ловко взяла его под руку и повела к выходу.

Они шли по бульвару. Только что прошел легкий дождь.

— Сколько вам лет, Ира? — спросил Кондрашов.

— Я уже старуха. Мне скоро двадцать четыре стукнет.

Она стала рассказывать о себе: родилась в Донецке, там и сейчас ее родители живут; после школы приехала в Москву поступать в театральное училище — провалилась; пошла в институт стали и сплавов; после каждого курса снова пыталась проскочить творческий конкурс — безуспешно; незаметно пробежали пять лет; распределилась в Глебовск — на местный завод; работает в лаборатории; как молодому

«кадру» — дали квартиру; в студии занимается с первого дня ее основания.

— Вот... Геннадий Михайлович уверяет, что скоро мы станем настоящим театром,— почему-то с иронией закончила она свой рассказ и посмотрела на Павла снизу вверх долгим, тоскливым взглядом.

— Какая вы маленькая! — невольно воскликнул Кондрашов.— Когда вы на сцене, этого не замечаешь.

— Да...— Ира горько усмехнулась. — Это Юрий Григорьевич велел художнику сделать лилипутские декорации, чтобы я среди них выглядела нормальным человеком.— Она немного помолчала, а потом, стараясь приноровиться к его шагу, весело сказала: — Когда мы были студентами, один мальчик посвятил мне такие стихи:

Играешь в классики на лестницах
Церквей московских, белокаменных.
И все одежды взрослой женщины
Как будто не твои, а мамины...

Потом Ира дерзко потрянула головой и заявила:

— Говорят, большие женщины для парада, а маленькие — для любви! А вы что думаете по этому поводу?

Павел смутился.

— Не знаю... У меня мало опыта, чтобы делать такие выводы.

— Да?..— Она игриво вскинула брови.— Такой сильный, мужественный мужчина не успел приобрести опыт общения с женщинами? Никогда не поверю...

Павел понимал, что, в общем-то, девушка дурачится, поэтому в том же тоне ответил:

— В моих служебных характеристиках пишут: «имеет боевой опыт».

И тут же Ирина сникла.

— Извини, Павел,— резко сказала она, сразу перейдя на «ты». — Больше не буду... Дурная привычка.

С минуту они шли молча, потом Ира попросила:

— Расскажи мне о границе...

Павел задумался, ему хотелось произвести на девушку впечатление. «Нужно что-нибудь интересное, боевое...» — решил он, но вдруг, неожиданно для себя, стал рассказывать про жену старшины заставы — Марью Васильевну. Зимой, на отдаленной заставе, когда пурга отрезала их от гарнизона, начались у нее схватки. И муж сам принял на свет дочку. Они назвали ее Катей. Девочка долго была единственным ребенком на заставе. Ее товарищами по играм были свободные от службы солдаты. И неудивительно, что до пяти лет она говорила о себе только в мужском роде: «Я пошел... Я упал... Я не плакал...»

Марья Васильевна... Как нужна она заставе! От нее исходит какой-то волшебный свет покоя, доброты, ласки... Как умеет она создать уют даже в солдатской казарме! На день рождения каждого солдата обязательно готовит праздничный ужин. На заставе служат ребята разных национальностей, так она все свои поваренные книги перероеет и обязательно порадует именинника «родным» кушаньем.

А тогда... в тот роковой день, услышав выстрелы, Марья Васильевна оседлала коня и прискакала к ним. Она хотела быть рядом с мужем, рядом с мальчиками... Перевязывала раны, а ког-

да убили Колю Назарова, взяла его автомат, горячий от выстрелов и крови...

Ира внимательно слушала, изредка, изумляясь, качала головой. Павел увлекся, сначала даже не заметил, что они остановились на углу дома.

— Я здесь живу,— пояснила Ира.— Зайдешь ко мне?

— Нет. Спасибо... В следующий раз...— торопливо пробормотал Пашка.

— Тогда давай прощаться,— девушка протянула ему свою маленькую ладонь.

7

Пашка с трудом дождался утра. Всю ночь он ворочался, крихтел, несколько раз вставал — пил воду.

Бабуля всполошилась основательно, стала уговаривать сходить к врачу, но Кондрашов строго одернул ее — бабуля притихла.

Павел напялил на себя тренировочный костюм и побежал к дому Говорова.

Участковый, как обычно, разминался в своем дворике с двухпудовой гирей. Увидев Павла, радостно воскликнул:

— Лизавета, ты посмотри, кто к нам пожаловал!

Цветастая занавеска колыхнулась — из окна выглянула Василиса Прекрасная.

«Боже мой! — ошалело подумал Кондрашов.— Неужели Лизка? Как же это с ними происходит... метаморфоза такая?..»

Лиза была в ночной сорочке, румяная после сна, на подоконник упала тяжелая коса, плечи, руки... Елки-палки! Что еще нужно человеку?

Перехватив взгляд Павла, не смутилась, не

спряталась. Казалось, поняла его мысли, ласково усмехнулась, сказала:

— Здравствуйте, Павел Иванович, давно вас ждали.

— Брось, Лиза... Что ты? — буркнул Кондрашов.— Какой я тебе Павел Иванович?

— Ну, как же...— Глаза лукавые, хитрющие.— Вы теперь герой. Вас вся страна по имени-отчеству величает.

— Не дури, Лизавета! — сердито крикнул Говоров.— А то выпорю!

Лиза прыснула, исчезла за занавеской.

— Сергей Петрович, давай, как бывало, на озеро сбегает? — предложил Кондрашов.

— Какое озеро?..— криво ухмыльнулся Говоров.— Давно спустили наше озеро. Теперь на его месте гаражи кооперативные стоят... Да и какой я нынче бегун. Ты лучше за этой кралей побегай.— Участковый кивнул в сторону окна и зычно крикнул: — Лизавета, Павел тебя протруситься приглашает!

— Иду! Иду! — послышался насмешливый девичий голос.

Через несколько минут Лиза вышла на крыльцо. На ней был яркий спортивный костюм, украшенный многочисленными молниями.

— Ну что, поскакали? — задиристо спросила она.

Девушка побежала первой, и Павел, пристроившись за ней, хорошо видел плавный изгиб ее бедер и пушистый ореол волос. Они летели по бульвару, уносящему ввысь свои веточки-листочки, сквозь птичий гомон, пронизанные солнечным светом.

Добежав до поворота, Лиза внезапно остановилась, обернулась, и Кондрашов, не ожидавший

такого маневра, налетел на нее, обхватил плечи девушки.

Их глаза встретились. Лиза задорно улыбнулась, сказала:

— Знаешь, Павел, хочу с тобой поговорить, чтобы сразу была ясность.

Кондрашов смутился, отдернул руки.

— Нет, ты не бойся.— Она погладила его по щеке.— Только замуж за тебя не пойду.

— Да я, собственно...— ошарашенно начал Павел.

— Знаю, знаю! — уже деловым, энергичным тоном продолжала Лиза.— Отец спит и видит, чтобы мы поженились. Он эту идею давно вынашивает. Но пойми сам, разве из меня получится жена офицера? Мне даже страшно подумать: гарнизоны, постоянные переезды... И потом — в любой момент можно остаться с детьми молодой вдовой. Нет, это не по мне...

Домой Павел возвращался один. Навстречу, вливаясь в ворота ткацкой фабрики, плыл поток оживленных женщин. Некоторые из них, самые бойкие, обжигали его игривым взглядом...

«Сколько красивых девушек, и ни одной я не нужен,— грустно думал Кондрашов.— Никому нет дела до страданий «юного Вертера»... А собственно, почему я решил, что кто-то должен сопереживать моим проблемам? Для того нас и содержат: кормят, одевают, выделяют деньги на оружие, чтобы мы защищали этих лапушек, чтобы они вот так каждый день спокойно и беззаботно могли порхать по бульварам, целовать своих любимых, рожать детей, шить наряды... И незачем им ехать отсюда куда-то в Тмутаракань, в медвежий угол, в глушь... И скорее всего, женюсь я на какой-нибудь сельской учительнице,

или медсестричке, или официантке леспромхозовской столовой — покладистой, доброй Варваре... И народит она мне сыновей, и будет мотаться по заставам, а потом поедет в Москву — «поступать» со мной в академию, и наметит трехлетний план освоения всех «культурных богатств» столицы, и со временем станет достойной спутницей жизни старшего офицера... Да, скорее всего, так и будет...»

8

В назначенный режиссером час Кондрашов прибыл в Дом культуры. Павел направился в кабинет «пана директора»: ведь он не знал, где занимаются студии.

Татьяна-секретарша встретила Кондрашова нежной улыбкой:

— Опаздываете?.. Геннадий Михайлович уже несколько раз справлялся о вас.

Неожиданно директорские «врата» с треском распахнулись — Генка выскочил из кабинета, как чертик из ящика.

— О, пришел? Молодец! — радостно завопил он.— Идем...— И, бросив свирепый взгляд на секретаршу, прорычал: — Мы в голубом зале...

По дороге Генка схватил Кондрашова за локоть и елебно спросил:

— Ну что? Слиплось у тебя вчера?

— Пошел к свиньям,— спокойно ответил Павел.

— Грубятина...— ласково проворковал Генка.— А она, между прочим, сегодня ко мне прибежала. Расспрашивала о тебе. Сказала, что ты очень интересный человек.

Кондрашов застыл на месте.

— Врешь, наверно?

Генка обиженно засопел.

— Ну, от кого, от кого... А от тебя не ожидал. Ты — друг детства, знаешь меня, как облупленного. И вдруг — такое неверие! Какие-то подозрения...

— Хватит трепаться! — Павел схватил его за плечи и тряхнул так, что Генка лязгнул зубами.

— Э, полегче!..— испуганно ойкнул «пан директор».— Привык на границе шпионов хватать. А я человек тонкой кости — работник искусства...— Но, перехватив грозный взгляд Кондрашова, примирительно сообщил: — Нет, правда приходила. Спрашивала... Даже семейным положением интересовалась.

— И что ты ответил?

— Как есть... Не надо было?

Кондрашов, медленно растягивая слова, рассеянно сказал:

— Мне она тоже понравилась.

— Немудрено...— философски заметил Генка.— Только ты близко к сердцу не бери. Тебе нужна боевая подруга. А это — так...— Он махнул рукой, цыкнул зубом, скорчил кислую гримасу.

И тут же за их спинами послышались неторопливые шаги. Друзья оглянулись и увидели Равича.

— Здравствуйте...— вялая рука режиссера повисла в воздухе. Павел ее торопливо пожал. Генке Равич только кивнул.— Спасибо, что пришли... Вы с нами пойдете, Геннадий Михайлович?

— Нет, у меня дела,— солидно заявил «пан директор» и нырнул в боковую дверь.

«Голубой зал» был действительно голубым. Стены, потолок и даже пол покрывал пористый пластик, отливающий райским небесным цветом. В центре зала полукругом стояли стулья, на которых в одинаковых темных трико сидели девочки и мальчики. Когда Равич и Пашка вошли, они с легким шорохом встали.

— Шумно!..— вместо приветствия недовольно сказал Равич.— Ну-ка, еще раз! Владейте телом! Сколько можно повторять?

Студийцы одновременно, хотя не было никакой команды, беззвучно сели. А затем, после небольшой паузы, так же четко, эфирно встали. Казалось, это были не люди, а призраки.

«Однако?..» — удивился Кондрашов. (Как всякий военный, он знал цену слаженности.)

— Другое дело,— бесстрастно отметил Равич.— Сегодня на наш прогон я пригласил товарища Кондрашова. Все его знают?..— В зале стояла тишина.— Значит, все... Тогда начнем.

9

Ира пристально посмотрела на Кондрашова, приснула, а потом стала громко хохотать. Прохожие испуганно оглядывались, шарахались в стороны. Ира пыталась остановиться, прикрывала рот ладошкой, но стоило ей снова глянуть на Павла, как волна смеха неудержимо накатывалась на нее.

Наконец она успокоилась, отдышалась; достала из сумочки платочек, вытерла слезы и, облегченно вздохнув, сказала:

— Умрешь с вами — мужиками. Странные вы люди... Ну что ты насупился? Сказал, что думал. И правильно сделал. Равич избаловался, привык чувствовать себя непогрешимым. А ты

хлопнул его по носу — это полезно! Ему, по крайней мере — очень...

— Я не хотел его хлопнуть,— мрачно ответил Павел.

— Тем более... Плюнь ты на все. Что он тебе — командир? — Ира взяла Павла под руку, заглянула снизу в глаза, попросила: — Пойдем к речке?..

День был чудесный. После субботнего обеда весь почтенный Глебовск высыпал на улицы. Гордо вышагивали солидные отцы семейств со своими чадами; покачиваясь, скользили влюбленные парочки; с гомоном порхали стайки школьников... Всем было весело и хорошо. И только одному Пашке было плохо. А случилось вот что... Спектакль, который поставил Равич, ему решительно не понравился. Мало того — просто возмутил! Ребята играли хорошо, но... Герой спектакля был дезертир.

Кондрашов прямо заявил Равичу:

— Это идеологическая диверсия!..

Юрий Григорьевич оскалился, развел руками:

— Извините, пьеса сделана по рассказу советского писателя, он опубликован.

— Может быть! — огрызнулся Павел.— Но после вашего спектакля ясно, почему мы до Москвы докатились, а вот почему Берлин взяли — непонятно!

— Ах! — пронзительно воскликнул Равич.— Уловил!.. Эту проблему я и хотел исследовать. Тебя, как военного, наверно, больше интересует вторая ее часть. А меня, как художника, именно первая...

Кондрашов промолчал — не нашел, что возразить, и сейчас на душе у него было смутно.

Он шел рядом с Ирой, чувствовал тепло ее плеча и неожиданно подумал: «А может быть, прав режиссер? Может быть, действительно важнее знать: почему докатились... Чтобы не повторить ошибки, чтобы понимать, откуда может прийти беда... Да, были подвиги, были герои... Но, наверно, каждый из них многое бы отдал, чтобы войну задушили на границе, чтобы не нужно было совершать эти подвиги... Ведь какой ценой?.. Подумать страшно — двадцать миллионов...»

— Чего притих? — спросила Ирина.

— Так, размышляю...

— Идешь рядом с красивой девушкой и о чем-то размышляешь, — усмехнулась она.

— Давай сядем...

Они выбрали одинокую лавочку на набережной. Отсюда хорошо была видна излучина реки. Сверкающая серебристая лента стремительно вырывалась из-за холма, на котором стояла старая, заброшенная церквушка. На ее крыше, рядом с куполами, шелестели тоненькие березки. И Павел с удивлением подумал: «Вокруг церкви столько земли... Но деревья на ней не растут. А там, в трещинах кирпичей, они пустили корни...»

Ирина прижалась к нему, терпеливо ждала, что будет дальше.

— Слушай... — на выдохе, мрачно произнес Павел. — Что у тебя с Равичем?

— С чего ты взял? — Она испуганно глянула на него, насторожилась.

— Я же вижу, как он смотрит на тебя.

Ира постучала пальчиками по подбородку, тоскливо сказала:

— Я любила его.

— Так...— проглотил информацию Павел.—
Понятно...

— Я всегда тянулась к необычным людям. А он был для меня человеком из того... яркого, недоступного мира. Вот я и попалась...

— А потом?

— Потом поняла, что он слабый, издерганный собственным честолюбием человек. Какой-то червь сосет его изнутри: все тужится удивить весь мир, хочет постоянно чувствовать себя кумиром... Пусть маленьким, но божеством...

— На тебе он тоже тешил свое мужское самолюбие? — зло пробурчал Кондрашов.

— Паша,— жалобно сказала она,— не будь дураком. Очень тебя прошу...

Кондрашов пожал одеревеневшими плечами, обиженно засопел, отвернулся в сторону — река все так же несла свои воды, и безмятежно качались березки рядом с дырявыми куполами.

Ира робким, осторожным движением прикоснулась к его руке.

— Паша, мне на работу нужно. Мы установку с непрерывным циклом запустили. Скоро моя смена... Хочешь, пойдем со мной? А то мне одной скучно будет.

В проходной комбината Ирина показала пропуск строгому седому вахтеру и, кивнув на Павла, попросила:

— Дядя Миша, это Кондрашов — герой границы, уроженец нашего города. Пусти... Я обещала ему лабораторию показать.

Старичок порывлся в кармане выдавших виды галифе, вынул из футляра круглые очки в проволочной оправе, водрузил их на свой мясистый, с красными прожилками нос и с любопытством уставился на Павла.

— Да. Кажись, он...— удовлетворенно сказал вахтер.— Я его по телевизору видел... Ну, ступайте. Только не балуйте там...

В лаборатории стоял острый запах химикатов. В колбах, соединенных трубочками и змеевиками, что-то булькало, пытело.

— Ирка, где тебя носит? — раздраженно крикнула коренастая толстушка, но, увидев Павла, сначала осеклась, а потом тут же оправилась и радостно завопила: — О! Кто такой? Жених?

— Защитник, — улыбнувшись, сказала Ирина.

— В футбол, что ли, играет?

— Защитник Отечества.

— А-а-а...— разочарованно протянула толстушка и, на ходу сбрасывая с плеч белый халат, протараторила: — Давай скорее... Через пять минут тебе параметры снимать. Я побежала!

Ирина открыла шкаф, достала свой халат. Он был немного ей великоват.

— Меньших размеров не выдают, — смущенно сказала она.— А шить я не умею... Девушка золотая, только руки глиняные. Садись...— Ира указала на круглую табуретку.

— Что это у вас? — спросил Кондрашов.— Прямо как в аду.

— Новую технологию отрабатываем, — ответила Ирина.— Дело кропотливое, нудное, но другого пути нет...

Она взяла пухлую тетрадь и стала тщательно списывать в нее показания всех приборов. Затем посмотрела какую-то таблицу, задумалась. Заглянула в бак, сцедила в мензурку желтоватую жидкость.

— Ну вот. Теперь можем целый час спокойно общаться.

Ира подошла к Павлу, провела ладошкой по волосам.

— Какие мягкие... Мягкие волосы — у добрых людей. Ты добрый, Паша?

— Не знаю.

— Могли бы убить... Никогда бы не встретила тебя... не гладила эти волосы...

Она наклонилась, поцеловала его в губы — тихо, ласково.

Руки, глаза, губы... И снова, снова...

Пропал старший лейтенант Кондрашов — совсем пропал.

...Павел вернулся домой в три часа ночи. Бабуля не спала, нервничала. Но, заметив озарение на его лице, охнула, перекрестилась, чуть слышно сказала: «Слава тебе господи, влюбился!..»

Они виделись каждый день. Кондрашов встречал Ирину утром и провожал до комбината. Потом возвращался домой и терпеливо ждал того часа, когда она закончит работу.

Они бродили по тенистым улочкам Глебовска и говорили, говорили, вспоминая мельчайшие подробности своей жизни. Они хотели все знать друг о друге...

Кондрашову было хорошо с Ирой. Не нужно было выпендриваться, казаться значительнее, умнее... Она принимала его таким, какой он есть. Павел чувствовал это и был ей благодарен.

Ирина забросила студию; несколько раз приходили гонцы от Генки и Равича — она сказала им, что заболела.

Наверно, она сказала правду... Как еще это назвать? Угар? Наваждение? Забытье? А мо-

жет?.. Чудное это слово — любовь. Страшное... Они его ни разу не произносили.

10

Кондрашов, чтобы скоротать время, зашел во двор известного всему Глебовску огромного, помпезного дома, построенного еще в тридцатые годы. Посреди двора располагалась спортивная площадка, украшенная, как было принято в те времена, гипсовыми монументами футболиста, девушки с веслом и скульптурной группой «Пионеры-туристы». Конечно, на всем лежал отпечаток прошедших лет: металлические штанги поржавели, деревянные детали беседок и лавочек — сгнили. Не пожалела эпоха и гипсовые шедевры, превратив их в осколки. Но мальчишки на это мало обращали внимания. Им было важно, что есть место, где можно играть в футбол. В новых микрорайонах ничего подобного не было. Поэтому эта площадка пользовалась большой популярностью. Когда на ней начинался очередной «матч века», ее обступали привлеченные радостными воплями местные жители, а некоторые молодые мужики, не выдержав соблазна, вступали в одну из команд и сражались честно и благородно, подчиняясь всем правилам мальчишеской игры.

...Кто-то из футболистов запулил мяч под забор. Виновник, конечно, был послан исправлять свою ошибку. Когда он пробрался сквозь заросли гигантских лопухов, все услышали его изумленный вопль:

— Ого! Дуйте сюда!

Обе команды, а вместе с ними и Павел ринулись на этот зов.

Оказалось, что в углу двора раньше был сек-

тор для городков. Столь популярная в тридцатые годы игра в наши дни захирела, и два заасфальтированных квадрата постепенно заросли травой. Но самое интересное состояло вот в чем: в нескольких местах асфальт был выворочен, словно его бомбили сверху, и в этих рваных воронках торчали белые шляпки грибов.

— Ну и ну! — восторженно сказал Кондрашов. — Неужели асфальт пробили?

— Сильный гриб! Шампиньон! — слышался за его спиной знакомый голос.

Павел оглянулся. Это был Равич. Рядом с ним на поводке стоял большой серый дог.

— В детстве я эти грибы в горшках выращивал. Изучал проблему бессмертия... — улыбнувшись, сказал Равич.

— Как это... проблему бессмертия? — спросил Павел. Он был так удивлен, что даже не поздоровался.

— Интересуетесь? — иронично произнес Равич. — В юности меня волновал такой вопрос: если живое существо — совокупность химических реакций, то можно ли поддерживать его биологические процессы в стабильной стадии?.. Я понятно говорю?

— Да, — кивнул Кондрашов.

— Был я пытливым юношей, вроде вас... и решил произвести эксперимент. Создать постоянные условия для растения и посмотреть, что есть старение: программа, присущая всему живому, или следствие воздействия внешней среды. А для опыта выбрал именно шампиньон, потому что в грибах, в отличие от других растений, не происходит фотосинтез: они, как и животные, питаются готовыми органическими веществами. Это очень важно для создания стабильных ус-

ловий существования. Согласитесь, что жизненный путь, скажем, лопуха...— Равич сделал выразительную паузу,— четко определен цикличностью солнечного освещения. И тут уж провести «чистый эксперимент» никак нельзя — нужно остановить движение планеты!

— Значит, бессмертной может быть только плесень? — усмехнулся Павел.— Ей солнце не нужно...

— Вот-вот...— скривил рот Равич.— Рос у меня один долгожитель, который побил все рекорды, и, с точки зрения шампиньона, можно сказать, что он жил вечно...— Юрий Григорьевич нарочито тяжело вздохнул и, ухмыльнувшись, добавил: — Потом, правда, его жизнь трагически оборвалась...

— Каким образом?

— Бабка срезала на жаренку! Оказывается, она потихоньку паслась в моей плантации... Уж больно, старая, грибы любила!

Мальчишки давно убежали играть в футбол. Только Кондрашов и Равич стояли у асфальта, изуродованного нежными, хрупкими грибами.

— Что с Ириной? Она действительно больна? — неожиданно, без перехода спросил Равич.

— Нет.

— Тогда передайте ей, что для настоящей актрисы такие загулы непростительны! Я отчислю ее, несмотря на все заслуги перед студией! Или... вы решили увезти ее на границу?

— Такого разговора пока не было.

— Знаете, Павел, хочу дать дельный совет — оставьте ее... Ирина — взбалмошная, непостоянная. А вы, похоже, серьезно прикипели.

Кондрашов насупился.

— Зря вы на меня волком смотрите. Вы, чай,

думаете: я ее соблазнил и покинул? Так ведь нет... Она меня сама, как это говорится — бросила. А я ее люблю, до сих пор...

— Раз бросила — значит, было за что, — твердо сказал Павел.

Равич наклонил голову, царапнул Кондрашова взглядом.

— Скажите, старший лейтенант, вы, наверно, презираете всех гражданских? Особенно таких, как я...

— Почему? Мы ради вас служим... Вы умный, талантливый. Генка сказал, что с вашим появлением даже облик Глебовска изменился.

Равич как-то облегченно вздохнул, оттаял.

— Знаете, а меня всегда тянуло к военным, — доверительно сказал он. — Хочется почувствовать состояние боя. Пушкин ездил на Кавказ, Лермонтов воевал там, Толстой воевал в Севастополе, офицером был Куприн... Наверно, душа в минуты опасности раскрывается необычайно ярко?

— Не знаю... По-моему, в эти минуты на человека действуют две силы — долг и страх. И еще неизвестно, какая из них толкает его к действию. Я видел командиров, у которых вся грудь в орденах и которые трепетали перед начальством и не могли сказать правду...

— Да, да!.. — взволнованно воскликнул Равич. — Я тоже об этом много думаю... Каждый должен совершить маленькую революцию в себе. Быть героем в напряженные исторические моменты гораздо легче, чем быть таковым в период мирного созидания... — Он говорил страстно, оживленно. — Быт — вот тот невидимый фронт, на котором могут загнуться даже несгибаемые бойцы. В тяжкую годину все становятся братьями, все

хотят одного... А в наши дни умение быть «настоящим человеком» требует ума, выдержки, чуткого отношения к людям, трезвого взгляда на вещи... И вытекают суровые вопросы: «Сумеешь ли ты, бывший боец, стать строителем и воспитателем? Не вскружит ли тебе голову власть? Не будешь ли рвать кусок у ближнего? Не засосет ли тебя серая мещанская рутина?..»

В это время дог схватил Равича за полу куртки и потащил за собой — видимо, псу надоело стоять на месте.

11

В тот вечер Кондрашов решил познакомить Ирину с бабушкой. Они шли по бульвару, который тянулся точно на запад, туда, где полыхал полукруглый козырек заката: казалось, тонкая алая пленка хочет охватить весь купол неба, она ширится, ползет, но постепенно слабеет, тает, уступая место темно-синим, упругим тучам.

Павел рассказал Ирине о своей встрече с Равичем и под конец добавил:

— Мне кажется, тебе нужно вернуться в студию.

— Нет,— сказала Ира, упрямо тряхнув головой.

— Это твой коллектив. Он зависит от тебя. Есть такие слова: долг, обязанность...

— Нет,— зло повторила девушка.— Мне надоело играть чужие судьбы. Совершать придуманные поступки... Ты в каком качестве будешь меня представлять?

— А ты как хочешь?

— Не знаю... Не знаю... Не торопи меня, Па-

вел. Дай мне привыкнуть к этому новому состоянию. У нас еще есть время.

— Да, конечно.

Внезапно из кустов бесшумно выскочил огромный серый дог. Пес глянул на Кондрашова красными глазками, ткнул носом ему в пах.

— Бой, свои! — строго крикнул Равич.

Дог оскалился, посторонился.

— Надеюсь, не боитесь? — улыбнулся Юрий Григорьевич. — Пограничник должен уметь обращаться с собаками. Кстати, почему догов не используете? У них отличное чутье.

— Избалованная порода, а пограничная служба суровая.

Равич исподлобья посмотрел на Ирину, протяжно вздохнул.

— Здравствуй, милая, — хмуро сказал он. — Давно не виделись... Замуж собралась?

Ира вскинула голову.

— А если да, то что?

— Ничего... Любовь и славу не купишь — это закон жизни. Вот старший лейтенант сдуру под пули угодил — почет ему и уважение. Теперь служба у него пойдет... И должность, и звание, и академия... И лучшая девушка Глебовска — сердце ему отдала... А ведь это случай! Фортуна! Заслуга его в чем? — уцелел, выжил. А мог бы под бугорком лежать — и все бы ему до фонаря было... Любим мы этих... уцелевших... славить.

Что-то вспыхнуло в груди Кондрашова, словно на границе сработала сигнальная система: «Застава, в ружье!» Он сжал кулаки, сделал шаг вперед:

— Слушай, ты, революционер быта!

Лицо Равича болезненно съежилось, задрожало.

— Не надо, Павел... — хрипло сказал он. — Извини... Это так — пена...

Равич кликнул собаку, и они быстро скрылись в сумерках.

— Что ты сейчас чувствуешь? — успокоившись, спросил Кондрашов.

— Мне его жалко, — печально ответила Ира.

Подходя к дому, Павел еще издали увидел бабушку. Она стояла на крыльце, в своем светлом, праздничном платье. Заметив их, коlobком скадилась по ступенькам.

— Паша, телеграмма тебе пришла. Молния! — голос бабули трепетал от дурных предчувствий.

Он, как чеку гранаты, дернул пальцем бумажную ленточку, с хрустом развернул заляпанный клеем листок.

«ВАШ ОТПУСК ПРЕРЫВАЕТСЯ ПРИКАЗЫВАЮ ВЕРНУТЬСЯ ЧАСТЬ КОМАНДИР».

— Где сегодняшняя газета?

Бабуля побежала, принесла «Известия».

Большими черными буквами: **ЗАЯВЛЕНИЕ МИД СССР.** «17 июля группа вооруженных военнослужащих нарушила государственную границу... вторгшись в пределы советской территории на глубину... в результате перестрелки с пограничным нарядом... ответственность целиком ложится...»

Заныло у Пашки сердце, будто тонкой проволокой перетянули его крест-накрест. Впервые с ним это было. Но не испугался Кондрашов. Вздохнул поглубже, развел плечи — отпустило...

Вот и все. Вот и все проблемы.

Он был уже там. Где его солдаты, его товарищи...

Они стояли на перроне.

Она смотрела на его лицо. Ей хотелось заплакать, навзрыд, по-бабьи. Но она сдерживала себя. Она умела владеть собой...

— У меня скоро отпуск. Я приеду к тебе.

— Там пограничная зона. Нужен вызов.

— Вызови меня, пожалуйста. Очень тебя прошу...

Из открытого окна электрички старший лейтенант Кондрашов глянул назад и увидел, как стремительно удаляется этот маленький зеленый городок, этот небольшой клочок огромной земли, на котором он провел детство, ощутил себя человеком и вот теперь... познал любовь. И он подумал, что сделает все, чтобы никакая темная сила не омрачила покой и счастье этого городка, этой земли... Родной земли...

Далекie всполохи

1

С океанской стороны шла высокая, пенистая волна, и, спасаясь от ее могучей силы, липло почти к самому берегу рыболовецкое суденышко.

Оно изрядно надоело пограничникам островной заставы. Капитан Новиков в который раз поднялся на наблюдательную вышку.

— Признаков нарушения государственной границы не обнаружено,— с подчеркнутой лихостью доложил ему ефрейтор Мухин и, понимая интерес командира, уже доверительно добавил:— «Рыбачок» этот... все тут... бултыхается.

— Да-а-а...— медленно протянул начальник заставы так, что сразу и не поймешь: соглашается он или задает вопрос.

Новиков прильнул к окулярам оптического прибора. Резиновая бленда была теплой — видимо, Мухин только что оторвался от нее. Шхуна, окруженная перламутровым сиянием, проявилась в кружочке объектива четко, словно на переводной картинке. Судно стояло на якоре, волны бросали его, как поплавок, на палубе никого не было.

— Что? Так и не выходят? — краешком рта спросил капитан.

— Изредка вылезают,— отозвался ефрейтор.— Посмотрят, понюхают...— Он немного по-

молчал, потом игриво добавил:— Турнуть бы их отсюда!

Мухин был веселым парнем, на заставе его любили — и солдаты, и офицеры, поэтому иногда ефрейтор позволял себе говорить с командиром в таком фамильярном тоне.

Но сейчас Новиков строго глянул на него и сухо произнес:

— Вы же знаете, иностранным судам разрешается в непогоду укрываться у наших островов.

— Знать-то знаю, а на нервы действует,— выдержав взгляд командира, в том же духе заявил ефрейтор.

На этот раз капитан усмехнулся.

— Продолжайте наблюдение.— Он кивнул и пошел к люку.

Ветер свистел, ударяясь о прутья вышки, тонкими, острыми струйками прорывался в рукава и за воротник куртки. Вступив на землю, Новиков еще раз глянул в даль океана и по узкой тропинке, петляющей между острыми гранитными глыбами, неторопливо пошел к заставе. По дороге он все время думал об этой шхуне. Действительно, в ее поведении было что-то необычное, настораживающее. Хотя с другой стороны, если посмотреть объективно: что тут особенного? Налетел шторм, прижал судно к берегу. Куда же ему деваться?

С трудом открыв дверь, Новиков нырнул в парное тепло. Тугая пружина, скрипнув, почти герметично закрыла помещение. Это «чудо техники» как-то привез с материка старшина.

Новиков прошел в канцелярию. Здесь за своим персональным столом, покрытым листом голубоватого плексигласа, сидел прапорщик Воропаев.

Перед ним лежали толстые «амбарные книги», обернутые в яркие журнальные обложки. В них рачительный старшина вел учет хозяйству заставы. Каждый такой «гроссбух» отражал соответствующее направление: продовольственно-фуражное, вещевое, банно-прачечное, горюче-смазочное и т. д.

Воропаев, прикусив кончик языка, аккуратно переносил сведения из «оперативной бумажки» — так он называл замусоленный листок, на котором были сделаны одному ему понятные записи, — в «конduit». Увидев Новикова, прапорщик отложил ручку, с хрустом потянулся и лукаво спросил:

— Что-то часто, Михал Петрович, до ветру бегаешь?

— Шхуна... — коротко ответил Новиков и подошел к висевшей на стене карте острова. — Какого черта она здесь на якорь стала? Шла бы в бухту, там спокойнее...

— Далась она тебе, — лениво отозвался Воропаев. — Ну, стала и стала... Их дело. Вот придавит ее валом к скале — сразу поумнеют. Небось забились в кубрики и дуют свою «сакэ»...

Воропаев сощурился, как кот на завалинке, снова потянулся и мечтательно сказал:

— А Васильчиков сейчас на берегу Черного моря живот греет. Везет человеку!

Новиков глянул через плечо на прапорщика, улыбнулся:

— Не кощунствуй, Сергей Иванович! Тебе же, как ветерану островной службы, предлагали эту путевку. А ты отказался, сказал: «Нехай замполит едет. Ему невесту на материке выбирать нужно». Теперь что? Жалеешь?

— Ясно дело. Жалею!.. — Воропаев, довольный сам собой, дробно захохотал.

А Новиков снова уставился на карту и задумчиво произнес:

— Может, у них двигун сломался?

Прапорщик шумно отодвинул свое опять-таки персональное кресло, подошел к начальнику заставы.

— Михал Петрович,— уже нормальным тоном сказал он.— Чего ты нервничаешь? На нашем острове кроме заставы и маяка никаких «стратегических» объектов нет. Шпионить здесь нечего. До материка отсюда никакой пловец не дойдет — утонет. Логично?

— Так-то оно так. Но душа не спокойна. Понимаешь?

— Понимаю...— Воропаев сделал круглые глаза.— Сходи в баньку, попарься — все как рукой снимет.

Новиков почти осуждающе покачал головой.

— Тебе бы, Сергей Иванович, попом быть, а не старшиной.

— Нет,— брезгливо поджав губы, ответил Воропаев.— На той службе поститься нужно. А потом — уж больно у них хворма одежды несуразная...

Новиков зашел домой, чтобы взять белье и полотенце. Жена и дочка, чистенькие, румяные, в одинаковых пестрых косыночках, сидели за столом и пили чай с вареньем из жимолости. (По сложившейся на всей границе традиции первыми в банный день моются женщины и дети.)

— С легким паром, лапушки,— ласково сказал Новиков.

Одна «лапушка» улыбнулась, а вторая, обливав ложку, залепетала:

— Папа, там дед Макалыч с маяка плишел. Сказал, чтобы ты толопился. А то ему одному скусно купаться.

Новиков рассмеялся, взял заранее приготовленный сверток, сказал жене:

— Нина, ты накрой. Мы с Макарычем после баньки здесь пообедаем.

Жена понимающе кивнула и снова улыбнулась.

Когда Новиков вошел в предбанник, дед Макарыч химичил над тазиком, замешивая особое сусло для пара. Было в нем несколько компонентов: и квас, и какие-то травы, и даже медицинские препараты. Пар Макарыч создавал действительно бесподобный — легкий, ароматный.

— Что смурной? — спросил дед, взбивая сусло деревянной ложкой.

Новиков сел на скамейку, стянул сапоги, расстегнул ворот тужурки.

— Макарыч, видел... шхуна у скалы кувыркается?

— Ну?.. — дед пронзительно глянул на Новикова из-под косматых бровей.

— Как думаешь, чего она в бухту не идет? Там же спокойнее...

— Заметил... — довольно хмыкнул дед. — А я как раз хотел тебе эту вводную подбросить.

Макарыч отодвинул тазик, подтянул подштанники и тоже сел на скамейку.

— Пусть настоится, — кивнул он на свой «раствор». Потом почесал клочковатую бороду и заявил: — Расскажу одну байку... Мы этот остров в сорок пятом штурмом брали. Я в осветительных войсках служил...

— Были такие? — усмехнулся Новиков.

— Не шуткуй, — обиделся дед. — От нас мно-

гое зависело... Туман курился жуткий. С одной стороны хорошо — корабли незаметно подошли к острову. Но для успешной высадки нужно было установить на берегу световые ориентиры. Сам знаешь, какое здесь дно... Вот первый катер и выбросил — группу автоматчиков, корректировщиков с радиостанциями и нас с ацетиленовыми фонарями. Помню, бултыхнулся за борт, а глубина — метра два. Фонарь поднял над головой и топаю под водой. Воздух кончается, в ушах звенит. Так хочется оттолкнуться от грунта и всплыть. Нельзя!.. Подмочишь технику — и хана! Всю операцию сорвать можно. Выбрались, значит, на урез. Установили свои лампы, бойцы вокруг нас круговую оборону заняли. Как врубили полный свет — тут все и началось! Сначала корабли артиллерийской поддержки огонь открыли, потом десантные суда пошли... Японцы опешили. Не ожидали они, что мы из такого мрака навалимся. А потом ощерились...

Дед поднял заскорузлый палец, сделал многозначительную паузу и затем сказал:

— Брали несколько рубежей обороны. Весь остров подземными галереями изрыт. В прошлом году, между прочим, я у самого маяка ржавый люк обнаружил... Наши саперы тогда их взрывчаткой рвали... Только к исходу дня гарнизон подавили. Мы, конечно, всю ночь светили — боялись, что японцы с соседнего острова свой контрдесант бросят. А когда луна выкатилась, аккурат из-под этой самой скалы, напротив которой сейчас шхуна торчит, выскочил торпедный катер. И ушел... Наша батарея даже огонь открыть не успела. Откуда он взялся — не ясно! Ведь там сплошная гранитная стена...

Новиков помрачнел, на его щеках вспыхнули два маленьких красных пятнышка.

— Что же ты раньше об этом молчал? — резко спросил он.

— Ну, знаешь!.. У меня этих баек столько! Если все рассказывать, под завязку до самой выслуги лет слушать будешь.

— Все, дед, баня наша отменяется.

— Да ты что, Миша? Бальзам уже созрел... Давай окунемся, а потом уж командуй.

— Нет, собирайся. Покажешь этот люк.

— Язви тебя в душу! Рассказал на свою голову, — пробурчал Макарыч, но спорить не стал.

Макарыч шел впереди, раздвигая кустарник широким движением рук. Казалось, он плыл в море зеленых зарослей. За ним двигался небольшой отряд пограничников — в маскхалатах, касках, с полной боевой выкладкой.

Впереди маячил высокий красно-бурый обрыв. Подойдя к нему, Макарыч огляделся. В воздухе носились длинные, цепкие паутинки, они задевали лицо, щекотали щеки и шею.

— Кажись, здесь, — сказал дед и оглушительно чихнул.

— Где? — нетерпеливо спросил Новиков.

Макарыч отогнул ветви кедрового стланика, и все увидели металлическую дверцу, наподобие тех, которыми на кораблях задраивают переборки.

Новиков подошел к люку, внимательно осмотрел. На краю дверцы была рычажная ручка. Капитан немного помедлил, потом надавил на нее. Ручка плавно опустилась вниз.

— Эхма! — удовлетворенно крикнул Макарыч. — Видал, как делают! Смазка — на века.

— Так... — глухо ответил начальник заставы и осторожно, не поворачиваясь, отошел от двери на три шага. Словно боялся, что из нее кто-то выскочит, а он не заметит этого. Наконец капитан оглянулся...

Солдаты удивленно смотрели на своего командира: они еще не понимали ситуацию, они еще не предвидели его решение.

Новиков исподлобья глянул на Макарыча, медленно спросил:

— Значит, говоришь, японцы вас не ожидали?

— Ясное дело, — отозвался дед.

— Значит, надо полагать, контактные мины установить не успели?

— Похоже, так... — после некоторого раздумья ответил Макарыч. — Не помню, чтобы кто-то подрывался.

— Тогда будем открывать, — твердо сказал капитан. — Сержант Самохин...

— Я! — невысокий, коренастый пограничник сделал шаг вперед.

— Доставайте веревку.

Сержант развязал вещмешок, вынул моток тонкого пенькового каната.

Новиков решительно подошел к люку, привязал конец к ручке и, разматывая канат, протянул его за каменистый бугор.

— Всем сюда. Укрыться, — приказал он.

Пограничники и Макарыч залегли.

— Береженого бог бережет, — сказал капитан и резко дернул за веревку.

Было тихо. Новиков приподнял голову и увидел, что дверь открыта.

Прапорщик Воропаев остался на заставе за старшего. Сидеть в канцелярии было скучно, и он решил обойти «свои владения». Сначала Сергей Иванович заглянул в теплицу, работающую по его проекту от горячего источника. Здесь стоял особый, огородный дух. Радовали глаз алые помидоры, длинные голубоватые огурцы. Два солдата-первогодка в свободное от службы время с удовольствием копались в грядках. Заметив Воропаева, они засмутились, вытянули по швам испачканные землей руки.

— Вольно,— сказал Сергей Иванович, одобрительно кивнул и спросил:— Ну, как? Нравится наше хозяйство?

— Так точно,— радостно ответил один из солдат — видимо, он был старшим в их маленькой бригаде.— У нас в колхозе тоже был парник, но ваш аккуратнее.

— То-то... В армии все должно быть аккуратнее.

Воропаев проверил показания приборов, дал указания. Солдаты были смекалистые, понимали с полуслова, и Сергей Иванович еще раз убедился, что не ошибся, выбирая их из числа новобранцев.

Потом Воропаев пошел в баню. Как раз закончила мыться очередная смена. Солдаты растирали полотенцами розовые тела, ухали от удовольствия, оживленно переговаривались. Сергей Иванович усмехнулся, заметив у каждого из них на правом боку тонюсенький шрам. Это было нововведение медицинской службы — во избежание непредвиденных случаев на островные заставы преимущественно направлялся «контингент с вырезанным аппендиксом».

— Как пар? — поинтересовался Воропаев.

— Отличный, товарищ старшина!

— После доброго парка — надо кружечку пивка! — Последняя фраза принадлежала конечно же неутомимому Мухину, который уже сменился с поста наблюдения.

— Не положено, — под дружный хохот заявил Воропаев. — Хотя мысль мне понятна и... близка.

В это время дверь в предбанник распахнулась — на пороге стоял дежурный.

— Товарищ прапорщик, сержант Самохин прибыл со срочным поручением от начальника заставы.

— Иду...

Придерживая на бедре элегантную флотскую кобуру с пистолетом, Воропаев побежал к заставе.

Самохин ждал его в канцелярии. По лицу сержанта Сергей Иванович понял: Новиков затеял что-то необычное.

— Докладывайте.

— Начальник заставы приказал скрытно доставить к маяку три катушки телефонного провода, запасные аккумуляторы к фонарям.

— Что там происходит?

— Мы обнаружили ход под скалу. Капитан Новиков решил его обследовать.

— А что, по радиации нельзя связь держать?

Сержант замялся, потупился, потом пробормотал:

— Я тоже задал этот вопрос, а начальник заставы сказал, что у меня, наверно, по физике тройка была.

Воропаев хмыкнул, нажал кнопку селектора.

— А тебя зачем послали? — спросил он, отдав соответствующие распоряжения. — Или у вас и на поверхности радиостанция не работает?

— Никак нет, — глядя в сторону, ответил сер-

жант.— Начальник заставы приказал прекратить радиосвязь. Он считает, что на шхуне могут перехватить наши разговоры.

«Ох, чудит Новиков,— раздраженно подумал Сергей Иванович.— Засиделся на острове. Побегал бы с мое на материке — сразу бы образумился. А тут, видишь ли, оперативного простора ему не хватает. Решил под землю залезть. Ладно, пусть резвится...»

2

Сначала они пробирались по узкому тоннелю, который полого уходил вниз. Пятна света от электрических фонарей скользили по влажным блестящим стенам. Пахло сыростью и гнилью.

Впереди шел капитан Новиков, за ним увязавшийся, несмотря на все уговоры, дед Макарыч, потом сержант Самохин. Замыкал цепочку связист Голованов. Он нес на плече телефонный аппарат и по ходу разматывал катушку с проводом — это, по мнению начальника заставы, обеспечивало не только связь, но и давало возможность быстро выйти на поверхность.

Своды прохода были низкими, приходилось все время нагибаться. Новиков не торопился, внимательно осматривал пространство, лежащее перед ним, и только убедившись, что ничего подозрительного нет, делал очередной шаг.

Неожиданно кружок света уперся в каменный излом. Начальник заставы пошарил лучом и увидел под ногами черную дыру, к краям которой прилипла металлическая лестница, штопором уходящая в недра земли.

Новиков отстегнул клапан подсумка, вынул из запасного магазина патрон и бросил его в

центр провала. Напрягая слух, он старался уловить звук падения. Патрон летел вниз, изредка позвякивал, ударяясь о перила. Звон становился все слабее и слабее...

— Что скажешь, Макарыч? — спросил капитан.

— Надо спускаться, — хрипло ответил дед. — Я так полагаю, прямо под скалу попадем.

...Ступени гулко гудели под сапогами. Сколько их было — кто знает? От долгого винтообразного спуска кружилась голова. Один раз они остановились — связист наращивал провод. И тогда в наступившей тишине впервые услышали странный рокот, похожий на глухое рычание.

— Елки-палки, откуда это? — сдавленно прошептал Самохин.

— Скоро выясним, — спокойно ответил Новиков. — Голованов, как у вас дела?

— Все в порядке, товарищ капитан.

И снова начался спуск, томительный до одури. Руки и ноги налились тяжестью. Кроме того, таинственный рокот становился все громче. Эта жуткая неизвестность сковывала движения. Но воля людей подавляла естественный страх.

Когда Новиков в очередной раз опустил ступню и почувствовал под ней твердую почву, то сначала даже удивился, но потом понял: это дно колодца.

Начальник заставы дождался, когда спустится вся его команда, глянул на Макарыча. Дед выглядел молодцом — ведь каждый день поднимался на маяк.

От подножия лестницы отходила вбок маленькая штольня. Когда пограничники прошли ее, то

очутились в каком-то огромном темном зале. Новиков водил лучом фонаря в разные стороны, но нигде не было видно никаких признаков свода. Только завеса плотного мрака клубилась там, где иссякал свет. Веяло влажной прохладой, чувствовалась близость воды.

Рокот звучал совсем рядом. Пограничники по гладкой каменной поверхности пошли на этот звук. Вскоре впереди действительно блеснула вода. Они вышли на небольшую площадку, выбитую в скале. Это было некое подобие пирса.

Новиков приказал направить лучи всех фонарей в одну сторону. И в этом усиленном потоке света он разглядел круглое озерцо, колыхающееся возле стены, из-под которой бурлила волна, вырывались пузырьки воздуха, сопровождавшиеся характерным ревом.

— Лихо,— сказал Макарыч.— Там подводный грот. Во время отлива он открывается, и в пещеру со стороны скалы может войти небольшое судно. Теперь понятно, откуда тот торпедный катер выскочил.

Время тянулось мучительно долго. Они сидели в кромешной темноте. Пульсирующий рык волны усыплял, а когда становилось тихо, то отчетливо, до звона в ушах, слышалось, как откуда-то сверху капает вода.

«Хуже нет, чем ждать и догонять»,— почему-то вспомнил Новиков народную поговорку и неожиданно поразился: если вдуматься, то эта формула — «ждать и догонять» — отражает основную суть деятельности пограничника.

«Будем ждать,— усмехнулся Новиков.— Будем терпеливо ждать. А догонять не придется.

Возьмем его тепленького или... мокренького. Пусть только пожалует. Пусть...»

Начальник заставы по телефону приказал Воропаеву передать шифровку в штаб морской бригады. И теперь пограничный сторожевой корабль, несмотря на шторм, шел в указанный квадрат, чтобы перехватить шхуну, не дать ей уйти в нейтральные воды, если с нее высадится нарушитель.

Деда Макарыча Новиков отправил наверх: как обычно, в назначенный час он должен был зажечь маяк.

Рядом, почти под самым ухом, захрустел сухарем Самохин. И хотя Новиков понимал, что этот звук не может выдать их «секрет», все равно не выдержал — дернул за рукав сержанта, и тот притих.

Начальник заставы не знал: какую тактику выберет нарушитель? Он может пойти на шлюпке, а может — под водой, и тогда ему незачем ждать отлива. Эта неопределенность больше всего раздражала Новикова...

Там, на остров и океан, неумолимо наполнила ночь. Отлив делал свое дело: синий полумесяц арки грота стал светиться во мраке пещеры. Он становился все больше и больше. И наконец в центре его показалась округлая тень. Она тут же исчезла, но через мгновение на краю озерца вспыхнул тонкий клинок света. Новиков услышал, как шумно засопели рядом Самохин и Голованов. Они ждали его команду...

Луч света поплыл к пирсу. Раздался всплеск — из воды вылез человек. Он положил фонарик на камни, завозился, отстегивая акваланг.

И тут Новиков понял: нельзя... нельзя задерживать. Ведь нарушитель зачем-то шел, что-то

ему здесь, на острове, надо. А если они сейчас его возьмут, то, может быть, никогда не узнают истинную цель лазутчика. Он будет выдавать себя за кого угодно: искателя приключений, любителя-спелеолога, туриста...

Нарушитель снял акваланг, снова взял в руки фонарик. Ослепительное пятно света сделало полукруг. Лазутчик в нерешительности постоял несколько минут, потом, неуклюже переваливаясь, пошел прямо на пограничников.

Новиков уловил легкое прикосновение. Пальцы Самохина мелко тряслись. Сержант не понимал, почему начальник заставы не дает команды. Новиков осторожно погладил Самохина по руке. Пальцы сержанта дрогнули... и успокоились. Он понял...

Нарушитель медленно прошел мимо пограничников и скрылся в темноте.

— Товарищ капитан... Товарищ капитан...— еле слышно прошептал Самохин, когда шаги лазутчика затихли в толще скалы.— Что же вы?

— Так надо. Задержим, когда он будет возвращаться,— ответил Новиков, а сам с волнением подумал: «А если не будет?»

Капитан приказал Голованову связаться с заставой. Воропаев сообщил, что шхуна стоит на месте. Это немного успокоило Новикова.

— Будем ждать,— сказал начальник заставы.— Догонять не будем. Сам явится.

Новиков глянул на светящийся циферблат. Прошло два с половиной часа. Он разрешил Самохину и Голованову немного поспать. И теперь слышал рядом с собой их ровное дыхание.

Сам начальник заставы боялся даже задремать. Правда, иногда ему казалось, что он тоже впал в забытие. Густая темнота, окружавшая его, как-то влияла на психику: иногда он ловил себя на том, что не понимает — открыты у него глаза или закрыты. Новиков судорожно дергал рукав маскхалата и успокаивался только тогда, когда перед ним возникала маленькая окружность ярких точек, по которой игриво прыгала зеленая ниточка секундной стрелки.

Новиков решил, что пора будить ребят. Он стал тормошить их за плечи. Самохин проснулся легко, а Голованов неожиданно громко воскликнул:

— А! Что? Где я?..

И тут же Новиков рывком закрыл ладонью ему рот, потому что увидел вдалеке мерцающее сияние — лазутчик возвращался.

— Тихо, Володя, тихо,— прошептал он связисту в самое ухо.— Мы в пещере. Помнишь? Нарушитель назад идет...

Начальник заставы почувствовал, как напрягшееся тело солдата обмякло в его руках.

Полоска света тем временем приближалась. Уже были слышны шаги нарушителя — медленные, тяжелые. Когда он поравнялся с камнем, за которым укрывались пограничники, Новиков вскочил и нажал кнопку фонаря.

— Стой! Руки вверх!

В потоке разящего луча стояла сгорбленная фигурка человека. От неожиданности и страха нарушитель съежился. На его спине, как рюкзак, висел плоский прямоугольный контейнер.

Лазутчика скрытно доставили на заставу. В канцелярии при нормальном освещении Новиков наконец рассмотрел его. Это был пожилой — лет шестидесяти — японец, с изможденным, нервным лицом. Он сидел на стуле — измотанный, опустошенный — и равнодушно глядел прямо перед собой, влажные седые волосы падали на высокий лоб.

— С какой целью вы высадились на советский остров? — спросил Новиков.

Японец вскинул брови, залепетал по-своему. Новиков и Воропаев переглянулись.

— Не,— сказал прапорщик,— мы с ним все равно не разберемся. Пусть из штаба отряда прилетают отцы-командиры с переводчиком. Мы свою задачу выполнили...

— Что это? — указал Новиков на металлический чемоданчик с наборным устройством вместо ключа. Было видно, что он закрывался герметично, вода в него не попадала.

Японец опять пролепетал какую-то фразу.

— Ладно,— обреченно махнул рукой начальник заставы и, обращаясь к Воропаеву, приказал: — Отведите его в комнату для приезжих. Охранять!.. Этот сундук — в погреб. Еще неизвестно, что в нем... Доложите на материк. Правда, при такой погоде они скоро не прилетят.

Новиков встал, его качнуло. Начальник заставы понял, что до дома не дойдет. Он вышел в коридор и, придерживаясь за стену, пошел в спальное помещение. Солдаты сочувственно глядели на командира, расступались. Новиков заметил свободную койку и плашмя упал на нее. Провалившись в сон, он не почувствовал, как с

него осторожно стянули сапоги и укрыли двумя одеялами.

Алёхина привели в комнату, в которой стояла широкая деревянная кровать. Солдат снял с нее белое покрывало и жестом показал, что он может на нее лечь.

— Отдыхай, дед, — улыбнувшись, сказал солдат. — Тоже вон — желтый, как лимон. Зачем таких старых посылают? Что у вас, молодых шпионов нет?

Алёхин поймал себя на том, что с удовольствием слушает русскую речь. И еще он подумал, что этот балагуристый парнишка мог бы быть его внуком.

Солдат пристально глянул на Алёхина, осуждающе покачал головой и вышел. В замочной скважине два раза повернулся ключ.

Алёхин подошел к окну. Выл ветер. Над океаном клубились черные, лохматые тучи. Другой пограничник с автоматом на плече, подняв капюшон теплой куртки, мерно ходил вдоль стены.

Там, в галереях, когда Алёхин собирался в обратный путь, ему очень хотелось спать. Но он тогда, чтобы поддержать свои силы, наглотался возбуждающих таблеток, и теперь внутри все тряслось, дергалось и казалось, даже волосы шевелятся.

Алёхин подошел к зеркалу, висящему над раковиной умывальника. Из коричневой рамки на него глянула чужая косоглазая физиономия.

«Ничего нет своего, — горько подумал Алёхин. — Ни родины, ни семьи... Теперь вот и лицо отняли».

Он вспомнил ехидную рожу Коки Асидо, ког-

да тот увидел его в белой куртке официанта в маленьком гонконгском ресторанчике.

...Алехин нес блюдо с омаром, а Коки стоял в проеме дверей и, наблюдая за ним, злорадно улыбался, скаля свои желтые, прокуренные зубы.

Алехин сразу узнал его, хотя они не виделись тридцать с лишним лет.

— Видишь, Арёса-сан, я нашел тебя. Ты снова понадобился великой Нипон.

— Провалитесь вы со своей Нипон,— огрызнулся Алехин.

— Плохо отвечаешь.— Улыбка исчезла. Губы вытянулись в узенький розовый жгутик.— Ты забыл «Буси-до» — нравственный кодекс самурая.

— Это ваши законы. Меня они не касаются.

— Да? А когда-то ты считал за честь носить звание самурая.— Коки нетерпеливо топнул ножкой и, тоном не терпящим возражения, сказал: — Где твой хозяин? Рассчитывайся. Через час отлетит на Хоккайдо наш самолет.

— Я не хочу никуда улетать.

Коки ощерился, сложил на животе свои маленькие пухлые ручки.

— Эх, Арёса-сан, Арёса-сан,— чувственно проворковал он.— А ведь когда-то мы были друзьями. И вместе распевали наш гимн: «Как вишня — царица среди цветов, так самурай — повелитель среди людей».

Алехин понял: они заставят его сделать то, что задумали.

— Оставьте меня в покое,— жалобно взмолился он.— Я старик. Мне недолго осталось жить.

Коки фамильярно похлопал его по плечу.

— Не прикидывайся, Арёса-сан. Мы справились у твоего врача. Ты еще крепкий мужик. Лет двадцать протянешь. Если, конечно, вне-

запно не умрешь. И никто!.. Слышишь — никто в этом вонючем городе не поинтересуется, почему ты покинул подлунный мир.

...Самолет приземлился в Немуро. Оттуда на мыс Носапу они ехали в колонне черных, похожих на броневики фургонов. Через установленные на них усилители коротко стриженные молодчики в полувоенной форме до хрипоты призывали прохожих вступать в борьбу за «новый порядок».

— Сегодня мы отмечаем «день северных территорий», — пояснил Коки. — Хочу, чтобы ты посмотрел, какие силы нас поддерживают, и понял, что игра стоит свеч.

Берег пролива украшали черные стяги и яркие оранжевые полотнища, на которых были изображены череп и кости. Машины подъехали к высокой коричневой арке. На ее сгибе зиял равный излом, словно чья-то гигантская рука грубо разорвала бетонную подкову.

— Это символ, — благоговейно сказал Коки. — Так «северные территории» оторваны от родной Нипон.

Здесь, у арки, состоялся митинг.

И снова были яростные крики:

— Отменить послевоенную конституцию!

— Укреплять мощь армии и флота!

— Разогнать левые партии и профсоюзы!

— Расторгнуть дипломатические отношения с Советским Союзом!

— Сахалин и Курильские острова — японские территории!

И каждый раз, как когда-то в далекие времена, сотни раскаленных злобой глоток в один голос орали:

— Хай! Хай! Хай!

После митинга был шумный, хмельной банкет в баре, из окон которого виднелся в тумане ближайший к Хоккайдо русский островок.

— Вспоминаешь Тисима-Реттоо?¹ — многозначительно спросил Коки, кивнув головой в сторону пролива.

— Нет, — ответил Алёхин. — Забыл, как страшный сон.

— А зря, — тихо сказал Коки. — Тебе придется туда вернуться...

Новиков с трудом осознал: кто-то трясет его за плечо.

— Товарищ капитан, товарищ капитан!.. — голос доносился глухо, издали, будто из-за стены.

Начальник заставы открыл тяжелые веки. Перед ним, смущаясь, переминаясь с ноги на ногу, стоял ефрейтор Мухин.

— Товарищ капитан, разрушитель к вам просится. Хочу, говорит, с офицером объясниться.

— Как? — не понял Новиков. — По-русски?

— Так точно... Сначала в дверь постучался. Я открыл... А он говорит: «Парень, позови офицера. Я ему все расскажу».

Новиков встал, пошел в умывальник, плеснул в лицо несколько горстей холодной воды.

«Значит, заговорил, — думал он, вытираясь шершавым вафельным полотенцем, — вот оно как получается».

В канцелярии сидел встревоженный Воропаев.

— Елки-палки, видать, серьезную птицу взя-

¹ Тисима-Реттоо — японское название Курильских островов.

ли, — виновато глядя начальнику в глаза сказал он. — А я, по-честному, думал — так, реваншист. Решил забраться на сопку — и флаг свой установить. Были такие случаи...

— Мухин, ведите его сюда, — приказал Новиков и, пока ефрейтор топал по коридору, обращаясь к Воропаеву, спросил: — Ты связался со штабом отряда?

— Да. Сказали, как только будет погода — сразу прилетит вертолет.

Мухин ввел нарушителя. Японец внимательно посмотрел на Новикова, видимо, понял, что его только что разбудили.

— Извините, я заставил вас потревожить, господин капитан, — вкрадчиво произнес он.

— Ничего... Служба... — Начальник заставы указал на стул. — Садитесь.

Японец сел, тяжело вздохнул.

Новиков достал из сейфа типовой бланк протокола задержания.

— Ваша фамилия? — спросил начальник заставы.

— Алёхин Алексей Петрович.

— Вы русский?

— Да... — Нарушитель перехватил пронзительный взгляд офицера и тихо добавил: — Если вас удивляет мое лицо, то это — пластическая операция.

— Для чего?

— На случай, если до подхода к острову мы будем остановлены сторожевым кораблем и на борт высадится осмотровая группа. Я был внесен в судовую роль под японским именем.

— С какой целью вы проникли на советский остров?

— Я должен был взять карты, которые оста-

лись в нашем бункере еще с 1945 года. Они там — в «боксе». Принесите, я открою...

Новиков кивнул Мухину. Ефрейтор понял и тут же скрылся за дверью.

— Кроме вас кто-нибудь еще должен высадиться?

— Нет. Я один знал, где находятся эти документы. Я был на острове во время войны...

Мухин внес в канцелярию контейнер, положил его на стул. Нарушитель подошел к нему, поколдовал над цифрами — металлический чемоданчик, звякнув, открылся.

В нем действительно лежала стопка пожелтевших от времени карт. Развернув одну из них, Новиков сразу понял, что это участок нашего восточного побережья. На карте были нанесены какие-то символы.

— Что означают эти знаки? — спросил начальник заставы.

Алехин сморщился, с шумом втянул в себя воздух.

— Это длинная история, — печально сказал он.

— Вот и рассказывайте по порядку. Нам спешить некуда.

— Хорошо... — Нарушитель шмыгнул носом и начал говорить тусклым, скучным голосом: — Я родился в 1923 году. В Харбине. В семье русского офицера, дворянина. Мой отец ненавидел Советскую власть. После революции он сразу установил контакт с японской разведкой. По ее заданию он с группой единомышленников в апреле 1918 года совершил нападение на японскую контору «Исидо» во Владивостоке. Вы, наверно, знаете, что адмирал Като использовал этот инцидент для высадки десанта. Потом отец

командовал карательным отрядом. Был ранен под Волочаевкой, бежал за границу... Здесь его прибрал к рукам генерал Доихара, который возглавлял центр японской разведки в Маньчжурии. Со временем и я попал в его школу. Правда, не оправдал надежды отца — был слишком чувствителен, видимо, в мать... В 1943 году меня направили в отряд 731...

— Это который бактериев разводил?! — не удержавшись, воскликнул Воропаев.

— Да... — подтвердил нарушитель. — Только я сначала сам не знал этого. Когда впервые увидел заключенных, на которых проводили эксперименты, меня тошнило двое суток. Командир отряда генерал-лейтенант медицинской службы Сиро Исии называл их «бревнами»...

— Вы тоже принимали участие в преступных опытах?

— Нет, нет! Что вы? — пронзительно выкрикнул Алёхин. — Мы занимались только сбором информации, предназначенной для ведения бактериологической войны. Выяснялись тактические объекты заражения бактериями: источники питьевой воды, реки, колодцы. Изучалась система ветров, течений... В начале 1944 года мне и еще одному молодому офицеру Коки Асидо было поручено создать филиал нашего отдела на Курилах. Мы исследовали дальневосточное побережье противника. Результаты работы — на этих картах... Ваши войска так стремительно атаковали остров, что мы, спасаясь, бросили все бумаги. Кто знал, что они кому-то понадобятся?..

— Кому же они теперь нужны? — строго спросил Новиков.

— Точно не знаю. Но мне кажется, это интересно американскую разведку... Сразу после

капитуляции Японии я встретил в Токио Коки Асидо. Он сообщил, что генерал Исии находится в руках американцев, они обращаются с ним весьма почтительно. «Не пропадай,— сказал мне тогда Асидо,— мы еще будем на коне». Но я не хотел больше иметь с ними ничего общего.

— И все же пришлось?..

— Да!..— Алёхин впился пальцами в переносицу.— Поймите!.. Они заставили меня! Коки Асидо сейчас руководит какой-то неофашистской организацией. Это страшные люди! Они готовы на все! Я спасал свою жизнь...

— В этой ситуации вы могли явиться с повинной. А вы сделали все...— Новиков рубанул ладонью воздух.— Все, чтобы доставить иностранной разведке сведения, наносящие ущерб безопасности нашего государства! Осознаете это?

Алёхин затравленно посмотрел на капитана, тоненькая голубая жилка на его виске набухла, затрепетала.

— Прошу учесть, что я во всем добровольно сознался.

— Я не представляю органы правосудия. Но когда на остров прибудет следователь, я сообщу ему об этом.

Начальник заставы по узкой, отполированной дождями и солдатскими сапогами тропинке шел к наблюдательной вышке. Сизые облака тяжелым сплошным пластом легли на небо. Где-то там, за горизонтом, бесшумно полыхали молнии.

Новиков шел и думал о нарушителе — об этом странном человеке, с которым его столкнула судьба.

Под конец Алёхин не выдержал. Сухое рыдание забулькало в горле.

— Будь проклят этот мир! — истерично крикнул он. — Разве я виноват, что русский по крови и обличью родился среди отщепенцев, с детства внушавших мне свой образ мышления?.. Младенец, попавший в волчью стаю, никогда не станет человеком. Но разве он виноват?

Размазывая по колючим щекам потоки слез, Алёхин еще что-то бормотал, всхлипывал. Но потом внезапно утих, словно у него кончился завод, голова безвольно упала на грудь.

Это был какой-то короткий обморок, после которого Алёхин встрепенулся и уже нормальным, но ужасно уставшим голосом произнес:

— Простите, господин капитан, я смертельно хочу спать.

...Начальник заставы поднялся на смотровую площадку.

— Признаков нарушения государственной границы не обнаружено! — доложил молодой пограничник.

Шхуна, прикованная к якорю, по-прежнему качалась у скалы. Там еще не знали, что их акция провалилась. Алёхин сказал, что согласно плану она будет ждать его двое суток. Если кончится шторм, синдо¹ должен имитировать поломку двигателя...

Новиков облокотился о перила. Неожиданно он вспомнил, как когда-то давно, еще в училище, их курс встречался с ветераном-пограничником.

Тогда кто-то спросил:

— Какое качество для пограничника самое главное?

¹ Синдо — старший на рыболовецком судне.

Ветеран усмехнулся и сказал:

— Ну, как обычно отвечают на этот вопрос? Сила воли, мужество... Правильно? Только я хотел бы выделить вот что — добросовестность.

Курсанты зашумели, недоуменно переглядывались.

— Не понятно? — ветеран снова усмехнулся.— Сейчас поясню... Представьте, приходит на службу молодой офицер. Подавай ему сразу схватки с «матерым шпионом»! День идет, другой — ничего такого не происходит. И человек может сникнуть, расслабиться... Тут-то это самое — «долгожданное» — и нагрянет... Умение постоянно находиться в боевой готовности, годами поддерживать в себе чувство бдительности ради одной неожиданной секунды схватки — вот что главное для пограничника.— Ветеран немного помолчал и потом тихо добавил:— А для того чтобы быть добросовестным в этом смысле, нужны и сила воли и мужество...

Новиков улыбнулся, посмотрел в сторону океана. Далекie всполохи освещали его лицо...

Время «Ч»

Рассвет медленно вползал в долину. На серовато-синем небе тускло блестели утренние звезды. У высокой корявой скалы проступали очертания маленького домика пограничного поста. Рядом с ним на шесте развевался красный флаг. Озябший часовой, переминаясь с ноги на ногу, то и дело нетерпеливо поглядывал на вершину горы, из-за которой должно появиться солнце.

Долина зажата двумя хребтами. Если встать лицом к восходящему солнцу, то за левым хребтом — застава и вся наша Советская страна, а по гребню правого проходит граница.

Зимой долину заваливает снегом, оба хребта становятся неприступными — не пройдет ни человек, ни зверь. А летом, впитав в себя талые воды, здесь растет удивительно сочная трава. Пастухи пригоняют через перевал отары овец, табуны коней, и пограничники вместе с ними спускаются в долину и несут службу на самой линии границы.

В 04 часа 30 минут по местному времени дежурный по посту тихо вошел в спальное помещение и, положив руку на плечо младшего сержанта Олега Гладкова, прошептал:

— Вставай, земляк. Пора...

Гладков сразу открыл глаза и сел на кровать. Он был старшим пограничного наряда, которому предстояло выйти на охрану границы. Дежурный хотел разбудить двух других солдат, но младший сержант остановил его:

— Не надо. Пусть еще поспят.

Олег вышел из домика, по каменистой тропинке подбежал к ручью, который в этом месте падал с уступа маленьким водопадом. Широко расставив ноги, Гладков подставил спину под ледяную струю. И сразу же по телу разлилась бодрость, на плечах заиграли мышцы. Казалось, горная вода передала ему свою силу.

Олег, пофыркивая, докрасна растер тело вафельным полотенцем и, заметив, что первые лучи солнца уже пробились в долину, торопливо направился к посту. Здесь он сначала разогрел завтрак, заварил свежий чай и только тогда пошел будить своих товарищей, которым сегодня предстояло первый раз нести службу на гребне хребта.

Кровати молодых воинов стояли рядом. Рядовой Юсупов во сне счастливо улыбался: ему, наверно, снился дом, молодая жена, сынишка. Другой солдат — рядовой Николай Ивченко — ворочался и все время тяжело вздыхал. Олег знал: вчера ему пришла весточка от друга — девушка, от которой Николай еще недавно получал письма, как говорится, «скоропостижно» выходила замуж.

Младший сержант был всего на год старше этих ребят, но сейчас он испытывал к ним какое-то новое для себя, отцовское чувство.

Наконец он наклонился и тихо сказал:

— Подъем, товарищи...

В 05 часов 00 минут по местному времени старший лейтенант Челноков отдал наряду приказ выступить на охрану границы.

— Вопросы? — строго спросил он.

— Вопросов нет! — четко ответил Гладков. — Есть выступить на охрану Государственной гра-

ницы Союза Советских Социалистических Республик!..

Солнце ярким потоком ворвалось в долину. Старший лейтенант Челноков прикрыл козырьком фуражки глаза и сказал:

— Да, жаркий будет сегодня денек.

Он и не подозревал, что через несколько часов эти его слова приобретут совсем иной, пророческий смысл.

Пограничный наряд, готовый к выходу на границу, стоял перед ним.

— К машине! — скомандовал старший лейтенант.

Солдаты одним махом вскочили в кузов. Взревел мотор, и автомобиль помчался по накатанной в густой траве колее.

Долина медленно оживала... Над юртами чабанов струился сизый дымок. Задвигались отары овец. Нежно ржали молодые кобылицы. Резвые жеребята дробно стучали копытами. Лохматые псы свирепо лаяли на машину.

Младший сержант смотрел вперед. Ветер бил ему в лицо, вышибая из глаз слезу, но он не отворачивался и наблюдал, как постепенно вырастают перед ним горы. Рядовой Ивченко, раскачиваясь из стороны в сторону, думал о чем-то своем. И только Юсупов оживленно крутился, рассматривая лошадей, восхищенно цокал языком, заметив доброго коня. Из одной юрты выбежал шустрый пацаненок в красной рубашонке. Юсупов проводил его взглядом и удивился: «Что это он вскочил в такую рань?»

Посреди долины, окутанная пеленой утреннего тумана, протекала река. Машина подъехала к броду. Натужно завыл мотор, рядом с колесами поднялись алмазные буруны воды. На противо-

положном берегу, держа под уздцы игривого жеребца, стоял молодой смуглый пастух. Широко улыбнувшись, ослепительно сверкнув белыми зубами, он помахал пограничникам рукой.

Теперь машина шла на подъем. Пограничники хорошо видели на гребне хребта причудливое нагромождение огромных камней, напоминающее старинный замок. Обычно в них и располагался пост наблюдения, контролирующий весь участок границы. Небо было удивительно голубым, безмятежным, и только над «замком» неподвижно, как вертолет, висело зловеще черное облачко.

Двигатель на самой истошной ноте неожиданно умолк. Дальше предстояло идти пешком. Пограничники выпрыгнули из кузова. Здесь, на склоне, так же как в долине, росла густая, сочная трава, и в ней тревожно гудели кузнечики.

Домик пограничного поста отсюда казался спичечным коробком, лежащим у подножия противоположного хребта.

Младший сержант поставил наряду задачу на движение, назвал сигналы взаимодействия. Пограничники начали медленно подниматься по склону. С каждым шагом дышать становилось тяжелее — все-таки горы, три тысячи метров над уровнем моря.

На зеленом ковре травы то здесь, то там лежали серые валуны. Они росли прямо из-под земли. Сглаженные ветрами и дождями, камни были похожи на спины каких-то экзотических животных. Местами на них выступали кроваво-бурые пятна лишайника, таинственно сверкали прожилки слюды.

Пограничники шли напрямик, ориентируясь на «замок». Порою им приходилось спускаться в расщелины, и тогда становилось холодно, как в пог-

ребенку, и мрачный, сырой запах окутывал их. Но когда воины снова выбирались на склон — солнце мгновенно припекало спину и становилось нестерпимо жарко. Казалось, горы закалывают солдат, попеременно нагревая и охлаждая их.

В одной из складок наряд вспугнул стадо архаров. Стремительные животные бросились наутек, из-под копыт посыпалась мелкая галька. И только один самый крупный баран встал на утес, грозно наклонил тяжелые, крутые рога — прикрывал отход.

Ближе к гребню трава стала реже, а камни острее. Обогнув «замок», пограничники выбрали для своей позиции огромный валун, расположенный в километре от границы. Младший сержант указал, где расположиться каждому солдату, определил секторы наблюдения. Несколько часов под палящими лучами горного солнца пограничники бдительно несли службу. Видимость ухудшилась — испарения колебали воздух.

Юсупов первым заметил трех вооруженных всадников, подъехавших к линии границы.

— Товарищ младший сержант! — взволнованно воскликнул он.

— Вижу... — спокойно ответил старший наряда.

Гладков снял фуражку и, спрятавшись в тень, чтобы не сверкали стекла, приложил к глазам бинокль: всадники что-то обсуждали, показывали руками в сторону наряда. «Что это? Разведка?» — тревожно думал младший сержант.

Всадники тронули поводья и медленно поехали по гребню вдоль границы. И когда два первых скрылись за выступом скалы, последний придержал коня, торопливо достал что-то из-за пазухи, поднял вверх руку... Было видно,

что наездник специально старается привлечь внимание пограничников. В такой неестественной позе он стоял какую-то долю секунды, а потом под цокот копыт швырнул этот предмет на нашу территорию и тут же скрылся за скалой.

— Бросил что-то! — Острые глаза Юсупова отлично видели все и без бинокля.

Гладков повернулся к Ивченко, чуть охрипшим голосом приказал:

— Связь...

Николай быстро включил радиостанцию, вызвал начальника заставы. Младший сержант коротко доложил о происшествии.

— Разрешите скрытно выдвинуться к линии границы. Посмотреть, что там... — заканчивая доклад, предложил он.

— А если это ловушка?.. — Челноков немного помолчал, обдумывая ситуацию, потом сказал: — Сейчас прибуду с тревожной группой.

— Товарищ старший лейтенант... — Гладков смущенно кашлянул. — Мне показалось, что тот... ну, на сопредельной стороне... Он хотел сделать это незаметно для своих. Понимаете?

Начальник заставы после долгой паузы ответил:

— Резонно... Тогда будем действовать так: я пойду дозором вдоль границы — это явление обычное. Радиостанцию включу на прием. Вы наведете меня на то место, где произошел инцидент. Сможете?

— Так точно.

— До связи...

Через полчаса на гребне появились четыре конных пограничника. Гладков без труда узнал в первом из них старшего лейтенанта Челно-

кова — над его фуражкой упруго покачивалась гибкая веточка антенны.

И тут же в наушнике послышалось:

— Двадцать шестой... Я пятый. Как меня слышите? Прием.

— Пятый... Я двадцать шестой. Слышу вас хорошо. Прием.

— Двадцать шестой, передавайте...

Гладков напряженно всматривался в горный ландшафт.

— На левом фланге. Не доезжая десяти метров до уступа скалы. Рядом с большим круглым валуном...

— Понял.

Наряд не спеша, в нормальном темпе двигался вдоль границы.

— До валуна осталось пять метров.

— Понял.

Старший лейтенант чуть отъехал в сторону и на ходу, не слезая с коня, быстро нагнулся к земле. Затем наряд последовал своим обычным маршрутом.

Гладков и его товарищи с нетерпением ждали, когда закончится их дежурство...

Наконец пришла смена.

— Ну что там? — спросил Гладков старшего наряда.

Тот неопределенно пожал плечами:

— Начальник заставы разговаривал со штабом отряда. Приказ — усилить бдительность.

— И все?

— Пока все...

На обратном пути пограничники молчали.

Гладков разочарованно думал, что вся эта поднятая им тревога — видимо, сущие пустяки: кинул «сопредельщик» пустую пачку из-под си-

гарет, а он панику поднял. Но, трезво поразмыслив, младший сержант решил, что действовал правильно: на границе нет мелочей, об этом начальник заставы напоминал много раз, недаром он так внимательно отнесся к его сообщению... Это немного успокоило Gladkova, и он уже веселее глянул на своих притихших товарищей.

— Ну что, орлы?.. Завтра Международные спортивные игры открываются. Успеешь, Коля, антенну наладить?

Все знали, что недавно комсомольцы завода, на котором до армии работал Ивченко, прислали пограничникам подарок — специальную приставку, с помощью которой они смогут принимать телевизионные передачи даже в горах — прямо со спутника связи.

— Успею, — сухо ответил Николай.

«Здорово переживает парень, — сочувственно подумал Gladkov. — А чем ему поможешь?.. Только время вылечит...»

Машина подъехала к домику пограничного поста. Воины выпрыгнули из кузова, построились. Gladkov повел их в канцелярию, как всегда, четко доложил начальнику заставы:

— Товарищ старший лейтенант, за время несения службы признаков нарушения государственной границы не обнаружено.

— И что?.. Все? — чуть сощурив глаза, спросил Челноков.

— Так точно. Все... — смутившись, ответил Gladkov.

— А почему не докладываете о «главном»? — начальник заставы сделал особое ударение на последнем слове.

— Так вы все знаете, — совсем уже потухшим голосом сказал младший сержант.

— Знаю?..— со вздохом повторил Челноков.— Ничего я не знаю... Хотите посмотреть свой трофей?

Не ожидая ответа, старший лейтенант открыл сейф и достал из него небольшой сверток, сделанный из красной материи.

— Его легко было заметить,— пояснил он.— Такой цвет...

Начальник заставы развернул лоскут и достал из него сложенный вчетверо лист белой тонкой бумаги.

— Вот какое послание мы получили...

Пограничники подошли к столу. На листе, казалось детской рукой, был сделан странный рисунок. Поперек листа проходила тонкая линия, изогнутая вниз дугой. На ней стояли три рогатых четвероногих зверушки, по завитушкам, покрывающим спины, их можно было назвать овцами или баранами. Около каждого животного располагался человечек, изображенный таким же примитивным способом: палка-палка-огуречик... Это, видимо, были пастухи, но в руках каждый держал непонятный предмет, похожий на весло с изогнутым «заводилкой» концом. Под линией корявыми буквами было написано: СССР. А сверху, за «овцами» и «пастухами», на остром треугольнике, как на горе, стояло несколько человечков с папиросами во рту и рядом с ними на трех ногах какой-то прибор: небольшой прямоугольник, в центре — кружок, из которого исходил поток лучей.

Пограничники не отрываясь смотрели на таинственный рисунок. Было ясно, что это некий сигнал, что неведомый адресат хотел что-то сообщить им. Но что?.. Почему в такой нелепой форме?..

— Это ружья...— неожиданно громко сказал Гладков и ткнул пальцем на весла с «заводилкой».— Я, когда маленьким был, всегда так ружья рисовал. Вот приклад, а это...— Он указал на «заводилку».— Это штык...

— А что, весьма похоже! — оживился начальник заставы.— Значит, пастухи с ружьями... Так надо понимать? Нет, погодите, погодите...— Старший лейтенант возбужденно вскочил.— Не просто с ружьями, а с боевым оружием — поскольку штык!

Все многозначительно переглянулись.

— А это что? — Челноков прикоснулся кончиком карандаша к «прибору».— Проектор? Локатор? Оптика?.. — Начальник заставы пристально посмотрел на Ивченко.— Как думаете, связист?

Ивченко облизнул пересохшие губы, неуверенно сказал:

— Похоже, фотоаппарат... Три ноги, объектив...

Челноков потер пальцем переносицу.

— Допустим...— согласился он.— Ну, а все вместе? О чем это? Для чего?

Пограничники снова склонились над рисунком.

Полковник Виктор Семенович Гусев на предельной скорости ехал из штаба пограничного отряда на заставу Челнокова. Предгорья, выжженные безжалостным солнцем, даже к вечеру дымились от зноя и пыли. В первых числах апреля бушует здесь весна, но недолго — буквально несколько дней. И тогда кажется, что склоны каждый час меняют свою окраску: ярко вспыхивают одни цветы, тут же, на глазах, увядают,

уступив место другим. А сейчас — редко увидишь зеленый островок травы, преобладают желтые и коричневые тона.

Гусев уже получил от начальника заставы тщательный доклад, выслушал описание необычного рисунка, переброшенного через границу, и теперь, покачиваясь в такт ухабистой дороге, он старательно изобретал одну гипотезу за другой, а также соответствующие варианты действий пограничных нарядов. Там, на месте, изучив обстановку, он должен был из этих «домашних заготовок» выбрать окончательную версию, что, впрочем, не отвергало появление новой, совершенно оригинальной.

Существует мнение, что у бывалых пограничников есть особое «чувство границы». Это действительно так. Что касается Виктора Семеновича, то он впитал это чувство, как говорится, с молоком матери.

До семи лет Гусев безвыездно жил на заставе, которой командовал его отец. Жил по ее распорядку дня, встречая и провожая бойцов на границу, вскакивая с кровати во время неожиданных ночных тревог. Осенью 1941 года он должен был пойти в первый класс пограничного интерната. Но судьба распорядилась по-своему...

Да, никогда не забыть ему ту памятную июньскую ночь. Пограничный наряд доставил на заставу перебежчика, который, рискуя жизнью, переплыл пограничную реку. Это был польский коммунист. Он сказал, что утром фашисты начнут боевые действия. Отец передал сообщение в штаб отряда, заставка приготовилась к бою.

В 04.00 на границу обрушился огненный вал. И в историю пограничных войск навсегда вошло

донесение: «22 июня 1941 года в 07.00 после трех часов артподготовки противник силою до двух рот форсировал р. Буг и окружил 2-ю заставу пограничного отряда. Начальник заставы лейтенант Гусев, допустив противника на 100 — 150 метров, приказал открыть огонь и одновременно в нескольких направлениях контратаковать последнего. Противник от неожиданного удара обратился в бегство, оставив на нашей территории 75 человек убитыми. Наши потери: трижды ранен лейтенант Гусев».

Документ, правда, не указывал потери гражданского населения: в результате артобстрела первым же снарядом была убита мать Виктора.

Несколько суток держала застава круговую оборону. Четвертое, смертельное ранение получил лейтенант Гусев. И тогда политрук заставы ночным прорывом вывел оставшийся личный состав из окружения. Вместе с пограничниками был и Виктор Гусев. В кармане он нес удостоверение и партийный билет отца, и уже тогда на его «детском» счету было несколько сраженных фашистов — с пяти лет начальник заставы возил сына на стрельбище.

Группа пограничников так и не смогла соединиться с нашими войсками. В густых белорусских лесах она стала ядром партизанского отряда. И когда в 1943 году самолет увозил в тыл заревавшего от обиды разведчика Виктора Гусева, в его вещмешке в картонной коробочке лежал орден Красной Звезды.

Суворовское училище, пограничное училище, служба на Закавказском направлении, где в пятидесятые годы противник пытался «пробить коридор» для заброски своей агентуры, академия и

снова граница — вот этапы жизненного пути полковника Гусева.

Считается, что опыт приходит с годами. Может быть, и так... Трудно установить, по каким законам работает человеческая память, какие ассоциации связывают в ней один эпизод с другим. Кто объяснит, почему в докладе начальника заставы Виктора Семеновича особенно поразила одна деталь, заставив мгновенно осознать всю серьезность полученного сообщения: рисунок был завернут в красный лоскут, именно в красный... И сразу же, памятью детских чувств — удивительно яркой! — он вспомнил окровавленное лицо польского коммуниста, его сбивчивую, взволнованную речь: «Передайте Сталину! Через час они начнут! Через час...»

Старший лейтенант Челноков развернул перед Гусевым злополучный листок.

— Понимаете, товарищ полковник, — взволнованно говорил он. — Основные элементы рисунка мы вроде бы расшифровали. Но как объединить их в одно сообщение?.. — Начальник заставы взял карандаш, указывая, стал пояснять: — Эта изогнутая линия — перевал на границе... Недаром здесь, внизу, написано — СССР... Это стадо овец, среди которых идут солдаты... На горе стоят люди с фотоаппаратом...

Виктор Семенович, соглашаясь, кивнул:

— Да, все верно... Как он точно отобрал детали!

— Кто «он»? — удивился начальник заставы.

— Тот, кто рисовал. Хотел предупредить.

— Зачем же рисовать? Написал бы...

Полковник усмехнулся:

— Он русского языка не знает. Может быть, и по-своему писать не умеет — простой солдат...

— А как же — «СССР»?

— Ну, это он мог увидеть на плакате. Или на станках, на машинах — «сделано в СССР».

— О чем же он хотел предупредить?

Гусев встал, подошел к окну. Несколько секунд смотрел в сторону границы, затем резко повернулся и сказал:

— Завтра в Москве открываются Международные спортивные игры. Вы знаете, что реакционные круги пытались их бойкотировать. Теперь, в день открытия, им нужна сенсация, чтобы отвлечь внимание мировой общественности, а еще лучше — омрачить спортивный праздник каким-нибудь мерзким событием... Похоже, хотят устроить на нашей границе кровавую провокацию... — Полковник взял в руки листок, еще раз глянул на него. — Видите, эти... на горе, которые курят... — Гусев усмехнулся. — Это западные корреспонденты с сигарами во рту... Они будут снимать сенсацию: расстрел советскими пограничниками мирных пастухов...

— Как это расстрел?! — От неожиданности Челноков даже вспотел.

— Ясное дело... Если они просто откроют огонь по нашему пограничному наряду и получат достойный отпор — этим никого не удивишь. К тому же сейчас не те времена, чтобы так откровенно демонстрировать враждебность. Значит? — задумано тоньше... Пастухи гонят отару овец. Заблудились, случайно перешли границу... Бывает такое?

— Бывает, — подтвердил начальник заставы.

— Наш наряд замечает нарушение, спокойно выходит навстречу, чтобы предупредить об ошиб-

ке... А вместо пастухов идут переодетые солдаты. Пограничник подходит — внезапный удар кинжалом в живот. Вооруженное нападение! Кровь, крики... Бегут с кинжалами к другому... Как будут действовать твои бойцы?

— По инструкции...

— То-то... Откроют огонь... А этим,— полковник постучал пальцем по нарисованным на горе человечкам,— только того и надо... Красиво получится, на цветной пленке...

Старший лейтенант тихо спросил:

— Что же?.. Ради этих «красивых» кадров людей на смерть гонят?.. Как баранов...

— Такова логика «их» политики.

Челноков некоторое время подавленно молчал. Гусев сел, закурил, дал возможность старшему лейтенанту переварить всю эту неожиданную информацию. Наконец он сказал:

— Давайте вместе думать, что нам завтра делать в этой ситуации. Где план участка?

Начальник заставы встрепенулся, подошел к стене, отдернул занавеску.

— Может, отведем наряды в долину? — неуверенно предложил он.

— Это их не остановит... — покачал головой полковник. — Они пойдут до упора. Будут жертвы среди наших пастухов.

— А если мы как-нибудь дадим понять, что знаем об их намерениях?

— Ну и что? Они и так будут играть в открытую. Для них важен результат. Кроме того...

Гусев не успел закончить фразу — в дверь канцелярии постучали:

— Да... — Виктор Семенович оглянулся. — Войдите...

На пороге стояли Гладков и Юсупов.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться!

— Слушаю вас.

— Тут вот какое дело,— немного волнуясь, сказал Гладков.— Мы обсуждали... Кажется, поняли, что все это означает... И у нас есть план...

Выслушав младшего сержанта, полковник и начальник заставы выразительно переглянулись.

— Как же вы до этого докопались? — удивленно спросил Гусев.

Гладков понял, что полковник доволен им.

— Рядовой Ивченко монтирует приставку к телевизору, чтобы принимать передачи с Международных спортивных игр... Мы ему помогали. Разговорились, вспомнили всю эту шумиху в западной прессе... Потом как-то сама собой идея созрела. А предложил ее Юсупов...— младший сержант кивнул на товарища.— Он же башкир— прирожденный табунщик, в этом деле разбирается...

Полковник встал, энергично заходил по канцелярии, потом остановился и, весело глянув на Юсупова, оживленно воскликнул:

— Идея, прямо скажем, замечательная! Нужно посоветоваться с опытным чабаном...

А долина тем временем жила своей обычной жизнью. Пастухи готовились к ужину. У юрт сияли костры, в котлах дымилось ароматное варево.

Старый Шарип, поджав под себя ноги, сидел на толстом войлоке и поучал внука:

— Земля пахаря лежит, а земля чабана ходит. Не гони овцу через траву, гони траву через овцу. У овцы пять ртов: одним ест, четыремя топчет.

Хохочет внук, хорошо дед сказал, красиво...

Все мужчины в роду Шарипа были чабанами. И все вот так, вечерами, передавали младшим свой опыт. Современному молодому человеку трудно поверить, что устройство автомобиля изучить куда проще, чем понять, как же управляет чабан своей отарой. Человек не привязывает овец, редко делает изгороди. Овцы живут так же, как их дикие предки, они отдаются власти пастуха отнюдь не по доброй воле — они не приучены, они, скорее, подчинены. И нужно несколько лет прожить бок о бок с чабаном, чтобы понять его «науку управления».

Правда, сам Шарип никогда не думал, что он целый «университет». Он просто пас овец, как это делали его деды и прадеды. Сыновья выросли — повели свои отары, а теперь внуки подрастают.

Яркий свет фар вырвался из темноты. Шарип встал, увидел: к юрте подъехал военный «уазик». Из машины вышел полковник Гусев и молодой начальник заставы. Шарип знал их, улыбаясь, пошел навстречу.

— Салам алейкум, Шарип-ага! — приветливо сказал Виктор Семенович.

— Здравствуйте, здравствуйте! — с поклоном отвечал чабан и в знак особого уважения протянул гостям сразу две руки.— Проходите к огню, достархан готов.

— Спасибо, аксакал. Некогда нам. Нужна твоя помощь.

Шарип понимающе кивнул. Внук с восторгом смотрел на деда...

Если командир по каким-либо причинам не знает или до поры скрывает точную дату начала боевых действий, он определяет ее спе-

циальным военным термином: ВРЕМЯ «Ч».

В приказах, которые на следующий день отдавал полковник Гусев, под ВРЕМЕНЕМ «Ч» понимался тот час, минута и секунда, когда на территорию СССР вступят провокаторы.

Каждый пограничник четко понимал свою задачу. Глубокой ночью вышли заслоны и незаметно замаскировались на склоне хребта. Они должны были пресечь движение нарушителей в наш тыл, если основной план неожиданно сорвется.

Ранним утром, как обычно, наряд младшего сержанта Гладкова отправился на охрану границы. Поднявшись на перевал, воины заняли позицию в районе каменного «замка». Вскоре от заслона по горной складке к ним скрытно перебрались полковник Гусев, начальник заставы Челноков и старый чабан Шарип.

В 10 часов 13 минут над изогнутой линией перевала появилось мутное облачко пыли.

— Товарищ полковник... — дрогнувшим от волнения голосом сказал Гладков. — Гонят... Овец гонят...

В эфир полетели слова:

— Внимание! Время «Ч»... Внимание! Время «Ч».

Отара выползала на гребень. Ее огромная серо-бурая масса шевелилась, колыхалась и неутомимо двигалась вперед. Перевалив через седловину, стадо, растекаясь, медленно приближалось к пограничникам. Десять «пастухов» — отделение! — понуро брели рядом с овцами. Рослые, широкоплечие, они шли обреченно, воистину, как бараны на заклание.

До схватки оставалось несколько минут.

Животные шли туда, куда их гнали.

А люди?.. О чем думали в этот момент люди? Полковник Гусев пристально глянул на чабана. Неужели Шарип один повернет назад эту толпу? Ведь у нее свой «хозяин». Он приказал ей двигаться сюда... Сможет ли чабан в считанные секунды перехватить управление чужой отарой? Если нет?.. Она навалится на наряд... Выдержат ли заслоны?..

Старший лейтенант Челноков, прильнув к биноклю, всматривался в лица «пастухов». Понимают ли они, что их послали на смерть? Ради чего?.. Ради глупости, грязного скандала, нужного кучке ошалевших негодяев... Если понимают, что чувствуют сейчас? Почему так покорны?.. Что это: фанатизм, страх или просто скотская тупость, полное безразличие к происходящему?..

Младший сержант Gladков был уверен в благополучном исходе задуманной операции. Он сразу уловил, что Шарип мастер своего дела. Сейчас это произойдет... Олег будет рядом. Он должен охранять чабана. Он сделает все, чтобы старый Шарип был цел и невредим. Если нужно, прикроет его своим телом. Он выполнит приказ...

Коля Ивченко, сидя у радиостанции, не отрываясь глядел на полковника Гусева. Он был готов тут же передать любое его распоряжение. Но мысленно он был с ребятами, которые пойдут сейчас навстречу стаду. Он слышал неясный гул, ему было немного жутковато, но, несмотря на это, он хотел, страстно хотел в тот решающий миг очутиться рядом с товарищами...

Юсупов быстро нашел общий язык с чабаном. Он предложил ему: нужно искать вожака. В табуне он всегда руководитель. Это умный, силь-

ный жеребец. Он первым вступает в бой с волками, он уводит стадо от опасности, с ним нужно искать контакт, на него воздействовать...

Но старый Шарип знал: у овец все по-другому... Только в толпе им хорошо. Правда, есть и такие, терпению которых наступает предел: страх становится всепоглощающим... И тогда они бегут, а за ними стремглав летят другие, отрешенно, напролом, прорывая любую преграду... Нужно найти самых трусливых... И Шарип, сощуривав узкие глаза, внимательно изучал отару.

— Пора!.. — наконец сказал он и первым выскочил из-за камня.

Старый Шарип стремительно бежал вперед. Гладков и Юсупов едва поспевали за ним. Чабан подскочил к левому краю отары, схватил овцу... Пограничникам показалось, что он просто шепнул ей что-то на ухо. Но бедное животное, брошенное на землю, с диким блеянием кинулось обратно — к перевалу... Шарип, как ястреб, кружился вокруг отары. Он хватал то одну, то другую овцу... И вот уже стадо превратилось в ревущий, обезумевший поток. Оно летело назад, сметая все на своем пути, мимо «пастухов», подминая их под себя, топча, разбивая в кровь их лица... Один из нарушителей выхватил кинжал, попытался пробиться к Шарипу. На его пути встал Гладков. Умелым приемом он выбил оружие из рук лазутчика. Тот вскрикнул, покачнулся, и тут же его опрокинула волна ошалевшей, вышедшей из повиновения отары.

Через несколько минут все было кончено. Только дымное марево клубилось над перевалом.

...Вечером все свободные от службы пограничники собрались у цветного телевизора. Передавали репортаж об открытии Международных

игр. Там, в далекой Москве, люди разных национальностей радовались, ликовали, готовились к предстоящей спортивной борьбе, и никто из них даже не подозревал, какие события на границе предшествовали этому празднику.

Старый Шарип, окруженный солдатами, сидел на почетном месте, восторженно цокал языком. Правда, ему было неудобно на стуле, а попросить войлок он стеснялся...

Ветеран

I

Под утро снилась война... Откуда-то из темноты выплыл белый прямоугольник света. Сначала в нем ничего не было видно, а потом в клубках дыма возникли зеленые фигуры. Мерно покачиваясь, они бежали по склону, впереди каждой из них полыхал маленький розовый огонек.

Сахненко понял, что смотрит сквозь амбразуру дота. И снова, как тогда, с леденящей тоской осознал — остался один...

Пулемет валялся рядом. У него было оторвано левое колесо, а щиток перекутило взрывом, как крышку консервной банки. В доте стоял кислый запах пороха и крови — снаряд противотанковой пушки угодил прямо в амбразуру.

Собрав силы, Сахненко встал на колени. Взгромоздил пулемет на поворотный круг. Проверил приемник, ствольную коробку — оружие могло вести огонь. Он заправил новую ленту и прильнул к прицелу. Фашисты шли в полный рост, не страшась, уверенные в своем успехе. Сахненко нажал на гашетку — дрожь пулемета болью отозвалась в раненой руке. Он видел, как сраженные свинцом гитлеровцы валялись на камни. Видел их искаженные от крика и ужаса лица. Видел, как от разрыва гранаты поднялась рядом с дотом земля... И все это в абсолютной тишине.

Цепи фашистов скатились вниз, сосредоточи-

лись в лощине. Затем на вершине противоположной высоты вспыхнуло алое пламя, и тут слух неожиданно вернулся: он услышал — снаряд с хрустом ударил в стену дота.

Пушка противника была прямой наводкой. Второй снаряд разорвался у самой амбразуры. Сахненко рухнул на землю. По лицу текла кровь. Он вытер ее рукавом гимнастерки, прислушался. Осколки со свистом врывались в проем амбразуры. В промежуток между выстрелами он выглянул в бойницу: под прикрытием орудия гитлеровцы медленно поднимались по склону.

Укрывшись за бетонной стеной, Сахненко перевел прицел для ближнего боя и стал терпеливо ждать. Враги были уже в восьмидесяти метрах. Семьдесят метров... Шестьдесят... Артиллеристы прекратили огонь, боясь поразить своих. И в это же мгновение казалось бы изуродованный, трижды подавленный дот снова ожил — пулемет в упор бил по врагу.

Потом появились самолеты. Раздался душераздирающий свист бомб. Вой нарастал, приближался... Сахненко невольно зажмурился, ждал взрыва, но его все не было, не было...

«Ну, когда же наконец?» — раздраженно подумал он и открыл глаза...

Солнечный свет пробивался в проем между гардинами и падал прямо на подушку. Сахненко смахнул со лба капельки пота. Затем неторопливо встал, вышел на крыльцо. Белую кипень вишневого сада колыхал теплый утренний ветерок. Он прошел по песчаной дорожке к калитке, открыл почтовый ящик. На ладонь выпала газета и конверт со штемпелем войсковой части. Сахненко вскрыл его и стал неторопливо читать.

«Уважаемый Иван Петрович! Нам выпала

честь охранять тот участок границы, на котором в годы войны Вы и Ваши боевые товарищи бились с жестоким врагом, защищая родной Севастополь. Мы свято помним о тех героических днях и в канун годовщины Великой Победы приглашаем Вас побывать в нашей части, встретиться с молодыми воинами, посетить вместе с ними места былых боев...»

Дальше Сахненко читать не мог. Внезапно набежавшая слеза затуманила буквы. Он поднял голову, увидел над собой необъятное голубое небо и улыбнулся.

2

Легковая машина, напряженно гудя мотором, поднялась на высшую точку перевала и затем весело покатилась вниз по извилистой шоссе-сейной дороге. Впереди, как на макете, лежал Южный берег Крыма. Изумрудно сверкало море, стройные шеренги виноградников пересекали склоны и долины, светлые корпуса здравниц сливались с белой пеной прибоя. Солнце освещало всю эту яркую панораму, заставляя ее играть красками, тенями, и казалось — нет на земле места более мирного и безмятежного, чем этот райский уголок природы.

Сахненко с интересом смотрел в окно. «Неужели это та же земля?..» — изумленно думал он. И перед его мысленным взором всплывали другие картины: перепаханные снарядами поля, едкий черный дым, застилающий небо, трупы, прибитые волнами к берегу...

Из-за поворота появился знакомый профиль горы Аюдаг. А за ним, окруженные паутиной листвы, виднелись крыши нарядных зданий.

— Артек! — весело сказал офицер, сопровождающий Сахненко.— Заедем?.. Там у нас несет службу пионерская застава.

Скрипнув тормозами, машина свернула к морю и вскоре остановилась у ворот маленького военного городка: застава, наблюдательная вышка, спортивные площадки...

Часовой — крепкий, ловкий «мальчиш» в пилотке и рубашке защитного цвета — лихо козырнул офицеру и побежал докладывать командиру о прибытии гостей.

— Здесь отдыхают юные друзья пограничников,— пояснил офицер.— Все у них, как на настоящей заставе: боевой расчет, наряды, узел связи... В общем, играя — учатся!

В это время раздался призывный звук горна, и на аллее появился строй мальчишек и девчонок: красные галстуки, зеленые фуражки, бескозырки, гюйсы... Сахненко, улыбаясь, глядел на этот ручеек радостных детских лиц и вспоминал свое детство.

...В чисто выбеленной, увешанной рушниками комнате стоял таинственный сундук. Собственно говоря, по внешнему виду ничего необычного в нем не было. Загляни в любую хату села, и в каждой найдешь такой — тяжелый, окованный железными обручами, покрытый домотканым ковриком. В них хранят шитые узорами сорочки, пестрые ленты, выходные, мазанные салом, сапоги. Но этот сундук все-таки был особенный. Чуть только шелкал с мягким звоном замок, и начинали скрипеть старые петли — Иван был уже тут как тут. Его не интересовали ни монисты сестер, ни яркие ленты, ни черевички. Он с нетерпением ждал той минуты, когда мать доберется до дна. Там, на дне, лежала аккуратно сложенная матросская форма:

потертый бушлат с блестящими пуговицами, брюки, полосатая тельняшка и флотская бескозырка, на ленточке которой потускневшими от времени золотыми буквами было написано: БРО-НЕНОСЕЦ «КНЯЗЬ ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ».

Да, отец Ивана в 1905 году служил на этом легендарном корабле. Мечтал он тогда о счастье трудового народа, и когда на броненосце вспыхнуло восстание, его молодая душа свято верила: наконец-то счастье, как утренняя зорька, засияло над родной землей. Но не так случилось, как думалось и хотелось.

Потом были арест, тюрьма, побег... Но вера не гасла: прошел с нею Сахненко сквозь все испытания. А когда была завоевана лучшая доля, принес он на Днепровщину, в белую хату флотскую форму, как память о своей матросской славе. Жинка вычистила ее, пересыпала махоркой, чтобы не поела моль, и уложила на самое дно размалеванного узорами сундука.

Раз в году, в погожий весенний день, содержимое сундука выносили во двор. Весть об этом сразу облетала всех ребятишек села. Они повисали на плетнях и, вытаращив глаза, восторженно глядели, как ветерок колышет тельняшку, брюки, бушлат и бескозырку. Даже взрослые, и те норвили пройти мимо, чтобы взглянуть на историческую форму.

Однажды, когда дома никого не было, Иван нашел ключ от заветного сундука. Открыл его и осторожно вытащил форму. Он облачался в нее медленно и торжественно. И хотя бушлат висел на нем, непомерно длинны были брюки и бескозырка сползала на глаза, но все равно он почувствовал себя настоящим матросом.

Иван глянул в зеркало и обомлел — сзади, на пороге, стояли родители.

— Ты что робыш? — испуганно воскликнула мать. — Ну-ка, снимай! Живо!

Но Ивана — послушного, тихого Ивана — точно подменили. Он стоял посреди горницы, высоко подняв голову, и строго ответил:

— Не сниму.

Мать растерянно опустила руки.

— Не сниму! — твердо повторил Иван.

Отец поглядел на мальчонку удивленным взглядом, обошел его со всех сторон и вдруг серьезно сказал:

— Не мешай ему, мать, пусть привыкает...

Пролетели годы. И вот посреди двора пограничного отряда, как некогда посреди горницы, стоял двадцатилетний Иван Сахненко. Была на нем пригнанная по росту, но не совсем привычная после пиджака нараспашку, форма, а сердце стучало так же радостно, как тогда в детстве.

А потом был первый выход на границу. Иван Петрович на всю жизнь сохранил его в памяти.

...Дождливый, ветреный вечер. Наряд пересек шоссе и углубился в буйные заросли кустарника. Холодно, мокро... Сахненко поднял капюшон плаща. Старший наряда, заметив это, строго спросил:

— А слушать кто будет?

Ивану стало неловко, и он поспешно сбросил капюшон.

Петляя по кустарнику, пограничники наконец выбрались на крутую, скользкую тропинку и спустились по ней к берегу. Шумел ливень. Грозно билось о прибрежные скалы Черное море. Дозор, внимательно осматривая каждый камень, медленно пошел по самому краю родной земли...

Вскоре Сахненко освоил все премудрости не-

легкой пограничной службы. Он мастерски стрелял из всех видов оружия, великолепно знал приемы рукопашного боя и даже входил в сборную команду отряда по «пограничному многоборью». Все это затем пригодилось ему в тяжелых, кровопролитных боях. А война была не за горами...

3

Машина быстро приближалась к Севастополю. Слева промелькнули Балаклавские высоты — там держал оборону их пограничный полк. Справа дыбилась Сапун-гора. На ней наши войска вдребезги разбили фашистские части. Но это было уже позже — в 1944 году...

Навстречу автомобилю выбежали окруженные скверами и газонами кварталы новостроек, стеклянные кристаллы современных магазинов и кафе. А затем появились «классицистского» обличия послевоенные постройки из такого знакомого белого инкерманского камня.

Поколесив по улицам города, автомобиль снова выехал к морю и остановился у двухэтажного здания заставы.

Сахненко торопливо вышел из машины. У входа висела плита, сделанная из серебристого металла. На ней было выбито: «Пограничная застава имени Героя Советского Союза Рубцова Герасима Архиповича, героически погибшего в июле 1942 года».

Во дворе стоял памятник герою. Сахненко подошел к нему, пристально вглядывался в знакомые черты командира... За спиной кто-то деликатно кашлянул. Иван Петрович оглянулся. Перед ним стоял невысокий, сухощавый офицер.

— Разрешите представиться. Начальник за-

ставы майор Подлесный. Здравствуйте, Иван Петрович! — Они обменялись крепким рукопожатием. — Прошу на заставу. Посмотрите, как живут нынешние пограничники...

Пройдя увитое виноградной лозой крыльцо, они вошли в здание. Сахненко с удовольствием окинул взглядом холл: широкая ковровая дорожка, в нише — стройный ряд шинелей. Усмехнулся, заметив надпись «Заправься!», сделанную прямо на поверхности большого зеркала.

Сахненко и начальник заставы поднялись на второй этаж, заглянули в одно из спальных помещений; аккуратно заправленные кровати, возле каждой — коврик, белая табуретка.

Затем они прошли в комнату Боевой Славы — настоящий маленький музей. Сахненко рассматривал фотографии, сделанные фронтовыми корреспондентами, узнавал лица боевых друзей. Прикоснулся рукой к реликвиям, найденным молодыми воинами на местах былых сражений: поржавевшая каска, граненый русский штык, исковерканный взрывами пулемет «Максим» — не его ли? С удивлением увидел на стенде свой портрет — молодцеватый ефрейтор смотрел смело и немного даже дерзко, словно хотел сказать: «Что, Ваня, не узнаешь?»

— Иван Петрович, — прервал его раздумья офицер. — Давайте пройдем на пост технического наблюдения. Это недалеко... Поглядите, как мы несем службу.

Рядом с заставой стоял небольшой приземистый домик, прочно вросший в скалу цементом и бетоном. Над ним медленно кружилась продолговатая антенна.

По каменным ступеням они спустились вниз, открыли дверь — и сразу попали в полумрак боль-

шой комнаты, заставленной аппаратурой: таинственно мерцали розовые неоновые лампочки, светился экран локатора, гудели генераторы...

Сахненко сел в кресло оператора. Яркий луч описывал круг, и за ним, как по велению волшебной палочки, вспыхивали знакомые очертания берега, плывущие в море маленькие «утюжки» кораблей, зеленые барашки волн...

Возвращаясь на заставу, Сахненко взволнованно думал: «Да, вот она теперь какая — пограничная служба... Не пост наблюдения, а научная лаборатория!»

На крыльце их ждал дежурный.

— Весь свободный от службы личный состав собран для беседы! — радостно доложил он.

Сахненко вошел в зал и... оробел.

А солдаты смотрели на него внимательно, с любопытством. Они ждали, что расскажет им ветеран.

4

Пограничные заставы Крыма в течение многих суток сдерживали массивированный натиск врага. Отходя к горам, они были отрезаны от основных сил армии. Отчаянно пробивались наши воины к Севастополю. Из пограничников, вышедших из окружения, был сформирован отдельный стрелковый полк. Командиром полка назначили майора Рубцова — он вывел из «кольца» самую большую группу пограничников.

Вблизи казарм морского училища Рубцов впервые обходил строй своего полка: худые, осунувшиеся лица, выгоревшие, прожженные огнем гимнастерки с зелеными петлицами, побуревшие от крови бинты на ранах... Казалось, что могут сделать эти люди против вооруженного до зубов,

получившего свежее подкрепление врага? Но Рубцов знал: это были уже закаленные в войне солдаты, каждый из них стоил десятерых...

Маленький, коренастый Сахненко стоял на левом фланге. Он сразу узнал Рубцова. До войны этот офицер служил в штабе войск округа и как-то на окружных соревнованиях по стрельбе вручал ему приз за первое место.

«Вспомнит он меня или нет?» — взволнованно думал Иван.

Рубцов прошел мимо, взгляд его был сосредоточенным, строгим. Неожиданно командир остановился, обернулся. Чуть заметная радость вспыхнула в его глазах.

— Сахненко? — глухо спросил он.

— Так точно, товарищ майор.— Пограничник сделал шаг вперед.

— Это хорошо, что ты здесь...

И все. Пошел дальше. Затем вернулся, встал на большой камень так, чтобы его видели и слышали все, и, громко, четко выговаривая каждое слово, стал говорить:

— Товарищи, нам поручено оборонять район Балаклавы. Хочу, чтобы вы знали правду: это один из самых тяжелых участков. Враг, не считаясь с потерями, рвется к Балаклавской бухте, стремясь захватить выгодную стоянку для своих кораблей и отсюда наносить удары по морским коммуникациям Севастополя...

Рубцов на какую-то секунду замолчал, затем чуть тише сказал:

— Не буду от вас скрывать: нас, пограничников, специально направили на этот участок... Командование верит, что мы выстоим.

Прибыв на рубеж обороны, Рубцов сразу оценил обстановку: противник овладел господствующей

щими над местностью высотами. Когда он подтянет артиллерию, то на головы пограничников обрушится шквал снарядов и мин. А посему — первым делом нужно строить надежные укрепления. Дни и ночи пограничники долбили камень, прокладывали траншеи, ходы сообщения, сооружали блиндажи.

Вскоре фашисты начали штурм. Они пытались с ходу овладеть этим важным рубежом. Но пограничники выдержали первый удар, отбили все атаки врага. В те дни ствол пулемета Сахненко был раскален добела, краска пузырями вскипала на нем.

15 декабря 1941 года гитлеровское командование отдало приказ о «последнем большом наступлении» на Севастополь. Около трех суток шло непрерывное сражение. И вдруг — радостная весть облетела всех защитников города: наши войска успешно провели Керченско-Феодосийскую десантную операцию. Фашисты были вынуждены прекратить активные боевые действия под Севастополем, перебросили часть сил на Керченский полуостров. На Балаклавских высотах наступило относительное затишье. Не осмеливались гитлеровцы атаковать позиции пограничного полка, но зато усилился артиллерийский и минометный обстрел. А снайперы противника буквально не давали ходу нашим бойцам. Передвижение осуществлялось только ночью.

Как-то Рубцов вызвал в свой командирский блиндаж Сахненко.

— Товарищ майор, по вашему приказанию прибыл.

— Иван Петрович, — доверительно сказал Рубцов, — мне докладывали, как ты «работаешь» на пулемете. А вот «инструмент» не забыл?—

Майор кивнул в угол блиндажа — там лежал продолговатый зеленый ящик.

Сахненко подошел к нему, приподнял крышку: в ячейках ящика блестели новенькие снайперские винтовки.

— Откуда? — радостно воскликнул он.

— «Большая земля» подбросила, — пояснил Рубцов. — Так что выходи, Иван, на «охоту».

За несколько дней Сахненко уничтожил более десятка гитлеровских стрелков, наводчиков орудий, офицеров-артиллеристов, а затем стал обучать своему искусству товарищей. И его ученики метким огнем прикрывали передвижение наших подразделений. Теперь уже фашисты боялись высунуть нос из укрытий.

Наступил 1942 год... Пограничники продолжали удерживать свои позиции, ведя активную оборону, истребляя живую силу и боевую технику врага. Почти ежедневно в тыл противника направлялись разведывательные группы. Ивану Сахненко и его товарищам, как опытным бойцам, поручались самые ответственные задания.

...Впереди фашистских окопов и позади них тянулись широкие минные поля. Они прикрывали гитлеровских захватчиков, мешали проникать советским разведчикам в тыл врага для связи с партизанами, действовавшими в лесистых районах Крыма. Поэтому нужно было доставить командованию «язык», который мог бы сообщить сведения о системе укреплений и расположении минных полей противника. Группа пограничников, которой командовал Сахненко, под покровом ночи «просочилась» в тыл врага. После долгих поисков разведчики обнаружили фургон «инженеров». Притаившись возле него, наши бойцы терпеливо ждали. Наконец дверь фургона откры-

лась, в луче света блеснул офицерский погон.

— Будем брать!..— прошептал Сахненко товарищам.

Включив фонарик, гитлеровец пошел по тропинке к штабу. По сигналу пограничники набросились на него. В первые же мгновения схватки Сахненко почувствовал что-то неладное. Рослый фашист оказался крепким орешком. Пришлось применить все силы и знание специальных приемов, чтобы уложить его и связать. С большим трудом доставили разведчики свой «ценный трофей» командованию. Остаток тревожной ночи Иван проспал воистину мертвым сном. Утром его вызвали в штаб. Выслушав доклад пограничника, Рубцов, еле сдерживая улыбку, спросил:

— Товарищ ефрейтор, знаете кого вы «добыли» сегодня ночью?

— Мы так поняли, что это офицер инженерной части,— взволнованно ответил Сахненко.— А что, не так?..

— Это правильно! — уже откровенно расхохотался майор.— Но, кроме того, он — чемпион Германии по боксу.

— Да ну?..— удивился Иван.

— Хотите посмотреть на него при дневном свете?

Они зашли в соседнюю комнату. Здесь шел допрос: здоровый детина сидел на табуретке и, подобострастно отвечая на вопросы, скромно держал на коленях теперь уже бесполезные огромные кулаки.

Офицер разведки обратился к фашисту по-немецки. Гитлеровец глянул на Ивана, окинул его взглядом, недоверчиво покачал головой.

— Не верит! — расхохотался разведчик.

В июне 1942 года фашисты, стянув все войс-

ка, имевшиеся у них в Крыму, начали последний штурм Севастополя. Иван Сахненко был в составе пулеметного взвода, оборонявшего на важном направлении высоту 96,4. День и ночь ее обстреливала артиллерия, бомбила авиация. Защитники высоты в течение восьми суток отражали вражеские атаки. 12 июня в живых остался один Иван Сахненко...

5

Сахненко комкал в руках мокрый от пота платок и старался не смотреть в глаза начальнику заставы.

— Не умею я выступать,— горько говорил он.— Испортил все...

— Ничего. Нормально,— утешил его майор Подлесный, но по его интонации чувствовалось, что он тоже разочарован.

Солдаты деликатно похлопали. Потом по отработанной программе встал комсорг и бодро сказал:

— Иван Петрович, завтра у нас зачетные стрельбы. Приглашаю вас посмотреть на нашу боевую выучку.

Утро следующего дня было, как назло, пасмурным, накрапывал мелкий дождь. Строевые машины с ревом подъезжали к учебному центру. Сахненко, подняв воротник плаща, вышел из кабины.

Прозвучала команда — застава выстроилась у огневого рубежа. На лицах некоторых молодых солдат была растерянность: мишени плохо просматривались в тумане.

Сахненко прошелся вдоль строя. Ему хотелось как-то подбодрить ребят, помочь им. Вче-

ра вечером он со многими из них познакомился.

И вдруг он решительно подошел к начальнику заставы.

— Товарищ майор! Разрешите мне выполнить упражнение?

Офицер удивленно вскинул брови, недоверчиво посмотрел на ветерана.

— Не волнуйтесь...— успокоил его Сахненко.— Старый снайпер не подведет.

Сахненко вышел на огневой рубеж. Темно-зеленые мишени маячили вдалеке. Квадратные, омерзительные каски. Ему даже показалось, что они покачиваются в тумане, движутся навстречу. Он торопливо занял позицию. Щелкнул предохранитель, лягнул затвор. Знакомый запах оружейного масла, холод вороненой стали, тепло полированного приклада — все это тревожило, будило в памяти отточенные когда-то до совершенства навыки. И руки сами находили удобное положение, глаз привычно ухватил прорезь прицела. «Спокойно...» — приказал себе Сахненко. На какую-то секунду он задержал дыхание и мягко нажал на спусковой крючок.

Гремели выстрелы. Трассирующие пули впились в темно-зеленые фигуры. «Готов!» — про себя радостно отмечал Сахненко и тут же наводил мушку на следующего. Мишени падали одна за другой...

Солдаты с восхищением наблюдали за действиями ветерана.

— Вот так мы их и били! — строго сказал Иван Петрович, возвратившись к строю.— А теперь — вперед!

Собранные, сосредоточенные выходили молодые воины на огневой рубеж. Застава выполнила упражнение на «отлично»...

На обратном пути машины завернули к Балаклаве, подъехали к знаменитой высоте 96,4. Пограничники, обнажив головы, медленно поднялись на вершину. На ней сохранились остатки дота, траншеи заросли травой, но все же система обороны четко просматривалась.

— А это — воронки от разрывов авиабомб, — сказал Сахненко, указывая на огромные ямы, которые как следы оспы покрывали склоны высоты. — Досталось нам тогда.

...Три часа, израненный, контуженный, он продолжал один удерживать высоту. К вечеру фашисты, отказавшись от лобовых атак, решили обойти позицию с фланга. Сахненко вовремя заметил их. Он грудью развернул пулемет и, преодолевая боль, снова открыл огонь. В сумерках он видел, как металась из стороны в сторону гитлеровцы, как бежали они, бросив оружие...

Выскочил из коробки хвост последней ленты. Пулемет замолчал. Было тихо, но Сахненко ждал. Не верилось, что наступил конец долгому бою. Ему все еще чудилось, что вот-вот оживут эти камни на склонах. Да и камни ли это? В тусклом свете луны они казались притаившимися солдатами, ждущими только сигнала, чтобы еще раз ринуться в атаку. Но никто не давал сигнала, никто не стрелял, никто не бежал. Тогда Сахненко решил выйти из развалин дота, чтобы ракетами сообщить на командный пункт батальона, что он жив, ждет поддержки. Покачиваясь, прислонившись к бетонной стене, он достал ракетницу. И вдруг из темноты вынырнул человек. Луна осветила его широкое, заросшее щетиной лицо. Это был гитлеровский офицер. Сахненко запомнил его — он смело бежал впереди цепи, размахивая автоматом, призывно кричал.

«Значит, остался жив. Притаился в воронке. Дополз-таки...» — зло подумал Иван и медленно вытащил из-за голенища кинжал.

Фашист тоже заметил нашего бойца. Издав звериный рык, он кинул в него гранату. Взрывная волна бросила Сахненко прямо на офицера. Падая, он увлек гитлеровца за собой, изо всех сил вонзил в горло врага острое стальное лезвие...

Утром высота снова была в наших руках. Пограничники нашли Ивана Сахненко, лежавшего без сознания под заколотым фашистским офицером.

Перед отправкой в госпиталь к нему пришел Рубцов.

— Отвоевался я, товарищ майор, — чуть слышно прошептал Иван.

— Что ты, Ваня? — ободряюще сказал командир полка. — Гони эту мысль из головы. Мы с тобой разобьем эту сволочь и будем снова охранять нашу границу. Ты ведь прирожденный пограничник: кончишь училище, станешь офицером...

7

Одно из самых живописных мест Крыма — мыс Фиолент: разноцветные скалы окаменевшим водопадом падают в море.

Машина пограничного отряда подвезла Сахненко к бывшему монастырю. Потом он попросил оставить его одного и, прихрамывая, не спеша пошел к берегу.

Здесь был последний бой его полка... Здесь погиб его командир.

...Бойцы Отдельной Приморской армии, моряки, пограничники сделали все, что было в их си-

лах. 30 июня 1942 года советское командование приняло решение эвакуировать защитников Севастополя. Полк Рубцова получил приказ держаться до последнего, прикрывая отход наших войск.

Сдерживая натиск врага, пограничники с боями отходили к мысу Фиолент. Под обрывистыми прибрежными скалами Рубцов организовал оборону. Фашисты орали в рупоры, уговаривали наших бойцов сдаваться, но израненные, голодные пограничники готовы были биться до конца.

В глубокой пещере был теперь штаб командира. Здесь он разработал свою последнюю операцию. Ночью по крутым тропинкам, по лестнице, спускающейся к морю, по отвесным скалам стали подниматься пограничники в атаку на врага. Рубцов шел в первых рядах, личным примером воодушевляя своих солдат.

Это был страшный бой... Многие фашисты нашли смерть в той беспощадной, жестокой схватке. Но слишком неравные были силы... Гитлеровцы ослепили прожекторами наших воинов, обрушили на них огонь орудий, пулеметов и минометов. Почти все пограничники погибли. Лишь немногим удалось прорваться к партизанам Крыма. Они-то и поведали миру о беспримерном подвиге пограничного полка и его бесстрашного командира...

Иван Петрович сидел на гранитном валуне. Волны били о скалы. Этим скалам тысячи лет. Они многое видели...

О чем думал ветеран?

Да, он не был тогда со своим полком. Он остался живым — война пощадила его. Прошли годы, и он выполнил наказ Рубцова: когда ненавистного врага смели с нашей земли, Сахненко

стал офицером-пограничником. Он охранял рубежи Родины на самых ответственных участках: на Дальнем Востоке, в Средней Азии... До конца своей жизни он будет считать себя пограничником.

С гор набежали тучи, снова заморосил мелкий дождь.

Иван Петрович услышал чьи-то шаги. Он обернулся. Это был майор Подлесный. Начальник заставы подошел к Сахненко, молча укрыл его плечи плащ-накидкой.

— Спасибо, сынок...

Иван Петрович, опершись на руку офицера, поднялся с камня и вдруг увидел: по берегу шли три пограничника. Они зорко всматривались, чутко прислушивались к шуму волн.

Подлесный помахал им рукой.

— Видите, в середине долговязый парнишка топает,— усмехнувшись, сказал майор.— Ваш земляк. Он на заставе недавно. Это его первый наряд...

Вот солдаты подошли к пещере, где когда-то был штаб Рубцова. Они остановились и минуту молча стояли у входа. Затем наряд пошел дальше и вскоре скрылся за скалой...

Прыжок

1

Когда на учебном пункте нас первый раз в сапогах вывели на физподготовку, я тут же вспомнил тренера. У него была своя метода: разминку мы проводили в специальных поясах, набитых дробью. Перед самым прыжком снимали их, и во всем теле мгновенно появлялось ощущение необычайной легкости, прямо-таки невесомости... А вот до сапог тренер не додумался, и я, усмехнувшись про себя, решил обязательно ему об этом написать.

Сержант, который проводил с нами занятия, дал команду:

— Бегом — марш!

Мы побежали вокруг спортплощадки. Сразу же некоторые солдаты захромали.

— Стой! — громко крикнул сержант. — Снять сапоги!

Он стал ходить вдоль строя и каждому показал, как правильно наматывать портянки, чтобы они не гробили ноги во время бега.

— Для пограничника это одна из самых важных наук... — поучал сержант.

— А я слышал, что когда за шпионом бегут, то сапоги скидают? — серьезно спросил белобрысый паренек, у которого на пятках уже появились мозоли.

— Это вот такие, как вы, умельцы и «ски-

дают», — в тон ему ответил сержант, и все засмеялись.

Когда подошла моя очередь, сержант окинул меня взглядом с ног до головы и строго спросил:

— А вы почему не разуваетесь?

— У меня все в порядке... — дружелюбно ответил я.

Это было действительно так... В тот день, когда меня провожали в армию, мама устроила вечеринку для «друзей и подруг». В самый разгар веселья раздался звонок — на пороге стоял тренер. После того рокового прыжка я не видел его полгода. Этот приход был для меня неожиданностью.

— Ну-ка, дыхни! — зло сказал тренер.

Я с детства привык ему подчиняться, поэтому не задумываясь исполнил его приказ. Хотя сейчас эта проверка не имела никакого смысла.

Убедившись, что от меня не пахнет вином, тренер обрадовался, но ничего об этом не сказал.

— Я тебе подарок принес... — он развернул сверток и протянул два куска белой байки.

— Что это? — изумился я.

— Портянки. Сейчас буду тебя учить. Береги ноги. Особенно толчковую.

— Зачем?

— Я знаю — зачем! — опять почти враждебно крикнул он. — Садись!

Через пятнадцать минут я уже мастерски пеленал ступни...

Сержант опять оглядел меня с ног до головы.

— Вообще-то я за вами наблюдал... — неуверенно сказал он. — Бежали вы легко. Только... как-то разболтанно, шаляй-валяй...

Я не знал, что отвечать. Видимо, физиономия у меня была довольно растерянная и жалкая,

потому что сержант тотчас, чтобы меня успокоить, ободряюще сказал:

— Ну, ничего! Спорт из вас сделает человека! — И, уже обращаясь ко всем, энергично дал команду: — Становись!

Наш строй значительно веселее трусил по кругу. На ходу я все время думал над словами сержанта: «Как же так? Почему он так сказал?.. Конечно, фигура у меня своеобразная, но достаточно атлетическая... По крайней мере, я всегда так считал. Почему же он?..»

Я попытался проанализировать свои действия — и сразу же понял. Для прыгуна в высоту очень важно, чтобы работали только те мышцы, которые несут нагрузку. Остальные должны быть расслабленными. Это не так просто. Этому долго учат. Теперь, конечно, во время бега я расслабляюсь «автоматически». Видимо, с точки зрения армейской физкультуры, это считается разгильдяйством... Вот, значит, как!

Мне стало немного обидно, и я решил при случае проучить сержанта.

После разминки он дал команду начать прыжки через «коня». И тут я показал класс. Медленно разбежавшись, даже не касаясь руками снаряда, я поднялся в воздух, как самолет с вертикальным взлетом, а затем приземлился метрах в пяти от коня.

Сержант, открыв рот, изумленно смотрел на меня. Солдаты тоже притихли. Для них то, что сейчас они увидели, было явлением непонятным, прямо-таки космическим. Я скромно стоял на земле и наслаждался эффектом.

— Вы что... спортсмен? — проглотив воздух, наконец спросил сержант.

— Да... — спокойно ответил я.

- Какой вид?
- Прыжки в высоту.
- И разряд имеете?
- Мастер спорта...

— Вот это да! — Сержант немного помолчал и наконец, снова войдя в свою роль, строго сказал: — Почему значок не носите?

Этого я не ожидал. Значок лежал у меня в вещмешке. Я взял его из дома просто так, на память... Но сержант ждал ответа.

— Он у меня на парадном кителе.

— Это правильно,— мой первый командир одобрительно кивнул головой и еще раз повторил: — Это правильно...

2

Я люблю прыгать в высоту. И люблю смотреть, как прыгают другие. Конечно, если прыгают красиво. Когда я вижу спортсмена, перелетающего через планку, у меня что-то екает в груди, толчковая нога сама топает по земле, и я невольно кричу: «Опа!» В это время я переживаю все чувства прыгуна, поэтому получаю от соревнований тройную радость: и когда прыгаю сам, и когда сижу на скамеечке — отдыхаю перед очередной попыткой, и когда уже «схожу», становлюсь зрителем и наблюдаю со стороны, как другие перелетают через планку, до которой мне еще далеко... Или лучше сказать: высоко...

В четвертом классе я понял, что могу хорошо прыгать. Тогда в нашей школе молодой преподаватель физкультуры решил провести соревнования, и я босиком взял «метр двадцать пять» каким-то неведомым науке способом.

— Молодец, Кузнечиков! Здорово прыгаешь! — похвалил меня учитель.

Все вокруг засмеялись, и я тоже смеялся, потому что это была добрая шутка.

Однажды зимой к нам в школу приехала комиссия из Института физкультуры. Заставили весь спортивный зал приборами и начали нас измерять. Что мы только не делали! Потеха! Крутили руками педали устройства, похожего на велосипед. Брли какой-то наконечник и колотили им по медному листу — кто больше за минуту наступит. Включали по сигналу рычажок — так проверяли скорость реакции... И все приборы, приборы, датчики... На одном тренажере пристегивали тонюсенький проводок к правой ноге и просили сделать мах как можно выше. Очередь дошла до меня. Я махнул ногой — проводок порвался. Девушка, которая командовала этой «машиной», позвала дяденьку. Они привязали мне другой проводок — я снова махнул. Проводок не порвался. Девушка глянула на шкалу, по которой бегала стрелочка. «Ого-го!» — восторженно сказала она. Дяденька посмотрел на меня оценивающим взглядом и буркнул: «Тяжеловат! Но запиши его на всякий случай». И меня записали...

Так я попал в экспериментальную детскую спортивную школу, куда отбирали ребят по «объективным параметрам».

Для меня наступили счастливые дни. Сразу после занятий я ехал в нашу стеклянную коробку, под которой прятался настоящий маленький стадион. Мальчишки с соседних улиц, плюснув носы к толстому стеклу, с завистью смотрели, как мы выбегали на манеж: гордые, веселые, сильные... Мимо нас проходили люди, проезжали трамваи и машины... Мели снега, об-

разуя возле стеклянных стен огромные сугробы... А мы играли в лето. Мы готовились к нему.

Как я любил все здесь! Запах пластика, огромные поролоновые кубы, которые подкладывались под планку, наши стоечки, нашу полосатую планку... Когда после тренировки мы всей группой заваливались на эти кубы отдыхать, как на большую тахту, все посмеивались над нами: «Лежбище попрыгунчиков!»

Тренировки, нагрузки... Все мы начали с маленькой высоты. Прямо игрушечной! Отрабатывали технику. Роль каждого элемента. Знаете, оказывается, как это сложно... Тренер всегда говорил: «Наш спорт, ребята,— модель жизни! В ней всегда очень трудно подняться на новую высоту...»

А мне в прыжках в высоту больше всего нравится зримое единоборство с преградой. Ты — и она. Она — и ты... Бегун борется со временем. Конечно, он его чувствует. Но он рвет грудью тонкий луч фотофиниша и, задыхаясь, хриплым голосом спрашивает: «Сколько?» Метатель посылает снаряд. Это борьба мгновений. Всю свою силу и умение он вложил в один импульс. И все... Теперь уже ничего не изменишь, ничего не вернешь и ничего не поправишь. Тебе остается только с надеждой следить глазами за копьем, молотом или ядром... Что принесет тебе этот порыв? Все ли было верно?.. В жизни так тоже бывает...

А наш барьер — видимый. Вот он перед тобой: твой враг и твоя мечта, твоя надежда и твоя боль — высота! Ты собираешься преодолеть ее! Говорят — взять! «Взять высоту!» Именно взять, как крепость!.. И ты все время находишься в борьбе: и когда разбегаешься, и когда делаешь

толчок, и когда бережно обвиваешь планку своим телом, боясь прикоснуться к ней, как к лезвию сабли... До конца не ясен тебе исход. Ведь в последний момент одним неверным движением можно все испортить... В жизни так бывает гораздо чаще. Иногда только в конце ее человек понимает: покори́л он свою высоту или нет...

Вы видели когда-нибудь, как прыгает классный спортсмен, как борется он с рекордной высотой? Стадион замирает, а человек долго ходит, успокаивая себя, затем стоит перед преградой, топает ногой, потряхивает руками — снимает нервное напряжение. И все следят за ним... Наконец он решается, зло смотрит на планку, разбегаются и... Стадион взрывается в едином вопле радости, или вздох разочарования легким ветерком пролетает над полем. Прыжок в высоту — преодоление, дерзновенный порыв! К поражению прыгуна все относятся с уважением.

3

После «учебки» весь наш призыв направили на границу, и только меня одного — на контрольно-пропускной пункт в порту. Сначала я даже немного разочаровался, потому что хотел «на передний край невидимой борьбы». Но потом оказалось, что именно здесь этой «невидимой борьбы» больше, чем достаточно. Вспоминаю свою первую встречу с начальником нашего подразделения капитаном Шевчуком. О нем я читал еще на гражданке: «гроза контрабандистов, шпионов и диверсантов». Так вот, оказалось, что этот «грозный человек» выглядит довольно мило, интеллигентно. У него тихий, вкрадчивый голос, мягкие черты лица, очки... Чем-то он напоминал мо-

лодого Чехова, портрет которого висел в школьном кабинете литературы как раз напротив моей парты.

Шевчук дотошно просматривал мои документы, а я рассматривал Шевчука. Наконец капитан удивленно вскинул брови и в упор уставился на меня. Видимо, он прочитал заветные слова: «мастер спорта СССР».

Его взгляд заставил меня поежиться. Уже тогда я невольно почувствовал в нем какую-то силу и понял, что это незаурядный человек.

А Шевчук, наверно, смотрел на меня и думал: неужели вот такой оболтус прыгает в высоту на два с лишним метра?..

Капитан неожиданно улыбнулся и весело сказал:

— Такого солдата у меня еще не было! Вы не волнуйтесь... Мы предоставим вам возможность для тренировок. Рядом с портом есть отличный стадион.

— Спасибо. Я больше не прыгаю...— тихо ответил я.

— То есть как? — Капитан буквально впился в меня глазами.— Почему?

Что я мог ответить? История, в общем-то, заурядная...

Это случилось во время обычной тренировки. Совершая очередной прыжок, я неудачно приземлился и выбил локтевой сустав. Резкая боль пронзила руку и по цепочке нервных волокон впиалась в мозг. Не знаю, что уж там произошло... Психолог объяснил это так: «устойчивый условный рефлекс, возникший под воздействием шока».

Вначале никто не придавал этому эпизоду особого значения. Конечно, тренер отругал меня, две недели я ходил в гипсе, затем снова вер-

нулся в сектор. Стоило мне начать разбег — тут же заныл «раненый» сустав. Внимание было сосредоточено только на нем. Я прыгнул... Но какой это был прыжок! Все мышцы были зажаты ожиданием предстоящей боли. Тренер, ясное дело, заметил полный развал техники, но он решил, что это связано с длительным перерывом. И только после нескольких тренировок он понял: происходит что-то неладное — я начал отлынивать от прыжков, делая вид, что уделяю больше внимания силовым упражнениям.

— Что случилось? — откровенно спросил он.

Пришлось рассказать ему всю правду.

— Ничего с собой поделывать не могу... — чуть не плача закончил я свою исповедь.

— Главное, не паникуй! — спокойно сказал тренер. Сутки он обдумывал ситуацию, а потом принял решение: — Даю тебе месяц отдыха... Ходи в кино, читай книги, влюбись в конце концов... Постарайся отвлечься, забыть, что есть на свете прыжки в высоту... Надо разорвать в сознании эту патологическую связь между прыжком и болью. А это может сделать или время, или какое-то другое более сильное психическое воздействие... Вот так... Теперь все зависит только от тебя.

Я взял на работе отпуск и поехал на дачу. Купался, ловил рыбу, валялся на раскладушке в саду, читая нескончаемый детективный роман... Иногда, устав от книги, я часами смотрел в траву. Там копошилась странная, неведомая мне жизнь. Уйма маленьких жучков неторопливо вела свое хозяйство... Однажды я обратил внимание на чудную козявку — она как-то таинственно висела в воздухе. Я поймал её на кончик карандаша. Кто ты, победивший земное тяготение?

Странная букашка, у которой не было крылышек, как бы отвечая на мой вопрос, прыгнула и плавно поплыла по воздуху, но я почувствовал: ее что-то связывает с моим карандашом. Я начал крутить его — и козявка остановилась. Она стала что-то предпринимать, но я крутил карандаш еще быстрее. Наконец я поставил его под луч солнца и увидел: карандаш окутан тонюсенькой ниточкой. Так вот, оказывается, в чем дело!

После этих наблюдений я открыл для себя: мир состоит из малого... Я стал рассматривать кору дерева, доски старого забора, гранитный валун, который валялся здесь, быть может, с самого ледникового периода... Можно видеть предмет по-разному! Можно брать его целиком, как таковой: длинный забор, высокое дерево, тяжелый камень... Но всмотритесь в узор сучков и линий деревянной доски, в мозаику пятен на буром гранитном валуне, в складки коры дуба — и вы поймете, что они не менее интересны и красивы, чем горы и леса...

Высота приблизила меня к земле, заставила немного посидеть на одном месте, посмотреть и подумать. И за это я ей тоже благодарен...

Когда до конца отпуска оставалось несколько дней, я вернулся в город. Ранним утром, чтобы никто не видел, я пришел в спортивный зал. Принес маты, поставил стойки... Я начал разбег и сразу же понял — все... это конец...

Больше я сюда никогда не приходил. Тренеру я послал письмо, в котором написал, что навсегда ухожу из спорта: осенью меня призовут в армию, а потом буду поступать в институт...

Итак, в восемнадцать лет я твердо решил,

что моя спортивная карьера закончилась. Я безумно любил прыжки в высоту, но прыгать больше не мог...

4

Приход корабля в порт — всегда событие. Звучит веселая музыка, вывешены флаги расцветивания, пассажиры и свободные от вахты члены команды толпятся у бортов, с интересом всматриваются в незнакомый берег. Наконец подан трап, и все взгляды устремились на причал: туда, где стоим мы — пограничники, первые представители советского государства, с которым встречаются иностранцы на нашей земле.

В работе КПП есть что-то общее со спортом: в учебных классах, невидимых для зрителя, остались многочасовые тренировки, долгая учеба, точный расчет, детальная отработка каждого момента, каждого приема... И вот — твой выход! Изящество, четкость движений, быстрота, образцовый внешний вид... Каждое действие полно достоинства и в то же время подчеркивает уважение к иностранному гостю, соответствует духу гостеприимства советского народа. Аккуратность, кажущаяся легкость... И только сам пограничник знает, что в это время все его умение, весь опыт сконцентрированы в одно желание, направлены на одну цель — своевременно обнаружить и задержать нарушителя государственной границы, запрещенные к ввозу и вывозу материалы.

Никогда не забуду, как первый раз при мне капитан Шевчук поймал шпиона. Да, да — шпиона! Самого настоящего. Внешне все прошло тихо, спокойно. Ни стрельбы, ни мордобоя... А

ведь была схватка. Схватка нервов, характеров, убеждений....

Наряд проверял документы у иностранных туристов, возвращавшихся на теплоход.

— Пожалуйста! — радостно улыбаясь, высокий, элегантный мужчина предъявил свой паспорт. — А это — маленький презент командиру! — Иностранец ловким движением достал из кармана изящную зажигалку.

— Спасибо! — отодвинул рукой «подарок» Шевчук. Он внимательно перелистывал страницы документа. Затем жестом подозвал работника таможни, что-то тихо сообщил ему.

— Вам придется пройти личный досмотр, — обращаясь к щедрому гостю, спокойно сказал таможенник.

— По какому праву? — возмутился турист, но глаза тревожно забегали и алые пятна выступили на щеках.

Как потом выяснилось, в специальном жилете иностранец пытался вывезти кассеты с пленкой, на которой были сфотографированы военные объекты.

Капитан Шевчук позже объяснил нам, почему этот господин вызвал в нем подозрение:

— Протягивал паспорт — рука слегка дрожит... В глазах — лихорадочный блеск... Лицо худощавое, а по фигуре — Геракл! Костюм плотно облегает могучие бицепсы...

Я стоял рядом с капитаном, но ничего этого не заметил... Потом, конечно, я многому научился и многое понял. Я выявлял поддельные документы и обнаруживал тайники с антисоветской литературой, испытывал на себе идеологические атаки противника, его попытки втянуть нас в провокацию... И всегда рядом со мной

были боевые товарищи и командиры, готовые в любую минуту прийти на помощь...

И еще было задержание. Была схватка один на один. Был прыжок в высоту, который снова вернул меня в спорт.

Да, тренер, как всегда, оказался прав: есть такое чувство, которое сильнее любой боли, сильнее любого шока. Оно называется — долг перед Родиной...

5

В ту ночь в порту был густой туман. Под светом прожекторов в мутном мареве едва проступали очертания судов. Младший сержант Сорокин и я несли службу на причале у иностранного сухогруза. Рядом с ним швартовался наш банановоз «Урал». От него исходил душистый, ароматный запах.

— Вот аппетит нагуляем, — пошутил Сорокин.

Ночью порт жил своей ритмичной трудовой жизнью: гудели моторы кранов, перезванивали буферы вагонов, нетерпеливо покрикивали тепловозы, сразу заглушая все шумы...

Пошел дождь, тяжелые капли забарабанили по металлу. Борты кораблей стали жирными, блестящими. Укрывшись под козырьком навеса, мы внимательно наблюдали за сухогрузом. Неожиданно раздался громкий всплеск где-то у кормы судна. Сорокин встрепенулся.

— Смотри за трапом, — взволнованно прошептал он.

Младший сержант скрылся за штабелем контейнеров, и тут же за своей спиной я услышал какое-то тихое урчание. Я оглянулся — один из кранов сухогруза плавно повернулся так, что его

стрела была над причалом. На конце троса висел человек. С ловкостью циркового гимнаста он соскочил на землю и скрылся в проходе между двумя складами. На мгновение я опешил и вдруг услышал топот сапог, крик старшего наряда:

— Кузнечиков, преследуй нарушителя!

Я понял: Сорокин добежит до трапа и станет на пост. Нельзя терять ни секунды! Я рванулся вперед, пробежал склады и увидел нарушителя. Между нами было метров триста.

— Стой! — истошно крикнул я.

Но человек даже не оглянулся. Он бежал уверенно к какой-то цели, по заранее обдуманному маршруту.

Максимальная скорость! Спурт! Все внимание на спину соперника — не упустить из виду!

Перепрыгивая через рельсы, нарушитель мчался к воротам — из порта выезжал очередной железнодорожный состав. И сразу же стало ясно: сейчас пройдут вагоны, нарушитель шмыгнет за ними, ворота автоматически закроются. Я окажусь по одну сторону стены, окружающей порт, а он — по другую. Все было рассчитано до мелочей!

До нарушителя оставалось каких-нибудь полтора метра, наверняка он слышал, что я приближаюсь, но опять-таки даже не обернулся — настолько был уверен в осуществлении своего плана. Нарушитель остановился, выждал, когда последний вагон скроется в темном проеме, и спокойно — мне даже показалось шагом! — последовал за ним. И тут же медленно поползла тяжелая металлическая плита.

Теперь бежать к воротам не было смысла. Дикая злоба закипела во мне. «Неужели уйдет?—

от этой мысли я чуть не задохнулся.— В тридцати метрах от порта — Приморский бульвар. В это время еще многолюдно... Он смешается с толпой... А может, его ждет машина? Ах ты гад!..»

Высота стены — метра два... Сверху на ней натянута колючая проволока...

Решение возникло само собой. Я уже ничего не соображал. Все за меня делали ноги. Они сами выбрали угол разбега, вовремя сделали ускорение. Толчок! С хрустом посыпались на землю пуговицы тужурки, острое железо полоснуло по животу и лицу, но я уже был на другой стороне.

Я сразу увидел его — он поднимался по насыпи. Какая-то непонятная сила, как на крыльях, несла меня вперед. Ненавистная спина приближалась. В последнее мгновение нарушитель, видимо, почувствовал неладное. Он обернулся. Лицо его исказилось от ужаса. Изодранный, окровавленный человек со страшной скоростью приближался к нему. Последние метры я уже не мог бежать. Я прыгнул и в полете сбил его с ног, придавил своим телом к земле. Нарушитель извивался, хрипел, пытался выбраться из-под меня. Но я давил, давил его что было силы... И вдруг почувствовал, как кто-то трясет меня за плечо, услышал голос капитана Шевчука:

— Отпусти его, Кузнечиков, задушишь...

Неужели я перепрыгнул через стену? Этот прыжок снится мне каждую ночь. И каждый раз

я просыпаюсь со слезами восторга на глазах. Удивительное, неповторимое чувство!

После этого задержания я неделю провалялся в лазарете. Потом еще две недели осознавал: со мной что-то произошло. И наконец не выдержал. Дождавшись, когда капитан Шевчук будет в канцелярии один, я постучался и решительно открыл дверь:

— Разрешите обратиться, товарищ капитан!

Шевчук молча кивнул. Он перебирал какие-то бумаги. И взгляд его был напряженным и строгим.

— Товарищ капитан...— я не знал, как сформулировать свою просьбу, боялся, что она будет выглядеть смешно или даже совсем глупо.— Вы когда-то говорили... я хотел бы воспользоваться...

Шевчук тут же впился в меня глазами.

— Я хотел бы снова начать тренировки...

Капитан ничего не ответил. Он открыл ящик письменного стола, достал оттуда большой пакет, протянул его мне и тихо сказал:

— Вот... Держите!

— Что это? — удивился я.

— Распечатайте. Там все сказано...

В конверте было письмо. Знакомый размашистый почерк тренера!

«Ванюша, милый, здравствуй!.. Капитан Шевчук написал мне о твоём прыжке. Это великолепно! Я всегда верил в тебя!.. Мне кажется, ты сделал то, что нужно... Высылаю план тренировок на три месяца. Начинай! Сообщи о первых результатах. Жду!..»

У портовиков оказался отличный стадион. Правда, сектор для прыжков в высоту был простенький, но сейчас он меня вполне устраивал.

Никогда, наверно, я не разминался с таким удовольствием. Потом сразу установил планку на рекордную для себя высоту, не спеша надел шиповки и стал представлять, что я на Олимпийских играх.

В свое время тренер специально для меня — «такого впечатлительного спортсмена!» — придумал этот способ внушения.

Мне казалось, я слышу его восторженный голос:

«Олимпийские игры! Ты знаешь, что это такое? Это сгусток силы всего человечества! Итог достижений нашего биологического вида! Это отчет перед предками и залог потомкам!

У спортсмена увеличиваются силы от одного сознания своей ответственности, от счастья, что он «самый»! Самый сильный человек на Земле! Самый быстрый человек на Земле! Самый прыгучий человек на Земле!

Не торопись! Ты остался один! Ты не имеешь права обмануть ожидание людей... Отмерь разбег. Никто не упрекнет тебя в нерешительности. Ты на грани неведомого...

Все видят, что ты собран. Ты не авантюрист, ты добываешь для человечества новую победу и не должен рисковать...

Ты представитель человечества, и ты обязан показать ему — на что оно способно!

Ты — сын Земли! Гордость Земли! Слава Земли!.. Вперед!..»

Я побежал. Ветер засвистел навстречу. Время, как во сне, стало мягким, тягучим. Мне казалось, что я вижу себя со стороны, контролирую каждое свое движение. Появилось знакомое ощущение наплывающей на тебя победы... Толчок! Мах! Нога резко взлетает вверх!..

Серая планка тихо прошуршала подо мной, и я, счастливый, уткнулся лицом в песок...

По следу

Кажется, на границе все время ждешь сигнал тревоги. Это, конечно, не означает, что ты постоянно шарахаешься, дергаешься, оглядываешься. Нет... Ты делаешь свое дело — спокойно, вдумчиво, но какой-то клубок настороженности живет в тебе, наполняя особым смыслом каждый шаг, каждое движение.

Так вот, значит, ждешь его, ждешь — этот самый сигнал тревоги, а он, как правило, грянет в самый неподходящий момент.

Я раз в бане мылся... Только с полки слез, голову намылил — вбегает посыльный:

— Товарищ прапорщик, сигнальная система на двух участках сработала!

Это, стало быть, на нашем пограничном языке означает — прорыв: несколько нарушителей идут, в надежде, что хоть один проскочит. Тут уж должны быть задействованы все силы и средства, тут уж не зевай... Вылил я на себя шайку — и вперед! Через десять минут был уже сухой, а еще через десять — снова мокрый... Лазутчиков этих мы повязали — и первого, и второго. Они, оказывается, долго за нашей заставой наблюдали и специально банный день выбрали. Надеялись, что пограничники будут париться и не смогут им все пути-дорожки перекрыть.

Напрасно надеялись... Недаром мой первый командир говорил: тот, кто хочет перейти границу — хорошо готовится, а тот, кто ее охраняет — готов всегда!

Я порой думаю: как бы сложилась моя судьба, если бы я не попал в пограничные войска? Жил в своей деревне, бегал по нашему двору кобель по кличке Шарик, за хвост я его неоднократно дергал, по носу щелкал, но никогда не догадывался, что этот нос — уникальный прибор. И еще не знал я, что тлеет во мне талант следопыта.

Он, конечно, проявлял себя, потому как во время сбора грибов я всегда первым был даже в самые неурожайные годы, а потом, когда подрос и стал с батей на охоту ходить, тоже никогда с пустыми руками не возвращался. Но разве мог я тогда думать, что умение это: землю-матушку глазами щупать, каждую былинку на ней подмечать — особый дар. Что это, в общем-то приятное, занятие может стать профессией.

А вели меня к ней опытные мастера и наставники: они меня сразу на учебном пункте заметили, в школу служебного собаководства направили, а там уж я изучал науку следопытную по всем правилам. И узнал, что есть «механизм образования следов», есть свои формулы и таблицы, по которым, видя отпечаток ступни человека, можно определить такое, чего он и сам о себе не ведает.

Как-то позвонили мне из поселка, просят: «Иван Васильевич, спустись в ущелье. Там на склоне туристы следы «снежного человека» обнаружили. Разберись... А то уже корреспонденты в бой рвутся».

Я приехал к месту происшествия, посмотрел и говорю:

— Прошел мужик в сапогах. Молодой, худой, высокий. Шел спокойно, один, без груза.

— Как так в сапогах? — загалдели туристы. — В каких таких сапогах?

— Не сомневайтесь, ребята, в сапогах... Просто отпечатки ветром обвеяло. Но вот, видите, пятка имеет характерное утолщение — это каблук.

— А почему мужчина? Может, женщина надела мужские сапоги? — ехидно спрашивает одна девица.

Я спокойно поясняю:

— Длина шага и угол разворота ступни у мужчин всегда больше... Почему молодой? Потому что дорожка следов прямая. Старый шёл бы более мелкими шагами и не так ровно... У толстяка нет должного равновесия, его заносит то вправо, то влево... А как рост определить? Известно, что длина ступни примерно равна одной седьмой роста...

— Позвольте! — возмутился «руководитель поисков». — Где же вы такого мужика найдете, с такой лапой?

— Это здешний пастух Гулям Джамиров из кишлака Хакими. Я его знаю. У него сорок восьмой размер...

Туристы не поверили, нашли пастуха и тот сразу же сознался: «Да, третьего дня был на склоне...»

Так я похерил всю сенсацию. Долго потом в пограничном отряде над этим случаем хохотали...

Но сейчас я хочу рассказать о другом эпизоде. Мне тогда совсем не до смеху было. Очень даже туго пришлось... А запомнил я его хорошо, потому что произошел он в день рождения начальника нашей заставы капитана Сомова, и опять-таки в самый неподходящий момент — солдаты кино смотрели: про шпионов, между прочим...

Только там, в фильме, острый момент подошел, как вдруг: «Застава, в ружье!»

Вот вы спрашиваете: что чувствуешь, когда слышишь эти слова?

Трудно сказать... Но что-то в душе происходит — это точно. Какая-то струна в ней звенит — и уже все суетные мысли забыты, как в старину говорили — все «мирское» отброшено. Одна цель, одна задача, один порыв, который объединяет всех... По заставе будто ветерок пролетит...

Честно говоря, люблю я эти минуты! Может, ради них и остался в пограничных войсках. В эти минуты истинное проявляется, стержневое. Вся шелуха с человека слетает — идет он в поиск просветленный, как в бой...

Дежурным тогда был толковый парнишка — ефрейтор Саша Макаров. Он быстро выдал оружие, боеприпасы, сигнальные пистолеты... Взрели моторы машин, кавалеристы на конюшне седлали лошадей...

А в это время наряд, которым командовал сержант Новиков, шел дозором вдоль контрольно-следовой полосы. Макаров вызвал его на связь, и через несколько минут пограничники бросились к месту нарушения границы. Вот где пригодились многочисленные кроссы! Не зря я их гонял...

Мы были в пути, когда эфир принес доклад Новикова: след обнаружен, судя по отпечаткам, нарушитель скрылся в щели, ведущей к перевалу.

Это была очень ценная информация. Она позволила начальнику заставы сразу принять правильное решение. Капитан Сомов возглавил кавалерийскую группу, которая начала подъем на хребет — с него хорошо просматривалось все

урочище. А я со своим Рексом продолжал мчаться к следу, потому что щель, по которой бежал лазутчик, разветвлялась, как крона дерева. Стало быть, он в любой момент мог изменить направление. Мой «нюхач» должен был четко определить это, а я — по радио передать начальнику заставы, чтобы тот сделал маневр.

Теперь несколько слов о Рексе... Красавец был пес! Рост — 75 сантиметров, окрас — светло-серый, рельефная мускулатура... Хвост всегда «саблей» держал, а какой работяга был... Эх!.. До сих пор как вспомню — такая жалость берет...

Прибыли мы с ним к контрольно-следовой полосе. Я сразу заметил на ней пустую цинковую коробку из-под патронов, солдаты между собой называют ее просто «цинком». Так вот Новиков прикрыл этим «цинком» отпечаток, чтобы горный сквозняк его не задул, и я мысленно очень его похвалил.

Рекс, понятное дело, рвался с поводка, чувствовал, видимо, что горячие события назревают. Но я его сразу к следу не подпустил, потому как иногда лазутчик обрабатывает отпечаток ядовитым раствором: сунет собака нос — а химия ей все обоняние отобьет, что тогда делать будешь?

Осмотрел я, значит, следок. Вроде бы все в порядке, все в норме. Тогда достал специальный прибор, несколько раз нажал на ручку миниатюрного насоса. Теперь запах нарушителя будет навечно храниться в ампуле: с одной стороны, улика, а с другой, — если собака собьется, эта своеобразная подсказка поможет ей.

Немногие знают, что каждый человек имеет свой неповторимый запах, как отпечатки пальцев,

но Рекс, конечно, это знал. Он рывком натянул поводок.

Прошли мы два поворота, и вдруг Рекс резко затормозил. Я его спрашиваю:

— Ну, в чем дело? Ищи!

Глянул он на меня своими умными глазами, будто сказать что-то хотел. Но команда дана — нужно выполнять, на то и служба... Сделал несколько шагов — и тут как грохнет! Меня волной швырнуло, лицо обожгло...

Это позже эксперты объяснили: дескать, нарушитель заложил особую мину-ловушку в виде плоского булыжника, срабатывающую от прикосновения. А тогда... Открыл глаза — смотрю: от Рекса одни куски кровавые валяются. Что произошло, я, конечно, до конца не осознал, а понял только одно: обезоружил меня враг и нанес он самый точный удар — по уникальному другу-прибору, который в одночасье заменить нельзя.

Такая меня ярость охватила! Нет, думаю, не уйдешь! Не уйдешь — и все тут!..

Солдаты сзади стояли, притихшие... Они вначале, наверно, подумали, что их старшина умом тронулся, когда я к земле приник и вперед побежал. Где ползком, где на четвереньках... И все глазами шарю, и, казалось мне, даже запах этот вражий чую...

Вот травинка примята, вот камушек перевернут — влажный, еще не обсох, вот комочки грязи с ботинок отлетели... Руки издрал, колени сбил, но ничего этого не замечал... И четко засек, где лазутчик в левый «коридор» шмыгнул. А это в тот момент самое главное было...

Передали мы сообщение начальнику заставы. Он со своей группой соответственно переместился по гребню хребта, дал команду заслонам выдви-

нуться в район небольшого плато — именно здесь капитан Сомов предполагал встретить нарушителя.

И точно: через две минуты из-за каменистой гряды выскочил человек. Он бежал легко, как будто не было за его спиной трудного подъема.

Начальник заставы махнул рукой — пограничные наряды стали незаметно спускаться с хребта. Когда нарушитель был в центре плато, со всех сторон этого маленького плоского квадрата, как по сигналу, появились пограничники. Лазутчик дернулся, метнулся вправо, влево, затем суетливо оглянулся назад — и медленно, обреченно поднял вверх руки.

При обыске у него были обнаружены карты, оружие, советские деньги и документы.

Вот такая история... Каждый раз, когда на заставу прибывает молодое пополнение, я специально привожу их к этому плато. Солдаты молча смотрят на него — кажется, обычное, ничем не приметное, в горах таких много... Но любой клочок земли на границе внезапно может стать местом схватки с врагом. Об этом нужно помнить...

Отпуск

1

В августе мне позвонил Генка: Событие это само по себе значительное. Когда-то мы были друзьями детства, потом отрочества, а потом... Потом вдруг что-то произошло: из уймы наших общих забот и увлечений каждый выбрал одно, отдался ему до конца, и это почему-то сделало нас чужими. Я часто думал: почему? При встречах мы чувствовали себя неуютно, говорили ненужные, глупые слова... Может быть, потому, что каждый из нас был свидетелем становления личности другого, знал его слабости, терзания и порывы, а сейчас — мы твердо стояли на своем пути, отвоевали у жизни какие-то позиции, в глазах окружающих были людьми определенного положения, и нам неудобно было помнить, что кто-то знает все о наших истоках, знает, с чего мы начинали, к чему стремились, — и теперь видит: кем мы стали, к чему в конце концов пришли...

— Привет, пан офицер! — радостно закричал в трубку Генка.

— Здравствуй, пан поэт! — в тон ему ответил я.

— Наконец тебя поймал! Все время в командировках... Наверно, уже ракушками оброс?.. — И, не дожидаясь моего ответа, Генка вкрадчиво произнес: — Слушай, старик, знаешь, что я придумал? Поехали в Гурзуф? Возьмем с собой Толика, плюнем на все — и поедем...

Я не знал, на что собирается плюнуть Генка. Я хотел сказать, что по графику мой отпуск в декабре, что я опять поругался с женой... Но вдруг, совершенно неожиданно, памятью чувств — мгновенной и яркой — я вспомнил, как мы втроем: Генка, я и Толик — это третий «мушкетер» из нашей детской компании — каждое лето ездили на каникулы в Гурзуф. В те времена Крым еще не был так популярен. Мы находили дикие пляжи, заплывали далеко в море, валялись на круглых, похожих на спины бегемотов, валунах, читали, спорили, ругались... Одним словом — росли и самоутверждались. Сколько раз, приближаясь к берегу после очередного заплыва, мы ахали и удивлялись этому крошечному кусочку земли, который здесь круто поднимался горами вверх, образуя — вместе с морем — некое подобие зеленого пакетика, казалось, он старается завернуть, упрятать от всего мира маленькую скалистую бухточку нашей юности...

Я вспомнил Большую гурзуфскую скалу, на которой на спор просидел целые сутки. На вершине ее собирались ветры всего побережья. В обед сюда прилетали пряные ароматы борща, к вечеру сизые дымки многочисленных мангалов сливались в один могучий поток ржавого шашлычного запаха... А я сидел на скале с буханкой черного хлеба и утром с высоты увидел такой рассвет!

Даже после моего корявого описания Генка не выдержал, взял шерстяное одеяло и полез ночевать на этот крошечный гранитный островок, повисший между небом и морем.

Но Генка все равно проспал: чтобы увидеть мой рассвет, нужно было всю ночь дрожать от холода...

Я вспомнил, как начал нырять. Как застрял в подводном гроте и, задыхаясь, вырвался на поверхность весь изрезанный и исцарапанный...

Многое вспомнил я в эту короткую телефонную паузу. А Генка ждал, молчал, и тишина в трубке шуршала морским прибором.

— Ладно,— наконец сказал я.— Давай попробуем...

2

Мы встретились на Курском вокзале. Толик — полысел, Генка — потолстел, а я... И, словно перехватив мой взгляд, Генка восторженно завопил:

— Ну, ты побурел, мужик! Хорош! Хорош!.. Слушай, нам нужно общнуться! Давно хочу написать что-нибудь этакое... И название подходящее уже есть — «Монолог водолаза»! Здорово?

— Лихо! — сказал я.

— Оригинально! — отметил Толик.

И мы громко заржали, спугнув с перрона стайку воробьев.

Поезд тронулся... Мы сидели в коробочке купе и напряженно глядели друг на друга. Попытались поговорить о делах, но ничего не вышло.

Генка не любил рассказывать о своем творчестве. Он писал стихи для детей, многие из них стали популярными песенками, их с удовольствием распевали. В общем, это была известность. Но Генка стыдился своей деятельности... И я понимал почему. Я хорошо помню его юношеские стихи. Генка болезненно воспринимал мир. И образы его творений напоминали капли яда.

Они медленно отравляли душу, но в то же время была в них какая-то необъяснимая прелесть. Прочитав их однажды, человек, как наркоман, в тяжкие минуты снова тянулся к ним и находил облегчение... Ясное дело, что такие стихи никто не печатал. Генка долго мотался по редакциям... Наконец кто-то дал ему дельный совет, и, блестяще владея техникой версификации, он покориł «легкий жанр». Жизнь его стала спокойнее, обеспеченнее, но... Я много раз замечал, когда мы с Генкой входили в книжный магазин и он видел на прилавке сборники «взрослых» поэтов, глаза у него наполнялись лютой злобой.

Толик о своей работе ничего не мог рассказать... Он с детства имел склонности к математике. В старших классах на всех уроках решал задачки «повышенной трудности» — готовился поступать на мехмат. С гордостью показывал нам грамоты, завоеванные на городских математических олимпиадах, даже ездил в Болгарию на «международную встречу»... Перед выпускными экзаменами Толика вызвали в райком комсомола. На наши вопросы он ничего не отвечал, переводил все в шутку. Потом он поступил в какой-то таинственный вуз. Сейчас работал в «почтовом ящике». Однажды он мне показывал его издалика. Здание оправдывало свое название: огромный стеклянный ящик стоял за пузатым забором, из кирпичей этого забора наверняка можно выстроить новый жилой массив...

А я?.. Что я мог им рассказать? Закончил училище, плавал на пограничных сторожевых кораблях... И вот неумолимая логика службы пришвартовала меня к штабному столу...

Пришла проводница, принесла жиденский чай. Мы быстро похлебали его и легли спать.

О, Гурзуф!.. Милый моему сердцу Гурзуф! Что случилось с тобой?.. Мы стояли на автобусной остановке и с ужасом наблюдали, как по твоим узким извилистым улочкам снуют толпы отдыхающих. Воздух был пропитан суетой и желанием урвать хоть чего-нибудь...

Я остался на площадке сторожить наши баулы, а Генка и Толик, как наиболее контактные и предприимчивые особи, решили пройти по старым явкам, в надежде отыскать свободное жилище.

Вскоре я заметил, что ко мне присматривается некий мужичишка. Он был коренастый, ладный, загоревший до синевы — этакий местный «негроид».

Мужичишка несколько раз прошелся вдоль толпы приезжих, внимательно оценивая каждого из алчущих жилья.

Наконец он принял окончательное решение и подошел ко мне.

— Сколько вас? — бесцеремонно спросил он, кивнул на грудь наших чемоданов.

— Со мной — трое, — с надеждой ответил я.

— Остальные такие же, как ты? — продолжал он допрос.

— В каком смысле?

— Ну... — мужичишка надул щеки, сжал кулаки, напряг мышцы, давая этим понять, что разглядел во мне атлета.

— А-а-а... — улыбаясь, протянул я и, смекнув, что ему нужно, торопливо добавил: — Да, да... здоровые ребята!

— Отлично! — хорошо поставленным, коман-

дирским голосом рывкнул мужичок.— У меня будете отдыхать — не пожалеете!..

Иван Захарович, так звали «хозяина», не обманул наших надежд. На окраине Гурзуфа он владел небольшим поместьем с прилегающей к нему плантацией. Близилось время сбора урожая — нужна была «рабочая сила». Когда мы прибыли на место, Иван Захарович щедро выкатил из своих погребов бочонок вина, и деловой контракт был заключен. По утрам мы с удовольствием вкалывали на его «делянке», имея в награду за это: чудесную комнату, а по вечерам — великолепного тамаду...

О, жизнь!.. Ты — прекрасна и удивительна!

4

Этого мальчика я заметил в первый же день. Глянул в окно — он, голенький, в одних плавках, стоит на коленях среди зарослей. С моря дует ветерок, и мальчик, изогнувшись, своим худеньким смуглым тельцем прикрывает от холода серенького котенка, который доверчиво свернулся клубочком в его ладонях.

Я позвал Генку и Толика. Они, зачарованные, долго смотрели на эту картину. Плавный изгиб спины мальчика удивительно «рифмовался» с колебанием стволов растений. Мальчик — ему было лет шесть-семь — смотрел на крошечное существо огромными голубыми глазами, и, казалось, из них струится свет доброты и покоя. А котенок чувствует это, понимает, что он наконец в безопасности, и ему хорошо...

— Потрясающе... — тихо прошептал Генка.— Хоть рисуй с него плакат «Люди, берегите животных!»

Мы вышли во двор. Мальчик обернулся на скрипнувшую дверь, посмотрел на нас и уважительно сказал: «Здравствуйте...» И нам тоже стало тепло и уютно, как тому котенку.

Позже мы познакомились с мальчиком ближе. Его звали Петя, а мама — соседка «хозяина» — звала его Петушок.

Как-то вечером Иван Захарович рассказал нам его историю:

«...Мужик от нее ушел — бездетная, дескать... Так она и жила — маялась. Ей уже за сорок было, когда сошлась она с одним отдыхающим. Вот Петька и получился... Она в нем души не чает. И есть за что: не ребенок — ангел...»

Петя этой осенью должен был идти в школу. Однажды он пришел к нам и с гордостью показал новый портфель, пенал, чистые тетрадки...

— Я отличником буду, — уверенно сказал он. — Чтобы мамка радовалась...

5

К берегу от дома Ивана Захаровича вела крутая тропинка, мягкая и упругая от опавшей хвои кипарисов. Где-то на полпути она огибала пресное озерцо. В нем бултыхались утята и пачаны, которым родители по малолетству не разрешали одним ходить на море. Грязную поверхность водоема украшала одна достопримечательность: ярко-желтый круглый плот — деталь, отбитая от катушки с кабелем. Это плавсредство было неустойчивым, вертлявым, но ребяташки резвились на нем от души. Мы, проходя мимо, частенько улыбались, глядя на них, и

даже не подозревали, что озеро это довольно глубокое.

...Сначала был крик — страшный детский крик у нас за спиной. Мы бросили свои сумки с ластами и масками и, задыхаясь, побежали по тропинке вверх, туда — к озеру.

Пацаны сгрудились на берегу и стучали зубами, хотя солнце жарило, как прежде.

— Что? — заорал Генка. Он схватил самого рослого и тряхнул его изо всех сил.

— Петька... — пролепетал тот. — Его краем по голове стукнуло. Он там... в воде...

Мы обернулись — желтый кружок игриво прыгал на мелкой волне.

Генка метнул на меня взгляд, но я уже летел в воду.

Секунда — я у плота. Нырнул — глубина метра два, дно илистое, жирное. Видимость — нулевая, бурая муть кругом.

Шарю руками — туда, сюда... Звон в ушах, выныриваю — хватаю воздух... Снова вниз... Иду зигзагом, быстро... Нет нигде... Да что же это? Где же он?

Снова выныриваю. Рядом Генка и Толик. У Генки глаза квадратные, у Толика лицо перекошено, орет: «Не здесь!.. Плот отнесло...»

Наверно, башка его работала как компьютер. Она схватила все данные и сразу же выдала ответ.

Толик отплыл метров на пять в сторону, к берегу — кто бы мог подумать! — и решительно крикнул: «Тут он!..»

Его тон не позволял сомневаться в выводе.

Глубокий вдох... Здесь немного светлее, но

все равно ничего не вижу. Снова работаю на ощупь. Ил забивается в нос и в уши. Неужели не найду?.. Здоровый мужик, обученный плавать под водой... Умру, но найду... Сам здесь останусь... Найду... Найду... Найду...

Я работал, как автомат. И когда наткнулся на него, то от неожиданности даже отдернул руку. У меня разрывало легкие, но я боялся вынырнуть. А движения стали вялые, и сила из рук ушла.

Схватил... Тяну, тяну... Мне показалось, я услышал, как противно чавкнула грязь, отпуская его тельце.

Теперь туда, к солнцу... Ребята схватили мальчонку, а у меня из носа текла кровь, перемешанная с илом.

...Мы спасли его — трое взрослых, объединенных одним желанием: заставить ребенка снова жить. Конечно, можно подробно рассказать, как я дрожащими пальцами выковыривал глину из его рта, как вдыхал воздух в маленькие потухшие легкие, массировал сердце... Толик и Генка, смекнув, что нужно делать, по очереди сменяли меня...

6

Мы пришли прощаться с морем. Было пасмурно. Сквозь плотную пелену туч пробивались только самые настырные лучи. Их путь от небесной дырочки до арены широкого простора был обозначен светящимся, геометрически ровным туманом.

Красный катер, плоский, похожий на губную гармошку, с фанатическим упорством торопился

от одного пятна света к другому, стараясь побывать в каждом ярком пятачке.

Зачем?.. Почему?..

Солнце за тучами наклонилось еще ближе к горизонту, и лучи погасли. Мгновенно...
Все...

Обиженный катеришко заскользил в сторону Ялты.

Море было гладким. Горизонт — серым.

Это был лучший отпуск в моей жизни. Я чувствовал необычайный прилив сил...

Дыня «акмал»

Мы называли его просто — дедушка Акмал. Он приходил на заставу почти каждый день и всегда — даже зимой — приносил с собой большую желтую дыню. Когда мы дружно уплетали ее, она буквально таяла во рту. Это был какой-то особый сорт — медовый, душистый.

Мы знали, что Акмал потерял на войне трех сыновей. Может быть, поэтому его так тянуло к молодым солдатам. Он любил смотреть, как мы занимаемся физподготовкой: бегаем вокруг дувала, подтягиваемся на перекладине, выжимаем самодельную штангу. Он знал всех нас по именам, но, обращаясь, всегда добавлял «огылжон», что по-узбекски означает «сын».

По праздникам аксакал надевал красивый шелковый халат, на котором ярко блестела медаль. Начальник заставы рассказывал нам, как дедушка Акмал задержал нарушителя. Он тогда пас на берегу колхозную отару. Помогал ему верный Акбар — огромный, лохматый пес. Лазутчик, прячась за корягу, переплывал пограничную реку. Акмал вблизи видит плохо, а вдаль его узкие глаза глядят зорко. Он сразу заметил эту странную корягу, которая «шла» поперек течения.

Дедушка Акмал вместе с Акбаром незаметно спрятались в зарослях тростника. Нарушитель причалил к берегу, только хотел развязать свой мешок — и вдруг слышит:

— Руки вверх, нечестивец!

Обернулся лазутчик — рядом дедушка Акмал стоит и Акбар грозно зубы скалит.

— Ты что, аксакал? Я купаюсь здесь...

— Иди, куда скажу! Иначе мой Акбар разорвет тебя на куски!

Так Акмал и привел нарушителя на заставу.

...Однажды дедушка Акмал пришел в праздничном халате. Это было 22 апреля — день рождения Владимира Ильича Ленина. Начальник заставы на митинге выступил, комсорг наш выступил... И тут дедушка Акмал сразу две руки поднял:

— Можно я скажу?

Все, конечно, обрадовались.

Встал дедушка Акмал, снял тюбетейку, провел ладонью по своей короткой седой бороде и говорит:

— Дети мои... Шестьдесят рек вытекают из горных ущелий, но только Амударья и Сырдарья пробиваются к морю, остальные — теряются в песках... Где кончается вода, там кончается жизнь — это знает каждый узбек. Здесь у нас воды много, но была своя беда. Разольется весной Амударья, напитает в пойме болота, а потом снова уйдет в свое русло. В болотах этих комаров плодилось видимо-невидимо. Все жители нашего кишлака страдали от них, почти каждый болел малярией... Помню, зимой 1924 года пришла к нам страшная весть, что умер Владимир Ильич Ленин — наш большой учитель, который всему народу, всем дехканам свободу дал и верный путь указал. Стали мы думать, как увековечить память великого человека. Кто-то сказал: слышал, мол, в больших городах памятники ставят. И решили мы собрать деньги и тоже поставить

памятник в нашем кишлаке. Снарядили караван на базар. Продали дыни, урюк, ковры... Много денег наторговали. А как памятник сделать — не знаем. Тогда пошли к начальнику заставы. Выслушал он нас и говорит: «Товарищи, вы хотели поставить памятник Ленину — спасибо вам! Но гляжу я на вас: лица желтые, больных много... И подумал: Ленин зачем революцию делал? Чтобы всем хорошо жилось, чтобы все люди счастливыми и здоровыми были, а у нас пока многие болеют малярией. Может, мы отметим день памяти Ленина по-своему? Уничтожим малярийные болота, и наше здоровье будет памятником вождю. Мне кажется, что Ленин одобрил бы это...»

Сначала стояла тишина. Потом один улыбнулся, другой покачал головой, третий сказал: «А что? Ведь верно...»

И вскоре пришел к нам в кишлак обоз с керосином. Мы вместе с пограничниками залили им все болота и подожгли их. Так был уничтожен в наших краях рассадник малярии...

Дедушка Акмал немного помолчал, взглядываясь в наши лица, а потом чуть дрогнувшим от волнения голосом сказал:

— Я вот что предлагаю, уртактар-товарищи! Давайте мы сегодня начнем осваивать солончак, на котором стоит ваша застава. Я думаю, пришла пора... Пусть каждый в свободное время поработает, и наши колхозники вам помогут. Этим мы почтим память Ленина...

Много лет прошло с той поры. Я закончил училище, стал офицером. Недавно по делам службы мне снова пришлось побывать на берегах Амударьи. С волнением подъезжал я к «своей» заставе. Не узнать ее теперь: зеленые стройные

тополя стоят, как часовые, а рядом — большое подсобное хозяйство, растут овощи, фрукты, виноград.

После обеда начальник заставы, молодой старший лейтенант, угощал нас дыней. Она была сочной, душистой и прямо таяла во рту.

— Это наша гордость,— пояснил старший лейтенант,— особый сорт. Мы называем его «ак-мал»...

Добрая собачка

Когда я служил первый год и только начал работать с молоденьким кобельком по кличке Гром, приехал к нам на заставу корреспондент из областной газеты. Парень он был крепкий, заводной, в армии, по всей видимости, не служил, и все ему казалось в диковинку, все хотелось своими руками пощупать.

Ну, сводили мы его на стрельбище, дали пострелять боевыми патронами. В мишень он, конечно, не попал, но удовольствие получил огромное: уж больно ему нравилось, как после его выстрелов пыль над землей клубилась.

Потом залез он на наблюдательную вышку, посидел на ней часа два и все сокрушался, что такую красоту фотографировать нельзя.

Затем сводили мы его к самой границе — показали настоящий пограничный столб. А когда он увидел нашу контрольно-следовую полосу, тут уж удивлению корреспондента не было предела.

— Как же так? — говорит. — Земля хорошая, добротнo вспахана, а сорняки на ней не растут? Может, вы в нее гербициды вносите?

— Нет, — отвечаем, — у нас свой метод...

— Откройте, — просит корреспондент, — пожалуйста, ваш метод. Я про него в газете напишу. Вам работники сельского хозяйства памятник поставят!

— Никак нет, не можем... Это — военная тайна.

Журналист сразу присмирел и даже немного

обиделся. А мы усмехаемся и ладони за спину прячем, чтобы он мозоли не заметил, которые мы на этой «грядке» заработали.

Вернулись на заставу, и тут корреспондент наконец увидел вольер с моим питомцем. Смотрю — глаза у него опять заблестели.

— Ох,— восклицает,— какая собачка! Волкодав!

А меня черт за язык дернул:

— Ясное дело! — говорю.— Чемпион округа! Самого здоровенного детину с ног валит!

— Вот здорово! — обрадовался журналист.— Товарищ рядовой, у вас же есть специальный костюм — пусть ваш пес попробует меня с ног свалить!

— Зачем вам это нужно? — насторожился я.— Собака матерая. С ней шутки плохи!

— Понимаете,— взмолился он,— я сейчас пишу приключенческую повесть. Мне очень нужно испытать чувства нарушителя, когда на него вот такой волкодав нападает...

Неудобно мне было на попятную идти.

— Ну что ж,— говорю,— давайте!

А сам думаю: авось как-нибудь Гром его свалит. Мы с ним задержание только что проходили.

Напялил я на корреспондента ватный костюм. Посмотрел он, как собака по вольеру бегает, хвостом помахивает, и говорит:

— Принесите мне еще пару подушек. Я их на шею положу, чтобы не прокусил...

Укрепили мы его подушками.

— А ноги как же? — спрашивает журналист.

— Да за ноги он кусать не будет — не приучен.

— Нет, вы знаете,— говорит гость,— я человек новый: он меня может и за ногу хватануть.

Ладно, нашли мы на складе огромные валенки. Сунул корреспондент в них ноги, а промежуток между ногами и валенками мы опилками засыпали.

Стал журналист спиной к вольеру. Вывел я своего пса. Он, конечно, отродясь такого чучела не видел — вылупил глаза.

— Фас! — скомандовал я.

Подбежал Гром, кусанул чучело пару раз за рукав и сел рядом с ним.

— Что же это он? — возмутился корреспондент.

— Да понимаете,— оправдываюсь я.— Гром приучен валить бегущего человека. А тут он соображает: все это игра. Собака умная!

— Ишь ты! — удивился журналист.— Ладно, я сейчас так припущу, что он меня и не догонит!

Тут парень как дал стрекача да в кусты, а Гром — за ним. Я сначала даже растерялся. Потом бросился их догонять. Выбегаю на поляну — вижу: лежит корреспондент, уткнулся лицом в землю, а рядом с ним Гром сидит, язык высунул.

«Вот это да! — думаю.— Ай да Гром! Ай да сукин сын! Молодец! Свалил-таки этакого бугая!»

Подбегаю. Журналист не выказывает никаких признаков жизни. Ох и перепугался же я! Хотел парня на спину перевернуть, да не тут-то было. Тяжелый он очень, прямо как мешок с гвоздями. Выломал я кол, перекаптовал его кое-как. Лицо у корреспондента красное, глаза закрыты. Снял я с него эту хламиду, по щекам похлопал. Очухался парень, сидит — головой трясет.

— Товарищ журналист, извините,— взмолился я.— Сами понимаете, собачка не рассчитала.

Все-таки чемпион! — А сам ругаю Грома на чем свет стоит.

Отдышался корреспондент и говорит:

— Не надо собачку ругать... Собачка не виновата... Это я сам упал. Устал. Жарко очень... А собачка у вас добрая. Я чувствовал: она меня перевернуть хотела. Только силенок у нее мало-вато...

Прошло время. Гром возмужал, превратился в замечательную служебно-розыскную собаку. Много пользы принес он границе. Но каждый раз, когда он придавливал к земле очередного нарушителя, я вспоминал слова этого корреспондента и с иронией говорил:

— Чего боишься? Гром — собачка добрая... Подумаешь, кусанет пару раз.

На стыке

Как давно это было...

Но во мне до сих пор живет ощущение того дня. И кажется, стоит прикрыть веки — наплывет, закружит голубая высь неба, и душу наполнит то небывалое, радостное чувство, которое баюкало нас тогда.

И было в этом чувстве все — молодость, сила, уверенность в себе, ожидание первой любви и еще многое такое, чего нельзя рассказать словами. Нет еще таких слов...

Мы сидели, прижавшись спинами к теплому камню, смотрели на искрящийся в солнечных лучах мир и сначала просто молчали, улыбались — так нам было хорошо и покойно. И хоть пришли мы сюда по делу, пройдя нелегкий путь по извилистым горным тропам, и недалеко, покуривая, переговариваясь, лежали наши солдаты — пограничные наряды двух соседних застав, и явились мы сюда — на стык — не для того, чтобы поболтать, а явились выполнить важную военную задачу — «отработать взаимодействие», но все равно... все равно — было нам по-детски, по-щенячьи весело.

Да и то сказать — шел второй месяц нашей офицерской службы, и на границу мы выходили еще по-пижонски — в хромовых сапогах.

Лешка первый прервал молчание, как-то облегченно вздохнул и спросил:

— Слушай, сколько у нас застав?

— В отряде?..

— Нет. Вообще, в Советском Союзе.

Я хихикнул:

— Это, товарищ лейтенант, военная тайна.

Лешка повернул голову, удивленно глянул на меня, и я уже ждал от него ответную хохму, потому что был он, Лешка Шестоперов, первым весельчаком и балагуром в нашем дивизионе, звездой художественной самодеятельности, популярнейшей личностью... И, честно говоря, был я нескончаемо счастлив, когда узнал, что распределили нас в один округ, а потом — в один отряд, а потом, как оказалось, на соседние заставы.

Итак, я бросил Лешке вызов и теперь ждал, что он «примет его на грудь», обработает и даст мне ответный пас.

Но Лешка только сощурился, снова мечтательно вздохнул и, глядя в беспредельное небо, задумчиво изрек:

— Сколько застав... И стоят они вдоль границы. Плечо к плечу... плечо к плечу... Как богатыри в одном строю...

Затем Лешка улыбнулся, хлопнул меня по колену и сказал:

— Доставай карту, стратег.

Мы раскрыли планшеты, склонились над листочками, на которых преобладали коричневые тона.

— Понимаешь,— глубокомысленно заметил Лешка,— в технике стык самое слабое место. Недаром сварные швы рентгеном просвечивают...

Он постучал пальцем по камню, как бы проверяя его на прочность. И вдруг встрепенулся, возбужденно воскликнул:

— Помнишь, мы фильм какой-то смотрели о летчике, который испытывал новый самолет?..

Перед полетом он сидел в кабине, представлял, что может случиться в воздухе, и заранее планировал свои действия...

И мы начали работать: мы ставили себя на место лазутчиков, мы придумывали десятки сложнейших ситуаций, и тут же на каждый вариант находили единственно правильное, согласованное решение.

Несколько часов проходила наша «игра». Солнце село за гору. Мы встали, пожали друг другу руки и, довольные, пошли в разные стороны.

Больше я Лешку живым не видел...

Так уж устроена пограничная служба: никогда не знаешь, когда призовет она тебя, когда потребует отдать все, на что способен. Можно прослужить двадцать пять лет, честно выполняя свой долг, и ни разу не ощутить горячее дыхание погони, нервный озноб схватки, не услышать такой привычный и в то же время невероятный звук выстрела, зная, что стреляют в тебя...

А вот Лешке выпала иная доля, и весь его офицерский стаж составили два месяца и девять дней.

...Нарушитель действительно прорывался на стыке. В горах в ту ночь бушевала гроза. Сиреневые всполохи освещали скалистый гребень, а дождь лил сплошной стеной, словно кто-то там, в небе, зачерпнул ковшом из недалекого моря и теперь весь этот ковш выплеснул на наш участок.

Лешка на строевой машине вез наряд на рубеж прикрытия. А я гнал лазутчика вверх, по ущелью. Между нами все время была стойкая радиосвязь. И только раз, на несколько минут,

она прервалась. Но тогда я еще не знал, что именно в эти минуты все произошло...

Потоки воды размыли дорогу. На крутом повороте машину занесло, и задние колеса повисли над пропастью. Машина медленно накренилась, ее неотвратно тянуло вниз... Молоденький шофер растерялся, отбросил дверцу... Лешка крикнул, вытолкнул его, схватился за руль. Передние колеса имели свой привод, и это позволило ему еще немного удержать машину на краю. Двигатель истошно выл, протекторы изо всех сил цеплялись за уступ, а в это время солдаты, разрезав штыками брезентовый тент, выпрыгивали из кузова.

О чем думал Лешка в те мгновения, на стыке жизни и смерти? О чем думали его солдаты, стоя у черного провала, в который, куврякаясь, полетела машина?

Шофера била истерика, он что-то бормотал. Сержант, рослый, сильный парень, подошел к нему, тряхнул за плечи.

Водитель всхлипнул и тихо прохрипел:

— Командир крикнул — на рубеж! На рубеж!.. он крикнул...

И они побежали вверх, хватая губами редкий высокогорный воздух. Сержант включил радиостанцию...

Они бежали, и на их лицах, мокрых от пота и дождя, не было видно слез.

Они вышли на рубеж, они взяли лазутчика именно там. А мы отрезали ему путь от границы, мы захлопнули капкан, загнали его в ловушку...

И когда я, задыхаясь, в изодранном маскхалате, выскочил на гребень и увидел у сапог сидящего на валуне сержанта — человека со свя-

занными руками, то в груди у меня вспыхнуло радостное чувство. Я понял, что мы с Лешкой выдержали первый экзамен.

Сержант не встал, не доложил мне обстановку. Он скользнул по моему лицу равнодушным, тусклым взглядом и продолжал курить сигарету, бережно прикрывая ее ладонью от дождя.

Сначала я немного рассердился, но потом подумал, что он, наверно, чертовски устал, и поэтому, отдышавшись, спросил:

— Где лейтенант Шестоперов?

Сержант вскочил, посмотрел на поверженного нарушителя и вдруг с каким-то остервенением закричал:

— Из-за него... Из-за этой падали!

Лязгнул затвор автомата, я едва успел схватить его за ствол. Мы чуть не стукнулись лбами. Я увидел совсем близко глаза сержанта. И по тому, какая была в них тоска, понял: произошло что-то страшное.

...Мать попросила, чтобы Лешку привезли домой — в Москву, тут его и похоронили — на Кунцевском кладбище.

Каждый раз, когда по делам службы мне приходится бывать в Главном управлении, я обязательно выкраиваю час-другой и прихожу сюда.

А вот и Лешкино скромное надгробие. Рядом с ним ребята из училища поставили пограничный столб. На фотографии Лешка улыбается. Не нашли такую фотографию, чтобы был он на ней с постной физиономией. Даже в личном деле не нашли. Даже в него — в казенное личное дело — умудрился вложить он свою улыбку...

Я подхожу к серой плите, кладу на нее руку. И мне чудится, что от нее исходит тепло.

Тепло того камня, привалившись к которому мы

сидели тогда — на стыке. И кажется, стоит прикрыть глаза — снова наплывет ощущение юности, счастья, покоя...

А может, этот камень впитал в себя теплоту Лешкиного сердца, Лешкиной души?.. Ведь не может все это исчезнуть бесследно? Ведь не зря же меня каждый раз так неумолимо тянет сюда?..

И еще я знаю, что служат на границе пятнадцать офицеров — те самые бывшие солдаты, которые ехали с Лешкой на рубеж, которые выпрыгнули из машины, а потом, спотыкаясь и падая, карабкались на гребень, выполняя последнюю волю своего командира, последний его приказ...

Я стою у Лешкиной могилы и думаю о мужской солидарности, о дружбе, и вспоминаю его слова: «Сколько застав... Плечо к плечу... Как богатыри...»

Счастье

На заставе царит тот святой час, который в уставе обозначен как время «для личных потребностей». Солдаты разбрелись по закуткам: кто пишет письмо домой, кто тихо бренчит на гитаре, кто гоняет с приятелем в шашки.

Мы, молодые офицеры, собрались в канцелярии и слушаем, как «травит» лейтенант Сашка Нестеров. Он только что вернулся из отпуска, переполнен впечатлениями, ему не терпится поскорее выплеснуть их.

Сашка — коренной сибиряк. У него желтые, прямые волосы, спадающие на лоб непослушной челкой, широкие скулы, крупные, словно фарфоровые, зубы, веселые голубые глаза.

Отпуск Сашка провел в Москве. Он заканчивал пограничное училище в Алма-Ате и в столице никогда не был, давно собирался совершить «дозор по тылу», и вот — сбылась мечта.

— Добрался я до метро! — Сашка делает ладонями такой жест, будто в руки к нему упал большой арбуз. — А там... этот самый... знаменитый час пик. Народищу — уйма!.. Подъезжает поезд, открываются двери — все спрессованы, как шпроты в банке, ногу поставить негде... Я тыркнулся — туда, сюда. Ну, никак!.. Тут какая-то бабуля сердобольная и говорит: «Вот, даже военный войти не может».

Ах ты, думаю, как же так? Народ че верит

в боеспособность своих вооруженных сил!.. Как с разбегу поднадавил — так за мной еще человек пять вошло!..

Сашка задорно смеется. Мы тоже улыбаемся, представив себе эту сценку. А Нестеров мгновенно переключается на другой эпизод:

— Был в Третьяковской галерее. Картина там есть замечательная... художника Федотова... «Сватовство майора» называется... Стоит этакий красавец...— Сашка делает ударение на последнем слог.— Усы распушил, доволен сам собой. А она, невеста, от него мордочку воротит. Не хочет, стало быть, замуж за майора. Представляете, братцы,— майор! Это по-нашему, почитай, комендант участка. А она капризничает!

— А сам-то ты не обзавелся там невестой?— без всякой задней мысли спрашиваю я.

— Было дело...— многозначительно заявляет Сашка.— И опять-таки в метро я ее встретил... Хорошая штука — это метро. Сядешь на лавочке где-нибудь на узловой станции, и за день мимо тебя все девушки города пройдут. Как-то и я занял позицию — приморился. Вижу, подруга сквозь толпу пробивается. Люди ей навстречу сплошным потоком идут, а она все равно не сворачивает — локтями работает. Эге, думаю, вот такая жена пограничнику и нужна. Подкатился к ней сбоку, честь по чести представляюсь: «Лейтенант Нестеров. Прибыл к вам на усиление. Гуртом нам сподручнее будет движение нарушать». Она зыркнула на меня и спрашивает: «Тебе чего, служивый?» — «Предлагаю руку и сердце!» — «А ты из каких будешь? Лесник, что ли? Фуражка-то зеленая...» Дурака валяет, шельма. Но я ничего — тон держу, подыгрываю. «Что ты, — говорю, — душенька! Мы как есть

пограничники!» — «Тогда пошли со мной на вечеринку. Такого кавалера ни у кого не будет...»

Сашка на секунду умолкает, обводит нас своим ясным голубым взглядом, проверяя, верим мы или нет. Убедившись, что все слушают внимательно, продолжает:

— Действительно, повела на гулянку. По дороге познакомились: она — студентка, их группа «свалила» последний экзамен, празднуют начало каникул...

Голос у Сашки почему-то становится все грустнее и грустнее.

— А дальше? Было у вас что-нибудь?

— Спрашиваешь! — хорохорится Нестеров. — Столичные девицы заводные...

Нестеров совсем скис. Хочет с доблестью уйти от этой темы, но не получается... И тогда я прихожу к нему на помощь:

— Ладно, хватит трепаться. Через пять минут вечерняя поверка.

Я старше своих заместителей всего на три года. Но я — начальник заставы, а это значит, что мой приказ для них закон. Сашка с благодарностью глянул на меня и надел фуражку.

После построения я выхожу на крыльцо покурить. Вскоре ко мне присоединяется Нестеров. Мы с ним сегодня ночуем дома. На заставе дежурит замполит.

Сашка не курит и вообще не переносит табачного дыма. Он становится у противоположных перил, задумчиво смотрит в небо.

— Звезды у нас какие, — тихо говорит Нестеров. — А в Москве ни звезд, ни луны не видно... одни фонари...

— Ты что, действительно в столице подгульнул? — спрашиваю я; Сашка все-таки заинтриговал меня своим рассказом.

— Да ну... — Нестеров отрешенно машет рукой. — Нужен я ей... — Потом, немного помолчав, добавляет: — А девчонка хорошая. Достанется же кому-нибудь такое счастье. Будет он с работы приходить, а она его ждет — чистенькая, теплая... Эх...

Сашка обиженно сопит, кладет ладонь на грудь.

— Что-то ноет у меня здесь, — жалуется он. — Зря я с ней познакомился. Одно расстройство...

— Ты хоть адрес взял?

— Взял.

— Напиши письмо.

— О чем?.. Она меня все про природу спрашивала. А я ей говорю: «У нас нет природы. У нас — фланги: левый — по горам, а правый — по долам...»

Я улыбаюсь. Нестеров замечает это и тоже ухмыляется. Долго тосковать он не может. Он любит, когда его хохмы нравятся.

— Ладно. Пойдем, командир, спать, — зевнув, предлагает Сашка. — Завтра у нас трудный день.

Я гашу окурок, бросаю его в ведро с водой, и мы медленно идем через двор к маленькому домику, в котором живут офицеры.

Ночь. Мы с женой лежим, тесно прижавшись друг к другу. Моя жена беременна на втором месяце. Мы хотели ребенка, мы ждали его, и поэтому счастливы.

— Знаешь,— шепчет мне жена на ухо,— Нестеров, кажется, влюбился...— Она ехидно, по-женски, хихикает.

У них с Сашкой какие-то свои, доверительные отношения, он ей исповедуется.

— Знаю,— усмехнувшись, отвечаю я.

— Бедный мальчик. Что же с ним теперь будет?

— Через год получит старшего лейтенанта. Его шансы возрастут.

— Дурачок,— смеется жена.— Я тебя курсантом полюбила.

Это действительно так... Мы молчим. Через несколько минут я слышу мерное дыхание — уснула.

Я закрываю глаза и вспоминаю, как первый раз увидел ее. День был знойный, пыльный. Наш дивизион вернулся с полевых занятий. Я на них чем-то там отличился, и начальник курса, зная, что мой дом рядом с училищем, отпустил меня до утра.

Я снял в прихожей сапоги, повесил на них сопревшие портянки, сидя на табуретке, вытянул уставшие ноги. Все это испускало запах... скажем так: специфический.

И тут вошла она. Ее привела моя сестра — они были подруги.

Я всегда робел перед девушками, а в такой ситуации вообще не знал, куда себя девать.

Что она во мне нашла? До сих пор не понимаю... Она говорит: «Ты улыбнулся... так жалко, растерянно. И все — что-то во мне оборвалось...»

Иногда я с ужасом думаю: а если бы сидел по всей форме, бравый, подтянутый? Может, ни-

чего и не произошло?.. От каких же ничтожностей зависит человеческое счастье.

А как бы я жил сейчас без нее? Да. Сашке, конечно, тяжело одному...

Тикают часы. За окном завывает ветер. Но мне тепло.

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 *Сезон чернотропа***
- 17 *Златые горы***
- 68 *Чакрым***
- 108 *Вызови меня...***
- 146 *Далекие всполохи***
- 173 *Время «Ч»***
- 194 *Ветеран***
- 213 *Прыжок***
- 231 *По следу***

238 Отпуск

248 Дыня «акмал»

252 Добрая собачка

256 На стыке

262 Счастье

Игорь Данилович Козлов

ВРЕМЯ «Ч»

Рассказы

Редактор А. Ефимов

Художник Е. Прохоров

Художественный редактор А. Никулин

Технический редактор В. Никифорова

Корректоры О. Добромислова, Т. Люборец

ИБ № 4654

Сдано в набор 13.10.86. Подписано к печати 27.03.87. А07072. Формат 70x80¹/₃₂. Гарнитура литер. Печать офсет. Бумага офсет. № 2. Усл. печ. л. 9,95. Усл. краск.-отт. 20,05. Уч.-изд. л. 10,45. Тираж 30 000. Заказ 266. Цена 90 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Росполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30

Козлов И. Д.

К59 **Время «Ч»: Рассказы.— М.: Современник, 1987.— 269 с.— (Новинки «Современника»).**

Книга молодого московского писателя Игоря Козлова посвящена ратным будням воинов, охраняющих Государственную границу СССР. Граница — это своего рода барометр, чутко реагирующий на все изменения сложной международной обстановки. Вот почему молодым людям, которым Родина доверила оружие для защиты своих священных рубежей, приходится действовать в экстремальных условиях, требующих от них мужества и отваги.

События, описанные в рассказах, разворачиваются на разных участках Государственной границы: в горах Памира, в тайге, в пустыне, на морском контрольно-пропускном пункте, на Курильских островах.

К $\frac{4702010200 - 173}{M106(03) - 87}$ 51 — 87

ББК84 Р7
Р2